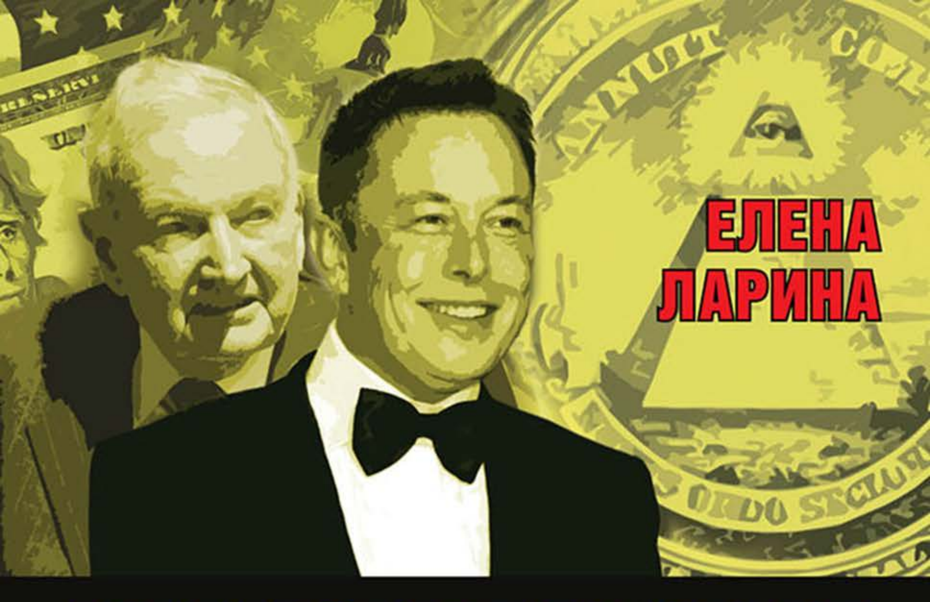

УМНОЖАЮЩИЕ СКОРБЬ

КАК ВЫЖИТЬ В ЭПОХУ ВОЙНЫ ЭЛИТ

АНДРЕЙ ФУРСОВ РЕКОМЕНДУЕТ!

ИГРЫ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Елена ЛАРИНА

УМНОЖАЮЩИЕ СКОРБЬ

КАК ВЫЖИТЬ В ЭПОХУ ВОЙНЫ ЭЛИТ

Предисловие А.И. Фурсова

Москва • Книжный мир • 2016

Елена Ларина
Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит. Предисловие А.И. Фурсова. (Серия «Игры мировых элит»). – М.: Книжный мир, 2016. – 320 с.

ISBN 978-5-8041-0879-4

Это книга-открытие, книга-предупреждение, книга-Откровение, книга-программа. Как написал в предисловие к ней Андрей Фурсов, эта книга – «что-то вроде приема красной таблетки в фильме «Матрица». Тот, кто ее прочтет, вряд ли будет смотреть на мир по-прежнему».

В центре исследования Елены Лариной – война элит и вопрос выживаемости России в новой исторической реальности – мире мятежевойны, где нет фронтов и союзников.

Враг у ворот! – предупреждает автор. Война уже идет и в ней участвует каждый из нас, потому что сражения развернулись не на улицах и площадях наших городов, а в наших умах. Такова современная война – ее не видно, но она есть.

Выбери красную таблетку – прочитай книгу. Ты получишь знания, умножающие скорбь, но узришь мир таким, каким он является на самом деле.

Выйди из Матрицы, стань Избранным!

ISBN 978-5-8041-0879-4

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

А.И. Фурсов

ЧИТАЯ ЕЛЕНУ ЛАРИНУ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ (вместо предисловия)

Тот, кто прочтёт эту книгу, вряд ли будет смотреть на мир по-прежнему. Это что-то вроде приёма красной таблетки в фильме «Матрица». Мир действительно не таков, каким он кажется, каким нам стараются его показать псевдоаналитики, квазиэксперты и телешоумены от политики, кривляющиеся с экрана в ходе устроенного ими междусобойчика. Сборник статей Елены Сергеевны Лариной продемонстрирует насколько мир не таков. Десятка великолепных статей представляет широкую панораму мира сегодняшнего, а отчасти завтрашнего дня. В его реальности, в отличие от того, что было до разрушения СССР, грань между миром и войной пунктирна, а порой вообще исчезает – мы уже живём в войномире, или, как я назвал такое состояние в работе «На закате Современности», в условиях всемирно-точечной мятежевойны. В кратком предисловии невозможно представить всё содержательно-смысловое богатство сборника «Умножающие скорбь», поэтому я ограничусь несколькими ударными темами, раскрытие которых

у автора носит пионерный характер. Но сначала несколько слов о названии.

Известно, что фактор, умножающий скорбь, – многие знания. В то же время знания обязывают к действию, даже когда это сложно и трудно представимо. В таком случае в силу вступает принцип одного из блестящих мыслителей XX века – Антонио Грамши: «пессимизм разума, но оптимизм воли». Если попросту, то это принцип двух лягушек, одна из которых, упав в кувшин с молоком, утонула без попыток спастись, а другая билась-билась, сбила молоко в масло, оттолкнулась от него и выпрыгнула из кувшина. «Сказка ложь, да в ней намёк»: биться в любых обстоятельствах, никогда не сдаваться. Как России биться в трудных обстоятельствах – к этому вопросу автор обращается в книге несколько раз, ответом на этот вопрос она и завершает книгу. Итак – по порядку.

Хищники и чужие

В любой системе есть системообразующий элемент. В мировой капиталистической системе это мировая (капиталистическая) элита. Эта тема – отправной пункт исследования Е.С. Лариной, которая отмечает, что в глобальной сети (согласно «Google Trends» «Wordstat Yandex») стремительно растёт число запросов на английском и русском языках со словосочетаниями как «мировые элиты», «элитные войны», «правящий класс» и т.д. Парадокс, на который обращает внимание автор, заключается в следующем: запросы по этим (да и вообще по различным темам) не следуют за событиями, а опережают их, т.е. поисковые запросы

позволяют уловить будущие тенденции; иными словами, коллективное сознание и подсознание пользователей интернета как целое (интегральный эффект) оказывается более умным, а точнее, более интуитивно-чувствительным, чем отдельные аналитики или даже их сумма.

Я бы сказал, что в данном случае мы имеем дело с феноменом упреждающей-опережающей реакцией общества на те или иные события или явления, особенно усиливающейся у определённых лиц и групп в периоды кризисов, а точнее, предкризисов. Опережающе-упреждающая реакция, как говорит один из героев «Чёрной луны» О. Маркеева, проявляется по-разному – от внезапного роста самоубийств, преступности, помешательства до внезапных и неожиданных всплесков интереса к той или иной тематике. Последний, добавлю, нередко демонстрируют именно «городские сумасшедшие», чувствительные к информационно-энергетическим сгусткам и находящиеся на переднем плане роевого сознания. Интернет как целое, безусловно, имеет черты роевого сознания и даже чисто количественный анализ потока информации может вскрыть неожиданные вещи (достаточно вспомнить сюжет фильма «Три дня “Кондора”»).

Итак, запросы в интернете фиксируют надвигающуюся «бурю мечей» на «элитном Олимпе». В этом плане исключительно важен анализ складывающейся там ситуации. Е.С. Ларина категорически против упрощения этой ситуации, она показывает, что реальность намного сложнее, чем её подчас изображают.

Да, есть конкуренция (но и сотрудничество) между теми же условными Ротшильдами и условными Рокфеллерами, но, во-первых, я не случай-

но предварил эти фамилии определением «условные», поскольку и первые, и вторые представляют кластеры, намного более крупные, чем эти сверхбогатые кланы. Во-вторых, если до 1970-х годов со значительным упрощением можно было рассматривать элитные войны сквозь призму противостояния «двух Р», скрывающихся за ними кластеров, то в последние полвека ситуация усложнилась на порядки, а в последние пять лет – ещё в разы, причём стремительно.

Комбинируя классово-политэкономический и элитарно-групповой подходы, Е.С. Ларина членит элиты (отмечая в качестве их важнейшей черты их наднациональный характер, сформировавшийся в последней четверти XIX – в первой четверти XX в., т.е. в тот хроноотрезок, который Я. Ромейн назвал «водоразделом»), в зависимости от рода занятий, источника дохода, локации в капиталистическом способе производства. У автора получается следующая убедительная, на мой взгляд, картина. Первая группа надгосударственной элиты – «банкстеры», хозяева эмиссионных центров; те, кого ещё называют фининтерном: банки, хеджфонды, страховые компании, инвестиционные фонды. Лично мне все они очень напоминают беляевского «продавца воздуха», поскольку делают деньги из воздуха. Финансы сегодня перестали обслуживать экономику и общество; по сути этот сектор мирового хозяйства подобен раковой опухоли; точнее, организм оказывается привеском к ней: если реальная экономика (включая сферу услуг) это в денежном измерении 80 трлн. долл., то мировой финансовый рынок это 800 трлн. долл., а если учесть деривативы, то квадриллион.

Вторая группа – корпоратократы. Сюда автор относит ТНК традиционных отраслей, порождённых второй производственной революцией; здесь мы видим владельцев и топ-менеджеров нефинансовых и невысокотехнологичных секторов, высшее наднациональное чиновничество, как финансовое (МВФ, МБ), так и административно-политическое (Евросоюз). Третья группа – тот сегмент мировой элиты, который связан с высокими технологиями; называют его по-разному: «когнитариат», «нетократия», «гикономиксы» и др. Он начал складываться в 1970-1980-е годы вокруг американских университетов в тесной связи с военным и разведывательным сообществами и развивался на государственные дотации; для него характерны венчурный капитал и коммерциализация интеллектуальной собственности через фондовый рынок.

В нынешней ситуации, как считает Е.С. Ларина, оформляется союз «гикономиксов» с наиболее продвинутыми корпоратократами, направленный против глобальных банкстеров. Время работает против последних, отступать им некуда, поэтому на чашу весов их ставленницы в США Х. Клинтон будет брошен весь их глобальный ресурс.

Как показывает автор, бóльшая часть XX в. – это противостояние банкстеров и менеджеров, превратившихся после Второй мировой войны в корпоратократов; по её мнению, советскую индустриализацию, проспонсированную американским капиталом, прежде всего Рокфеллерами (я бы добавил сюда и «третьерейховское экономическое чудо») – это ответный удар формирующейся корпоратократии на экспансию банкстеров – создание ФРС. Отмечу, что реальная картина сложнее: в финансировании СССР участвовал не только Форд,

но и Рокфеллеры, однако у этого есть объяснение: в 1929-1931 гг. директор Центрального Банка Англии закрыл Британскую империю от «внешнего мира», т.е. от США, и Рокфеллерам пришлось вкладываться в СССР и Германию. Линию рассуждений автора можно продолжить: если «советское чудо» – это отчасти ответный удар будущих корпоратократов банкстерам, то «китайское чудо» – это «“империя банкстеров” (в основном британских и связанных с ними американских) наносит ответный удар».

Крушение СССР, по мнению Лариной, изменило соотношение сил в глобальной элите в пользу финансистов, которые благодаря этому и вдобавок прикрывшись неолибералами, взяли верх над корпоратократами и поставили их под контроль. Впереди – беспощадная внутриэлитная война за будущее, к которой могут присоединиться, кроме трёх названных групп, силовики, интернет-активисты, негосударственные организации. Последним глобальная элита отводит особое место. Анализируя работу Дж. Ная «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» (1990 г.), Е.С. Ларина чётко определила важное изменение: впервые во внешней политике США глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами; Наем не только была зафиксирована субъектность наднациональной (над- и негосударственной) элиты, но и были обозначены союзники, так сказать «субъекты по доверенности» – различные, разновеликие и разномастные акторы: общественные движения, активистские группы, политические организации и даже известные персоны **внутри** тех или иных государств, которые тем са-

мым противопоставляются своим государствам, на которые направлены действия США.

Иными словами, Най подвёл концептуальный базис под формирование проамериканской, проглобалистской «пятой колонны» во всём мире. «Пятая колонна» – тоже игрок, но, разумеется, «шестёрочного» типа. В последнюю четверть века мы видим активность этих «шестёрок», своего рода «шакалов Табаки» при заокеанских «Шер-ханах» у нас в стране – их активность растёт одновременно с ростом враждебности их хозяев по отношению к России. Е.С. Ларина подчёркивает враждебность по отношению к России части элит США, Евросоюза и арабских стран. С этим нельзя не согласиться. А вот с чем я не могу согласиться, так это со следующим тезисом автора: «...на сегодняшний день нет достаточных документированных оснований утверждать о метафизической предопределённой изначально вражде Запада и России. Российская и мировая история показывает, что на протяжении столетий Россия враждовала и сотрудничала с самыми различными странами [...] вчерашний друг становился врагом и наоборот». Правда, в самой последней статье сборника Е.С. Ларина чёрным по белому пишет о необходимости разработки асимметричных малоресурсных оперативных мер по перехвату **у Запада** инициативы, т.е. налицо противоречие, по крайней мере, семантическое. Однако не будем цепляться к тому, что может оказаться всего лишь опиской, рассмотрим аргумент серьёзно.

Дело в том, что факт тактических ситуационных союзов между различными государствами сам по себе никак не может свидетельствовать об отсутствии изначальной метафизической вражды или, как минимум, неприязненной несовместимо-

сти – «физика» вообще не может быть аргументом против «метафизики» или за неё. Да, действительно вчерашние противники и союзники могут меняться местами; да, на каждом отдельном кратко- и среднесрочном отрезке истории России ей противостоял определённый сегмент (или сегменты) элит Запада; да, в мировых войнах XIX-XX вв. Россия блокировалась с англосаксами против континенталов, а в межвоенные периоды именно с последними – Францией и Германией – налаживала отношения. Это – логика конкретных исторических обстоятельств, конъюнктура, не отменяющая базовых вещей. А они таковы. Как заметил Карл Шмитт, немцы, французы и англичане воевали между собой совершенно иначе, чем те же французы и немцы – с русскими; в первом случае это было нечто вроде внутриевропейской гражданской войны, во втором – война с чужими, варьировавшая от задачи простого отбрасывания варваров до стирания из истории, тотального уничтожения. Гитлер всегда будет ближе Западу, чем Сталин. Достаточно вспомнить фразу З. Бжезинского о том, что Запад, США боролись не с коммунизмом, а с исторической Россией, как бы она ни называлась.

С XVI в., со времён Ивана Грозного Запад поставил задачу установления контроля над Россией, причём это сделали одновременно протестанты (план Джона Ди) и католики (план Габсбургов) – с этим не поспоришь. Россия – единственная незападная страна, которая в течение 400 лет успешно отбивала агрессию Запада, нанося ему поражения; не легла под него и при этом создала не только великолепную технику, но и европейскую же, но альтернативную западной высокоразвитую культуру

и науку. В известном смысле японцы, индийцы и арабы всегда будут ближе Западу, чем русские – ближе тем (или потому), что Запад давно взял над ними верх и они признали это верховенство. В России такое признание характерно только для «пятой колонны», со времён Смердякова сожалеющего о том, что умная нация не победила глупую. Поэтому, выбрав название «Чужие и хищники», я нисколько не демонизирую Запад, а констатирую, во-первых, то, что это хищническая сущность – со времён эрбинов, вырезавших всех, кто жил до них в Европе; во-вторых, то, что как пел А. Вертинский, «мы для них чужие навсегда» – т.е. метафизически. Как говорил А.Е. Едрихин (Вандам), хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним. Ну а «физически» в рамках такой «дружбы» можно и союзничать (временно) – ведь добили же Рузвельт и Сталин вместе Британскую империю; как говорил герой «Ва-банк», «не вижу препятствий».

Селектораты, доминаты и гетерархии: «всё смешалось в бурном танце»

Е.С. Ларина первой, по крайней мере, насколько мне известно, обратила внимание на те внутриэлитные изменения по вертикали и горизонтали, о которых в своих работах написал Буэно де Мескута (по прозвищу «Нострадамус из ЦРУ»). Попутно обращаю внимание на тот огромный массив научной литературы, включая новейшую, по самым разным отраслям знания, который Е.С. Ларина вводит в российский интеллектуальный оборот, просветительский потенциал книги не менее значителен, чем профессиональный и общеинтеллектуальный.

Де Мескута показал, что важные изменения происходят в самой глобальной элите – как по вертикали, так и по горизонтали. Автор приводит концепцию Буэно де Мескута, который показал, как на Западе в последней трети XX в. «электорат» превратился в «селекторат» (слои реально участвующие в реальном выборе исторической динамики и руководства страны), а на рубеже XX-XXI вв. «селекторат» превратился в «доминат» (автор упоминает ещё один термин – «паукратия», «власть немногих»). Доминат – результат отсечения от власти подавляющей части даже имущих слоёв и групп общества, включая значительную часть тех, кого именуют по-старому – олигархией, и сосредоточение её в руках определённых небольших по численности наднациональных группировок, между которыми складываются подвижные иерархосетевые отношения – гетерархии.

Гетерархия – это организация, комбинирующая вертикальные и горизонтальные связи, причём вертикальные связи носят гибкий характер. У меня термин «гетерархия» ассоциируется с термином «tangled hierarchy», хорошая иллюстрация последней – картина М. Эшера «Относительность», хотя, конечно же, «гетерархия» – более сложное понятие, чем tangled hierarchy. Доминат есть по сути комплекс нескольких гетерархий и реализует он себя не только внутри того или иного государства, но и на мировом уровне, где формируется иерархия, «доминат – субдоминат – квазидоминат», причём второй и третий не обязательно представлены государствами. Ясно, что субдоминат и квазидоминат суть акторы с ограниченной исторической волей.

Е.С. Ларина убедительно аргументирует то, что в Европе полным ходом (намеченный срок – 3-5 лет)

идёт конструирование доминатом нового субдомината; планируемое ядро – Польша, участники – Литва, Украина, Молдавия, Румыния, большие планы у «хозяев мировой игры» на Белоруссию.

Впрочем, и у домината далеко не всё получается. Автор отлично иллюстрирует это примером провала стратегии управляемого хаоса Ст. Манна. Согласно Манну, стратегия управляемого хаоса – это инструментарий для разрушения территории и ресурсных баз потенциальных кандидатов в сверхдержавы. Стратегию, придуманную этим бывшим специалистом по английскому языку, раскритиковали в Институте сложности (Санта Фе), где этой проблемой занимаются как частным случаем фундаментальной теории динамических, стохастических, нелинейных систем, рассматривая его как самоорганизующуюся критичность или режим с обострением. Однако, несмотря на критику, истеблишмент США попытался реализовать её на практике. Однако поскольку хаос можно создать, но управлять им нельзя, попытки обернулись авантюрой и провалом на Ближнем Востоке. «В мире, где пропагандисты выступают в качестве аналитиков, – комментирует эту ситуацию автор, – и обслуживают дилетантов-политиков, незнание базовых принципов используемых методов чревато разрушительными последствиями». Ещё одним примером мошеннически-провокационных методов в политике автор считает Шарпа, отказывая, однако, ему в оригинальности – у истоков этих методов стоит А.Л. Парвус (он же И.Л. Гельфанд) – авантюрист, интерлокер и блестящий экономист, который учил Троцкого и влиял на Ленина (чего тот никогда не хотел признавать).

Поле боя, или «Выходят на арену силачи, не ведая, что в жизни есть печаль»

Особое место в сборнике занимает анализ тех условий, в которых разворачиваются войны элит – гетерархий и доминатов: ментальные (психоисторические), поведенческие и кибервойны. Что это за условия? Прежде всего, это третья производственная революция; она размывает средний слой; в ближайшие 20 лет до 45% рабочих мест в сфере умственного труда займут роботы, появится масса лишних людей; само государство всё больше превращается в корпорацию – государство-корпорацию. Здесь я должен заметить, что следующим шагом будет превращение государства-корпорации в корпорацию-государство, описанную мной в 2006 г. в журнале «Эксперт». Мы имеем дело с той же динамикой, которая когда-то превратила государство-нацию XVIII в. в нацию-государство в XIX-XX вв. с существенной, правда, разницей: тогда это был путь наверх, к расцвету государства, сейчас – вниз, к его уничтожению.

Гибель государству несёт и второй фактор, определяющий арену элитной борьбы – переформатирование глобального политико-экономического пространства. Автор прямо указывает на создание Транстихоокеанского торгового партнёрства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП). Е.С. Ларина обращает особое внимание читателя на то, что оба партнёрства формируют единую техническую нормативную зону и среду технической регуляции (стандарты) – единый «глобтехнадзор», а также независимую от национальных государств судебную систему.

Обе зоны охватят более 60% мирового ВВП, 80% мировых финансовых рынков, более 90% патентов и ноу-хау.

Кто-то может здесь возразить: но ведь есть БРИКС, ведь есть Россия и Китай; наконец, есть альтернативный проект глобального и евразийского развития Китая, аж два шёлковых пути – наземный и морской, так сказать, Китай «на суше и на море». На самом деле, не стоит обольщаться. Хотя Китай остаётся за пределами Транстихоокеании, это, однако, не означает его конфликта ни с ней, ни с США. Автор «Умножающих...» специально подчёркивает, что, во-первых, КНР и США не являются долговременными стратегическими противниками, и Си Цзиньпин категорически отказывается вступать с кем-либо в союзы, направленные против США; во-вторых, определённой части американской элиты в условиях уменьшения политических и финансовых возможностей США, их де-факто поражения в Ираке и Афганистане и провале в Северной Африке КНР видится в качестве регионального (Центральная Азия, часть Юго-Восточной Азии) субгегемона. Надежды на развёртывание широкомасштабного («глобального») конфликта КНР и США явно преувеличены, а вот оба китайских «шёлковых пути» (сухопутный и морской, особенно первый – «китайская Евразия») могут стать средством и зоной соединения двух мировых проектов кластера ТНК под названием «США», а точнее, мировой верхушки в целом, кланы которой договорятся, выстроив три мировые зоны, почти по Оруэллу, только Океания с запада и востока охватывает Евразию, разделённую на собственно Евразию и Остазию. Не надо забывать, что Китай с конца 1970-х годов в значительной степени

был ротшильдовским проектом и при всей своей значимости и автономии прекрасно вписывается в западный глобальный проект, выполняя в нём ряд очень важных для западных элит функций. Что же касается самых верхних кланов, как это, например, сделала в Европе буржуазия и аристократия после революции 1848 г., верхние кланы всегда готовы объявить «водное перемирие», и только не принадлежащие к ним расплачиваются в случае нарушения правил кровью, иногда – в течение нескольких поколений (весьма поучительна в этом плане история клана Кеннеди, бросившая вызов «олимпийцам»).

Не всё просто и с БРИКС, страны которого якобы строят якобы новый мировой порядок. Последнее уже почти даже не смешно. БРИКС – это сегодня уже РИК: «Б» упало, «С» пропало, как и можно было предположить: «А» и «Б» сидели на трубе... Да, в 1995 г. БРИКС давали 10% мирового роста, а в 2015 г. – 30%. На чей рост работает эта амальгама стран? Что касается «нового мирового порядка», альтернативного глобальному Pax Anglosaxonica, якобы планируемого (Б)РИК(С), то задаю вопрос: где проходят конференции БРИКС? Ответ: в Вашингтоне. Кто разрабатывает планы развития для стран БРИКС? Ответ: МВФ. 19 мая 2015 г. заместитель директора-распорядителя МВФ Минь Чжу заявил, что экономический рост стран БРИКС – это результат сближения показателей развития этих государств и самых развитых стран мира. Он даже назвал это **«конвергенцией под эгидой МВФ»**. Комментарии излишни.

Понятно, что Транстихоокеания будет оказывать серьёзнейшее воздействие на государство КНР, и это ставит перед руководством страны трудную и сложную проблему: как сохранить государствен-

ность, вписываясь при этом в глобальный миропорядок, конструируемый по планам Запада, в которых государству, мягко говоря, отводится всё меньше и меньше места. Это видно по тому, как меняется ситуация с одной из важнейшей, если не самой важной подсистемой государственного организма – подсистемой защиты, политико-экономическим иммунитетом. Происходящее со спецслужбами и вооружёнными силами государств свидетельствует о том, что глобальные элиты, если называть вещи своими именами, добивают государство в глобальном поле и «частные спецслужбы» ЧВК теснят армии государств. Е.С. Ларина приводит следующие цифры: на сегодняшний день крупнейшие ЧВК по своей мощи превосходят армии государств из третьей десятки; 70% деятельности американского разведсообщества выполняется частными подрядчиками. Что это, если не частичная приватизация госмонополии на разведдеятельность? Впрочем, добавлю я, С. Хантингтон (тот самый, который написал «Столкновение цивилизаций» и о котором не следует судить по этой работе; как исследование она провальна, но в том-то и дело, что это не исследование, это мем, концептуальный вирус психоисторического, а не научного порядка и в этом качестве успешен – ведь все начали повторять идиотский тезис о столкновении цивилизаций) ещё в середине 1970-х годов опубликовал доклад, в котором показал, как крупнейшие спецслужбы Запада постепенно переориентируются с государства на транснациональные корпорации. Тогда же резко активизировалась переориентация спецслужб на наднациональные структуры, с которыми до этого они просто «дружили», сохраняя национальную окраску.

Ударную силу глобальных элит составляет военно-разведывательно-финансовый комплекс США. Он организует и ведёт как финансово-экономическую войну, так и войну за умы, причём делает это очень давно. Так, напоминает автор, в 1956 г. ЦРУ была проведена первая серьёзная финансовая операция – атака на британский фунт во время Суэцкого кризиса: американцы выбивали британцев с Ближнего Востока. В конце 1960-х – начале 1970-х годов была проведена атака против Советского Союза, точнее, против академика В.М. Глушкова, реализация системы (ОГАС) которого выводила СССР в отрыв от США в управленческо-производственной сфере. «Washington Post» (США) и «Guardian» (Великобритания) опубликовали провокационные статьи, компрометировавшие Глушкова в глазах советской верхушки: «Перфокарта управляет Кремлём» и «Цифра сменяет Ленина»; почти синхронно (в 1972 г.) в одном из номеров «Известий» за подписью руководства Института США и Канады АН СССР появилась статья «Уроки электронного бума», в которой утверждалось (лживо, конечно), что США отказались от развития ЭВМ; глупость это или сознательная акция «пятой колонны» – открытый вопрос; я полагаю второе.

Нельзя не согласиться с автором в том, что большим успехом США в «интеллектуальной войне» против СССР и РФ является эмиграция наших талантливых исследователей в США. Разумеется, в основе этого лежат материальные успехи США и погром советской науки в постсоветской РФ, продолжающийся до сих пор – достаточно почитать о деяниях пресловутого ФАНО. И всё же на выходе – успех в борьбе за умы. В работе приведён убийственный факт: в Силиконовой долине работают 350 тыс.

учёных – выходцев из России – программисты, инженеры, биологи; русская диаспора – вторая по оплачиваемости в США после еврейской этнической диаспоры (добавлю: бурно прогрессирует иранская диаспора). Эти эмигранты становятся точками кристаллизации для следующих групп эмигрантов.

«Радуйтесь! Это всё я, Плохиш, сделал. То-то сейчас грохнет»

Американцы активно ведут войну за умы на чужой для них, т.е. на нашей территории. В книге приведён очень яркий пример, привожу его полностью в цитате. «В рамках жёсткого противоборства с Россией в поведенческой сфере американское разведывательно-образовательное сообщество осуществляет в школах Московской области реализацию программы "Подготовка агентов изменений среди учителей средней школы" – Teach For All. Официальная цель программы – изменение снизу российской школы и общества в целом в соответствии с либеральными ценностями. Административную поддержку проектов осуществляет Министерство образования Московской области. Финансирование за счет различных источников, связанных с американским разведывательным сообществом, будет с учетом российского закона "Об иностранных агентах" осуществляться скрыто, через российские юридические лица. Эти юридические лица будут направлять деньги в благотворительный фонд, который зарегистрирован как исключительно российское юридическое лицо. Общий патронат над программой осуществляет Лидия Антонова, сенатор Совета Федерации, член

его Комитета по науке, образованию и культуре от партии "Единая Россия". Адаптацию программы для конкретных российских условий осуществляет крупнейшая международная консалтинговая компания, крупный подрядчик Пентагона и американского разведывательного сообщества The Boston Consulting Group. Компания в настоящее время осуществляет ряд крупных проектов, связанных с американским военно-разведывательным сообществом более чем в 30 странах мира в сфере политики, экономики и социальной жизни. За отбор кандидатов для участия в программе отвечает известная международная рекрутинговая компания The Odgers Berdtson.

Odgers Berdtson, являющаяся мировым лидером в подборе руководителей высшего звена, проведет отбор кандидатов среди лучших выпускников лучших российских ВУЗов в соответствии с запросами Teach For All. Затем, после выявления подходящих, их кратко обучат основам педагогики, устроят к детям в школы, приплатив дополнительно по 35000 руб. к зарплате каждый месяц, и в течение последующих двух лет будет обучать и тренировать по методичкам Teach For All, штампуя "лидеров" американского образца для российского общества. Далее их ждет продвижение, следующий этап более серьезной работы, которому поспособствуют уже работающие в системе образования агенты изменений».

У меня возникает вопрос: а куда смотрит ФСБ, СБ, администрация президента, наконец? Как относятся к этому Совет Федерации и Госдума?

Нет ответа. А ведь враг не у ворот, он уже в городе – ворота ему открыли, и «троянского коня» в виде образовательной инициативы внесли. Плохиш уже чиркает спичками.

Разруха в головах

Расколдовывание мира, устранение неосознанности происходящего – одна из важнейших задач, особенно в РФ, где – я совершенно согласен с Лариной – «произошла когнитивная катастрофа», т.е. возникла ситуация, когда человек или группа по психологическим причинам из-за неверных когнитивных стратегий не могут воспользоваться имеющимися знаниями для постановки и решения сложных задач и идут на редукцию системных уровней к доступным им низшим, более простым уровням. Единственное, но очень слабое утешение заключается в том, что как заметил в статье «25 потерянных лет» процитированный Е.С. Лариной П. Тиль, последние 25 лет – время не прогресса, а регресса во всём мире, за этот период не произошло никаких сдвигов в энергетике, создании новых материалов, технологии производства, типов организации. Ну а интернет, добавлю я, на самом деле был изобретён значительно раньше – в 1980-е годы, только тогда он так не назывался.

Возвращаясь к РФ, действительно, если сравнить её с СССР, то последний был намного более сложным, высокоорганизованным и низкоэнтропийным социумом по сравнению с РФ; не случайно правящий слой РФ начиная с ельцино-гайдаро-чубайсов пошёл на сознательную примитивизацию экономики, общества в целом и отдельных его сфер; особенно это очевидно в сферах науки, образования и медицины. И даже по сырью РФ – второразрядная по сравнению с СССР держава. В 1990 г. СССР обеспечивал на мировом рынке 16% продаж нефти и 29,7% газа; РФ в 2005 г. – соответственно

12,6% и 16,7%. Так кто же тут «великая энергетическая держава»? Но это – к слову.

У меня создаётся впечатление, что нынешний человеческий материал (социо-биоматериал), сформировавшийся за последние 25 лет, не способен творчески использовать достижения советского периода в их сложном виде, только при предварительной примитивизации их. Поэтому целый ряд ошибок политиков, экономистов, аналитиков связан не только с непрофессионализмом, но и с более серьёзными причинами цивилизационного (социо- и культурантропологического) порядка. И как же им не быть связанными, если вспомнить «методологический подход» к образованию РФ, сформулированный А.А. Фурсенко, который порок советской школы усмотрел в том, что она готовила человека-творца, тогда как задачу школы РФ он видел в подготовке квалифицированного потребителя, способного пользоваться плодами чужого труда. Иными словами, речь о примитиве, которому «властелины сложного мира» швырнут «кость» со своего стола.

Проблема, однако, в том, что пассивный потребитель способен потреблять только примитивное, и рано или поздно он деградирует, превращаясь в дуболома. А представим социальное (геополитическое, военное) столкновение «потребленцев», которых должна, по замыслу экс-министра, готовить школа, и «творцов»? Ясно ведь, на чьей стороне будет победа! Картина маслом: дуболомы Урфина Джюса терпят поражение вместе с вымуштровавшим их обердуболомом Ланом Пиротом.

Если футуроархаизация – это упрощение на основе сложных технологий, то упрощение, стихийное или сознательное, из-за неспособности или,

что ещё хуже, нежелания использовать накопленные социальные достижения – это неоварваризация; частный случай последней – замена содержательных специалистов или, как говорили до революции, «лица полезных профессий» менеджерами с юридическим («оптимизаторы») или экономическим («продай-купилы») уклоном. В сохраняющем индустриальный облик социуме это чревато ростом техногенных катастроф (типа той, что произошла на Саяно-Шушенской ГЭС), которые со временем способны кульминировать в одну Катастрофу, но уже не только техногенную – это хорошо описано О. Маркеевым в «Неучтённом факторе».

Неспособность использовать, неспособность оценить как закреплённый навык ведёт к серьёзным ошибкам. Три примера такого рода приводит Е.С. Ларина в статье «Нефтяные войны». Первый пример. В 1980-е годы в Новосибирске создали технологию добычи вторичной нефти (себестоимость – 8-12 долл. за баррель), однако попытки изобретателей достучаться до нефтяных магнатов в 1990-е годы ни к чему не привели – зачем нововведения тем, у кого есть пила и бабло? Как сказал один из главных приватизаторов по другому поводу, зачем всё усложнять, мы и так всё украдём; кража, это помимо прочего, результат неспособности созидать сложное или, по крайней мере, пользоваться им. В результате в те же 1990-е годы технология оказалась в США, где теперь она активно внедряется.

Второй пример: хотя было ясно, что с началом украинского кризиса цена на нефть по команде «хозяев мировой игры» обвалится, никаких упреждающих шагов сделано не было. «Только безответственность аналитических подразделений рос-

сийских нефтяных компаний привела к колоссальным потерям бюджета РФ из-за того, что ни сами компании, ни бюджет оказались не готовы к неизбежности резкого падения цен на нефть, т.е. американцы повторили то, что в середине 1980-х годов организовал У. Кейси по отношению к СССР». Урок не выучен. Опять двойка и проигрыш в финансово-экономической войне.

Третий пример. Российские аналитики полагают, что если цена сланцевой нефти будет ниже её себестоимости, то сланцевой индустрии США – конец. Ошибка, констатирует автор: аналитики не учитывают, что ФРС эмитируют доллары, и американские банки под предлогом необходимости обеспечить национальную безопасность, могут кредитовать кого угодно на длительный срок даже под отрицательный процент.

Прогноз Е.С. Лариной невесёлый: если учесть, что, во-первых, впереди – очередной циклический кризис capсистемы; во-вторых, себестоимость сланцевой нефти 20 долл. за баррель (вспомним также 8–12 долл. за баррель вторично добываемой нефти), то сверхнизкие цены скорее всего «уберут» Венесуэлу, Канаду, Нигерию, Иран и Россию, а сам кризис ударит по Китаю, Вьетнаму, Индии и Турции, что ещё более усугубит российскую ситуацию.

Е.С. Ларина напоминает аналитикам, что цена нефти определяется не рынком – никаких рынков в современной экономике нет. Цену на нефть, как показывает автор, формируют 9 банков (6 США, 1 британский, 1 немецкий и 1 швейцарский), а определяется она: а) ценой на «бумажную» нефть, давно оторвавшуюся от нефти «физической»; б) изменениями в производстве сырой нефти, её себестоимость; в) факторами, лежащими на стороне спроса

на нефть. Решающую роль здесь играют 9 маркетмейкеров и стоящие за ними элиты, диктующие цены на нефть в зависимости от политических целей в конкретной ситуации (людям с гешефтно-рыночными установками это трудно понять); «нынешний финансовый рынок – это казино с игровыми автоматами, определённым образом настраиваемыми хозяевами». Поэтому неудивительно, что в условиях кризиса и замедления экономического роста у маркетмейкеров растут прибыли.

Примеры с ошибками из нефтянки я бы дополнил историей с антидопинговой кампанией против России. Здесь ошибки чиновников-неоварваров – одна на другой. Сначала зачем-то подписали договор с WADA, хотя, например, американцы её на порог не пускают. Затем, когда уже полгода назад было ясно, что развёртывается антироссийская политическая кампания на почве спорта, чиновники предпочитали затаиться, полагая: пронесёт. Не пронесло. А затем начались «танцы с драконами»: воинственные заявления для внутреннего употребления и позиция «чего изволите – мы готовы к сотрудничеству» (т.е. к публичной порке) – для внешнего. Ясно, что данная кампания – только начало, за этим последуют действия на «футбольном направлении». Какие действия предприняты? Ясно также, что накат на Россию по спортивной линии – это игра только на одной клеточке, это лишь одно звено в цепи, которой размахнулся противник. И отвечать нужно максимально жёстко и асимметрично.

Второй пример рефлексивного управления, бьющего по РФ, – это цифровой активизм как новый инструмент глобальных элит в борьбе против таких государств, как Россия, Китай, Иран. Поскольку цифровые активисты привержены либертари-

анству и не признают приоритета национального права над международным, их легко натравить на то или иное государство. В течение 2015 – первой половины 2016 г., пишет автор, определённые группы транснациональной элиты приступили к проведению целенаправленной политики на создание системы неявно рефлексивного управления цифровыми активистами, превращая их из субъекта в объект, в инструмент достижения своих целей. В среду цифровых активистов внедрили концепцию о вредности государства, особенно такого, как в России, а также в Индии и Иране.

Рефлексивное управление – один из видов интеллектуальной (психоисторической) войны – войны за интеллектуальную власть. В сборнике приведена интересная информация: по инициативе Х. Клинтон в Центре стратегических и международных исследований, где верховодят такие персоны как Дж. Най и Р. Эрмитидж, создана Комиссия по интеллектуальной власти. И если ум оказывается средством борьбы, то остаётся делать то, к чему призывал А.А. Зиновьев – «переумнить Запад»; на мой взгляд, книга Е.С. Лариной проходит именно по этому высшему разряду, тем более, что у любого Кощея есть секрет его смерти – игла, надо её только найти и сломать.

Рефлексивное управление и разрушение СССР

Один из методов, используемых верхушками Запада против России (впрочем, не только против неё), – рефлексивное управление. Одним из основных разработчиков этого метода был эмигри-

ровавший из СССР в 1970-е годы В. Лефевр. Цель рефлексивного управления – заставить мишень реагировать на действия «игрока» так, как это ему нужно – это как кручёная подача в теннисе: подающий знает, куда будет отбит мяч и ждёт его у сетки, готовясь заработать очки.

Е.С. Ларина приводит два примера. **Первый** – манипуляции с термином «холодная война». В последние годы и у нас, и на Западе заговорили о «новой холодной войне». Мне уже приходилось писать, что нет ничего более ошибочного, чем перенос на нынешнюю ситуацию сути советско-западного, т.е. антикапиталистическо-капиталистического противостояния. Холодная война была противостоянием двух систем, двух идеологий, двух мировых проектов будущего. На сегодняшний день у РФ нет идеологии, значит, не может быть и проекта будущего; что касается социальной системы, то в РФ провозглашён капитализм как на Западе. Внешне это больше напоминает дореволюционное противостояние Российской и Британской империй, и неважно, что США являются ядром неоимперии, а РФ империей не является. Суть противостояния от этого не меняется – это не схватка проектов. Но если российские аналитики, употребляя этот термин применительно к нынешней ситуации ошибаются, то в случае с нашими западными оппонентами, подчёркивает Е.С. Ларина, это не ошибка, а целенаправленное семантическое воздействие на аналитическое сообщество и правящий класс России, по сути, это рефлексивное управление, создающее ложную картину и провоцирующее на ошибочные действия – в ущерб России и к выгоде Запада.

Здесь хочу обратить внимание ещё на один вопрос, трактовка которого Е.С. Лариной вызывает

у меня серьёзные сомнения. По её мнению, разрушение СССР – не результат поражения или предательства элит, а следствие того, что СССР первым вступил в системный мировой кризис индустриальной системы, т.е. разрушение СССР – это начало разрушения индустриальной системы.

То, что падение СССР – это «стук Судьбы» в «дверь Запада», – центральный тезис опубликованной по-русски в 1996 г. моей работы «Колокола Истории»; но не индустриального Запада и не мировой индустриальной системы – такой не было. Была капиталистическая система (и есть, только без системного антикапитализма СССР). Индустрия – понятие хозяйственное, фиксирующее специфику труда, т.е. отношения человека к присваиваемой им природе. Термины «капитализм», «капиталистический» характеризуют отношения людей друг к другу по поводу присваиваемой ими природы в процессе этого присвоения, т.е. производственные отношения. В кризис в конце XX в. вступила не индустриальная система, а капиталистическая; антикапитализм, не сумевший, несмотря на имевшиеся в середине 1960-х годов возможности создать адекватную ему постиндустриальную систему управления и производства, рухнул не из-за кризиса индустриальной системы, а из-за неспособности создать адекватную себе систему производства – кто не идёт вперёд, тот катится назад; покатиться, по злой иронии, помогла нефть.

Растущая неадекватность правящей элиты советскому обществу и миру в целом активно использовалась, а затем стала направляться социосистемным антиподом. Не случайно же М. Олбрайт главную заслугу Буша-старшего определила как «руководство распадом Советской империи». Преувели-

чение – да, но принцип схвачен верно: Запад сумел провести десубъективацию советской верхушки, её децефализацию, став в какой-то момент, именно тогда, когда горбачёвская верхушка всё больше стала походить на мечущуюся курицу с отрубленной головой – в значительной степени её головой. Что до индустриальной системы, то она существует до сих пор. Накопив слишком мало «жирка», системный антикапитализм стал первой жертвой кризиса капитализма – Маркс называл такие ситуации «язычник, чахнущий от язв христианства». Это первое.

Второе. Я не случайно употребил слово «жертва». Системному антикапитализму активно помогали слететь в пропасть определённые сегменты верхушки мирового капиталистического класса (и их подельники в СССР, «плохиши», «записавшиеся в буржуинов»), и поскольку горбачёвская команда капитулировала (2-3 декабря 1989 г. на Мальте, а по сути раньше), имея «под руками» промышленную державу с ядерным арсеналом, то это и предательство, и поражение.

СССР в 1970-1980-е годы переживал структурный кризис, горбачёвские «реформы» и внешние воздействия превратили его в системный, т.е. такой, когда система не может решать свои проблемы и воспроизводить себя на собственной системной основе, а потому должна умереть. «Перестройка» открыла внешнему миру и так слабо сбалансированную систему, а как известно, в такой системе нарастают хаотические колебательные процессы, которые невозможно объяснить одними внутренними закономерностями. Что касается внешнего фактора, то в такой ситуации достаточно небольшого внешнего воздействия для того, чтобы процесс раз-

рушения стал необратимым. А если правильно выбрать точку нанесения удара, то смерть неминуема. В СССР такой точкой в силу особенностей системы это было высшее руководство КПСС, А.А. Зиновьев сформулировал это следующим образом: «Как иголкой убить слона», т.е. куда воткнуть иголку. Его ответ ещё до прихода Горбачёва к власти был прост: генсек. Использование самой КПСС для разрушения системы сверху и было таким «убийством слона». А.Н. Яковлев откровенно сказал, что они («прорабы перестройки» – могильщики системы) «использовали дисциплину тоталитарной партии для её разрушения» и что – внимание! – экономических предпосылок для системного кризиса не было – они были созданы «перестройкой».

Ещё одна особенность открытых несбалансированных систем заключается в том, что меняется соотношение закономерности и случайности. С одной стороны, вовсе не обязательно являющиеся необходимыми, закономерности обретают это качество; с другой – они как бы уравниваются со случайностями – на недолго, на «миг-вечность» (О. Мандельштам). В результате революция Чиполлино происходит от того, что его отец Чиполлоне наступил на ногу принцу Лимону. Конечно же, в основе всего – система Лимона, в которой воры и убийцы сидели во дворцах, а честные люди томились в тюрьме или страдали, как кум Тыква со своим домом. Но революционной закономерностью обернулся случай отдавленной ноги принца (хочу обратить внимание: после 1991 г. «Чиполлино» как по команде исчез из радиопередач и с экранов ТВ – вот что значит классовое чутьё!).

В-третьих, в последние годы появились работы, в которых делаются попытки объяснить разруше-

ние СССР в терминах «големов», «повышения энтропии» и т.п. Этот подход представляется эвристически плодотворным и способным уточнить целый ряд наших представлений, подводя все системы к одному знаменателю. Проблема, однако, в том, что социальные системы разнокачественны (капитализм, антикапитализм, феодализм и т.д.) и улавливая лишь то общее, что присуще всем кибернетическим системам – от человека до утюга – мы мало что поймём в их жизни и смерти. Акула, ихтиозавр и дельфин имеют внешне схожие очертания и живут в воде, однако, они относятся к разным классам живых существ. Системный антикапитализм был разрушен с использованием имманентных только ему противоречий, обусловленных таким объектом присвоения, которого не было в других системах. Кризис и гибель феодального «голема» были иными, иной будет и гибель капиталистического «голема».

Одно сходство можно отметить – предательство элит, но в каждом случае оно будет различным из-за различной, особой формы взаимодействия внутренних и внешних факторов. В случае с СССР эта особость была обусловлена уникальной спецификой социума – его генетически и функционально негативным («анти-») качеством по отношению к капитализму; а это, в свою очередь, результат уникальной особенности капитализма как единственной системы, способной существовать и со знаком «плюс» и со знаком «минус». Именно в этом – основа и секрет межэлитного взаимодействия СССР и Запада. Политэкономия этого взаимодействия – part and parcel теории капитализма и системного антикапитализма; более того, она способна стать концептуальным мостом между теориями двух этих систем.

Именно указанное качество СССР как антикапитализма, наложившись на исходно недружественное религиозно-цивилизационное несходство, ещё более усилило тотальность, метафизичность последнего: **целиком** капиталистический Запад против антикапиталистической России как целостности. И последнее: если норма капсистемы в её зрело-здоровом состоянии – её «плюсово-минусовое» состояние, то выпадение «минуса» под воздействием «плюса» означает её скорую гибель. Посчитавшим себя победителями в 1991 г. буржуинам можно ответить строками Н. Коржавина: «Но их бедой была победа – / За ней открылась пустота». Но пустота, повторю, не некой индустриальной системы, а капиталистической. Изображение гибели СССР как кризиса индустриализма не просто упрощает реальную ситуацию, а выворачивает её наизнанку.

В поисках иглы Кощеевой смерти

Скорбный вопрос, возникающий в ходе чтения «Умножающих скорбь»: что можно противопоставить всей этой мощи, этой махине, которая уже четыре сотни лет катится по миру? Чем и как унять широко шагающего молодца? Можно, конечно, поднять руки, но это неправильно – не по-русски это. По-русски – это сказать: «Подавишься, Идолище Поганое», и метнуть в него его же ножом. Даже если враг силён и прёт свиньёй – как тевтоны на льду Чудского озера в 1242 г. или их потомки немцы летом 1941 г. 700 лет (без одного года) спустя. Напрашиваются примеры из кино, в частности, из фильма «Чапаев», где главный герой, говоря о пси-

хической атаке каппелевцев, произносит: «Психическая? Ну хрен с ней, давай психическую!». Из литературы – «Улитка на склоне» А. и Б. Стругацких. В финале книги её герой, Кандид, понимает, что жители местности, в которую он попал, обречены: «Обречённые, несчастные обречённые, – размышляет Кандид, – но не знают, что они обречены (так и вспоминается ставшее бессмертным: «Денег нет, но вы здесь держитесь, счастья вам, здоровья». – *А.Ф.*), что сильные их мира… уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов, стенами леса, что всё у них уже предопределено (так и вспоминается: «Глобализация – объективный процесс, который нельзя отменить, надо в него встроиться» – *А.Ф.*) и – самое страшное – что историческая правда… не на их стороне, они – реликты, осуждённые на гибель объективными законами, и помогать им – значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то участке фронта».

Кандид, однако, наплевал на **такой** прогресс, объективный только в одном смысле – в смысле интереса «хозяев жизни». Его фраза: «Это не мой прогресс» и его готовность стать камешком, на котором «машина прогресса» сломается, отражают позицию субъекта по отношению к системе – субъектной нравственности (нравственной субъектности) по отношению к «объективной системности», она же – «системная объективность». Закономерности не бывают плохими и хорошими, они вне морали, но я-то не вне морали, рассуждает дальше Кандид. Он вытаскивает скальпель и идёт к окраине леса. Таким образом, предполагается, что он предложит решение «хирургическое, только хирургическое».

Вдогонку уходящему Кандиду хочу сказать об «обречённых прогрессом», точнее, процитировать

замечательного, переведённого у нас с запозданием на сорок лет социолога Баррингтона Мура. Он писал, что социальные революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот должны сомкнуться волны прогресса – Мур имеет в виду прогресс буржуазный.

В сухом остатке: никакая огромная машина, в том числе социальная, не является неуязвимой для действий извне и изнутри (а ещё лучше – их комбинации); это вдвойне так для эпох, когда рушатся социальные миры и звонят Колокола Истории и идёт пересдача Карт Истории, когда козыри уже ухватил противник.

На что же рассчитывает и что предлагает в такой ситуации Е.С. Ларина в борьбе за сохранение нашей идентичности и субъектности? Рассчитывает она на умение России выходить из безвыходных ситуаций (подтверждено историей, но не гарантировано навечно), на раскол западных элит (надо его использовать и углублять), на наличие в РФ до сих пор уникальных социальных, гуманитарных, технических и других технологий. Но это – намерения, а как учил нас Сталин, есть логика намерений и логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений. Условием победы над обстоятельствами или, хотя бы постановкой их на службу себе, т.е. работы по принципу дзюдо, автор считает прежде всего трезвый взгляд на мир и на нашу ситуацию в нём, сколь бы неприятной и уродливой она не была, ведь говорил же Мартин Лютер, что дух Истины болезнетворен. На ситуацию, как подчёркивает Е.С. Ларина, «нужно смотреть открытыми глазами, не выдавать желаемое за действительное и принимать вещи такими, какие они

есть на самом деле, а не такими, о каких мечтают». Казалось бы, очевидная вещь, но ведь как много у нас аналитиков, которых О.А. Арин называет «еслибистами», уверенными, например, в возможности создания антиамериканского союза с Китаем и Индией, в том, что «загадочная русская душа» – сама по себе залог успеха. (Напомню в связи с этим тезис А.А. Зиновьева: русская душа – это русский бардак, перенесённый в одну, отдельно взятую голову; несколько однобоко, но с **одного** бока верно.)

Итак, первое условие найти адекватный ответ – не ловиться на миражи «Еслибляндии» (О.А. Арин) типа «БРИКС – это новый мировой порядок», «мы уже живём в многополярном мире». Надо не повторять эту мантру, а работать на создание многополярного мира. Как? Автор считает необходимым найти такие социальные и технические меры, которые способны повысить турбулентность и неустойчивость технопроизводственной платформы современного Запада и привести к негативной динамике и дисбалансированности в финансовой (рынки), социально-экономической и политической сферах, вызвав, в конечном счёте, потрясения. Причём меры эти должны быть не просто эффективными, но малоресурсными (small is beautiful), асимметричными, непросчитываемыми для противника, десубъективирующими его и маскируемыми под мирные. Например, в сфере образования это может быть полипрограммная образовательная инициатива, нацеленная на вытеснение внедрявшихся в последние 25 лет в нашу систему «вирусные» идейно-пропагандистские программы Запада, разрушающие творческий, интеллектуальный и цивилизационный потенциал России. Если

учесть, что малые воздействия на систему могут порождать очень большие последствия, то малоресурсность оказывается тем самым «оно».

Здесь, правда, есть одно «но». Я ни в коем случае не против сформулированной Е.С. Лариной программы действий, я за то, чтобы тщательнéе. Как пел А. Галич: «Начал делать, так уж делай, чтоб не встал» (с земли). Поясню. Потрясения потрясениям рознь. В 1919 г. мир-революционное руководство Советской России приняло на вооружение тезис «чем хуже, тем лучше», т.е. чем острее международная обстановка, тем лучше для большевистского режима. Однако в 1933 г. стало ясно, что это контрпродуктивно, руководство СССР устами М. Литвинова (доклад на IV сессии ЦИК 29 декабря 1933 г.) изложило новый подход: коллективная безопасность, налаживание контактов с западными плутократиями и т.д., ситуация изменилась. Не всякая дестабилизация, скажем так, позитивна. Не ударит ли она по дестабилизатору больше, чем по объекту его действий? Важно, кто сорвёт её наибольшие плоды. Многие радовались, когда рухнул Рим, а потом – смотрите, кто пришёл – мало не показалось. Другое дело, что Рим сам вырастил своих убийц и могильщиков – так же, как это сегодня делает постзападная и постхристианская неоимперия «Запад». Там уже посредством миграции осуществляется кошмар А. Тойнби-младшего – «союз внутреннего и внешнего пролетариата», только Тойнби думал о примате первого, а мы видим подавляющее превосходство и фактический ультиматум второго. 950 млн. мигрантов, которые пророчит Европе к 2050 г. Г. Хайнзон в недавно вышедшей книге – это скорее всего маловероятно, однако и 1 млн. молодых, социально злых, расово-,

этнически и религиозно чуждых европейцам арабов и негров хватит «заподлицо». Несколько тысяч лет назад предки нынешних европейцев, носители галлогруппы Rb1, или, как называет их А. Клёсов, «эрбины» ворвались в Европу и вырезали всех, кто её населял; остатки – пикты (один из гипотетических предков шотландцев) и дунайские славяне (сербы), которых западноевропейцы «любят» почти так же, как русских. Похоже, Бумеранг Истории возвращается. Радоваться здесь нечему, но и особо горевать тоже: каждый выбирает свою судьбу, кисмет. В этой ситуации нужно хорошо подумать – не об отмене потрясений, нет, а о том, какие соответствуют задачам выживания и побед России в XXI в., а какие нет. Направленный взрыв – только после этого и с максимально возможным учетом рисков. Пилить дерево надо так, чтобы оно упало куда надо и на того, на кого надо. Разумеется, сказать легче, чем сделать. Остаётся уповать на «опыт, сын ошибок трудных» и на «случай – бог-изобретатель». Но случай помогает подготовленному. Мы в течение последних даже не 25 лет, а почти 50-ти, примерно с 1967 г., сначала готовились всё хуже, в 1990-е вообще перестали, сейчас, кажется, стараемся наверстать потерянное время, но как-то кособоко. Успеем ли?

На этом вопросе я поставлю точку – занавес, с надеждой, что историческая Бритва Оккама окажется в наших руках и мы найдём ей применение. Отмечу: работа Е.С. Лариной – эвристически весьма насыщенна, многослойна и умна. Читаешь её и вспоминаешь некрасовское «есть женщины в русских селеньях». Анализ, представленный в статьях сборника, конкретные рекомендации – «Кто не слэп, тот видит», как говорили наши вожди –

настраивает на оптимистический лад, по крайней мере, в грамшианской «волевой версии». «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – писало «наше всё». «Покой нам только снится», отвечал ему почти сто лет спустя тот, о ком «добрая» Зинаида Гиппиус сказала: жаль, что ему при уплотнении не подселили 12 соседей. А вот воля – это то, что нам нужно. Не во сне, а наяву, в нави, чтобы через «пороги» к нам не рванула явь – воля порвать, если необходимо, любого противника, даже превосходящего нас силой международное военно-финансово-интеллектуальное «чудовище обло, озорно, огромно, с тризевной и Лаей» (В. Тредиаковский).

Работа Е.С. Лариной – волевая книга, и приумножает она не скорбь, а волю. По крайней мере, так воспринимаю её я.

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЖЕСТКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

В западных СМИ, в политическом дискурсе в последние годы и буквально месяцы все чаще мелькает термин «холодная война». Он понемногу входит и в обиход российских «фабрик мыслей», выступления политиков, сообщения телевизионных и интернет служб новостей. Представляется, что возврат терминологии «холодной войны» имеет две стороны. Одна связана с удобством термина «холодная война» для понимания обществом и различными структурами власти реального состояния дел в мире, усиления конфликтов и конфронтацией как между различными странами, паттернами наднациональных элит и группами и другими общностями внутри геополитических организованностей, которыми по традиции выступают государства.

Однако есть и вторая сторона дела. «Холодная война», как известно, представляла собой вполне определенный, детерминированный историческими обстоятельствами, тип острого конфликта между мировыми капиталистической и социалистической системами. Этот конфликт базировался на географическом разнесении традиционных вооруженных столкновений с жесткой борьбой в иных регионах и сферах соперничества с использованием идеологических, экономических и иных инструментов. Д. Оруэлл, который впервые ввел

в оборот термин «холодная война», сделал это в эпоху традиционных вооружений. В эту эпоху войну в прямом смысле этого слова легко было идентифицировать, опознать, установить сроки и места ее ведения, а также участников, применяемые вооружения и т.п.

Однако в современном мире все изменилось. С одной стороны появились в прямом смысле этого слова насильственные, иногда даже летальные вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия, и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. Наиболее известный пример такого типа оружия – это кибервооружение. На подходе – психофизиологическое и поведенческое вооружения и т.п.

Произошли тектонические изменения в экономической, социальной политической и иных конфигурациях мира. В докладе Центра разработки концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции – 2045» (Global strategic trends – out to 2045) , опубликованном в сентябре 2014 года, особо отмечено, что ближайшие 30 лет ситуация на планете станет значительно более взрывоопасной. Количество жестких конфронтаций и локальных войн будет только возрастать.

В этих условиях термин «холодная война» описывает вчерашнюю реальность и скрывает существо дела. Суть его в том, что имеет место непрерывное, жесткое противоборство между различными акторами, которое ведется в самых различных сферах и самыми различными средствами. Наиболее точное наименование подобных процессов в новой реальности – это мировойна или нечеткие противоборства.

Как отмечает ведущий военный теоретик, консультант Пентагона и правительства Израиля Мартин Ван Кревельд: «В современном мире больше нельзя провести грань между войной и миром, и в этом смысле привычные нам понятия горячей и холодной войны утеряли смысл. Мир все в большей степени перманентно оказывается в ситуации непрекращающегося, но в значительной мере скрытого насилия»[1].

Соответственно можно сделать вывод о том, что массированное использование на Западе термина «холодная война» является целенаправленным семантическим воздействием, своего рода элементом рефлексивного управления российским аналитическим сообществом и политическим классом. Поэтому, используя термин «холодная война», следует помнить, что он – всего лишь обертка, внутри которой запрятано новое, принципиально иное содержание, гораздо более опасное для России.

Иногда даже искушенные аналитики за рубежом и в России делают вывод о том, что американская исключительность – это не более чем пропагандистский штамп и риторический прием. Однако, это не так. В соответствии с американской политической традицией частое использование столь значимых терминов показывает на появление принципиально новой внешнеполитической доктрины. Эта доктрина представляет собой следующий, еще более, если можно так выразиться, фундаменталистский вариант привычной концепции однополюсного мира.

Концепция однополюсного мира, лежавшая в основе практических действий на мировой арене администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего,

1. http://www.martinvancreveld.com/index.html

предполагала иерархическую, пирамидальную структуру строения субъекта политического действия. На ее вершине в соответствии с завещанием, сформулированным в знаменитой книге Джона Уинтропа «Город на холме», написанной еще в 1630 году, должны находиться Соединенные Штаты. Ниже – их союзники первой руки, на еще более нижних ярусах – союзники второй руки, а в самом низу – поверженные соперники и противники, которые должны при малейших признаках неповиновения наказываться. Пирамидальная конструкция однополюсного мира предполагала наличие на всех этажах субъектов, обладающих политической волей и возможностями к действию.

Доктрина американской исключительности предоставляет право быть субъектом стратегического действия лишь США. Остальные страны, в конечном счете, должны выполнять роль инструментов в реализации исключительного права Америки устанавливать идеалы, сформулированные в ее Декларации независимости.

В уже упомянутом докладе экспертов Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции – 2045» отмечено, что в прогнозируемый период Россия, скорее всего, будет оставаться сильнейшей державой европейского континента и будет сохранять значительные и боеспособные вооруженные силы для проведения региональных интервенций. Поэтому ключевой вопрос сегодня – это вопрос о неизбежности противоборства с Западом. На этот счет нет единого мнения ни в российском политическом классе, ни среди экспертно-аналитического сообщества, ни внутри субъекта стратегического действия. Тем не менее, без ответа на этот вопрос, без понимания сути про-

цессов, глубинной подоплеки событий, невозможно использовать энергию перемен в собственных интересах. Без знания причин, единственным уделом оказывается нескончаемая борьба со следствиями, потеря темпа и, в конечном счете, проигрыш противоборств.

Положительный или отрицательный ответ на вопрос о неизбежности противоборства России и Запада в значительной степени зависит от определения причин, его порождающих. Прежде чем продолжить анализ, необходимо сделать несколько принципиальных пояснений. Противоборство – не обязательно означает войну или игру с нулевой суммой. В подавляющем большинстве случаев оно реализуется через конфликты. Конфликты же, как известно, в подавляющем большинстве случаев описывают такое взаимодействие между акторами, когда по одному кругу явлений и процессов их интересы совпадают, а по другому являются противоположными. Любой развитый конфликт – это своего рода мировойна, когда сотрудничество совмещается с соперничеством, а усилия по достижению общей цели соседствуют с принципом «победитель получает все».

Кроме того, на сегодняшний день нет достаточных документированных оснований утверждать о метафизической предопределенной изначально вражде Запада и России. российская мировая история показывает, что на протяжении столетий Россия враждовала и сотрудничала с самыми различными странами. Более того, как это часто бывает в истории, вчерашний враг сегодня становился другом, и наоборот. Это – не проявление беспринципности, а политическое следствие всеобщей диалектики мира. Еще 2000 лет назад Гераклит справедливо отметил: «Все течет, все изменяется».

С учетом отмеченных выше обстоятельств, любое, самое жесткое противоборство России с Западом в обязательном порядке включает не только поля конкуренции и борьбы, но и сферы сотрудничества и взаимодействия. Более того, в нынешней российской ситуации ставка на исключительно антагонистические отношения с Западом, рассмотрение его, как это делает ряд аналитиков, в качестве естественного вечного врага, не только авантюристично, но и самоубийственно. Любое противоборство должно быть оправдано по критерию развития. В этом плане, как показывает история, любое жесткое противоборство – есть ступень к взаимодействию на новом уровне и на иных исходных позициях. Собственно главная задача как раз и состоит в том, чтобы Россия могла получить в XXI веке свое достойное место. Сохранить идентичность и оставаться субъектом, а не объектом.

На поверхности лежат существующие столько же, сколько существуют государства, противоречия в политэкономической области, обусловленные конкретикой текущего времени, конъюнктурой межгосударственных отношений, а иногда даже особенностями личных контактов лидеров стран и блоков. Такого рода противоречия существовали, и будут существовать до тех пор, пока на международной арене имеются государственные акторы с несовпадающими интересами.

Однако реальностью сегодняшних дней является скачкообразное нарастание враждебности немалой части элиты Соединенных Штатов Америки и Западной Европы, в первую очередь, связанной с финансиализированной экономикой и поздним индустриализмом, а также немалой части правящих кругов исламского мира к России.

В определенной степени обострение противоречий и ужесточение противоборств можно объяснить тем, что мы живем в мире экспоненциально возрастающей неопределенности, динамичной турбулентности, ветвящихся и обостряющихся противоречий и конфликтов. В мире «черных лебедей»[2], «королевских драконов»[3] и других диковинных артефактов. В мире с каждым днем все чаще фиксируются нелинейные эффекты, непредсказуемые последствия и резонансные процессы. На наших глазах усложняется, квантуется связь времен. Будущее перестает быть линейным продолжением прошлого. То, что работало вчера, не всегда справляется с задачами дня сегодняшнего, и совершенно неприменимо для решения завтрашних проблем. Исторические аналогии все больше и больше подводят. Стратегии, базирующиеся на будущем, как продленным настоящем, почти гарантировано ведут к проигрышу.

Все это происходит на фоне усложнения социальной, экономической, политической и культурной реальности. Нарастание сложности и разнообразия неминуемо ведет к расширению масштабов и обострению противоречий между различными акторами, включая государственные и негосударственные субъекты различного рода.

Однако, это серьезные, но не определяющие факторы ужесточения противоречий между Россией и значительной частью элиты США и Западной Европы. В самый последний период времени многие наиболее проницательные исследователи[4]

2. Нассим Николас Талеб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М.: КоЛибри, 2014.
3. Д. Сорнетте. Как предсказывать крахи финансовых рынков: критические события в сложных финансовых системах. – М.: SmartBook, 2008.
4. Н. Нарочницкая. Россия и русские в современном мире. – М.: Алгоритм, 2009; А.И. Фурсов, Русский интерес. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.

справедливо сделали вывод о том, что столь стремительное нарастание отчуждения и враждебности между Россией и Западом не может быть объяснено лишь конъюнктурными соображениями, и предложили свои объяснения. Глубинные причины происходящих процессов они видят в прошлом, в исторической традиции, в принципиальной разнице культурно-цивилизационных кодов, основных акторов сегодняшней мировой динамики.

Бесспорно, такой подход справедлив и указывает на важнейшие, скрытые движущие силы происходящих процессов. В то же время этот подход не дает исчерпывающего ответа на вопрос, почему обострение происходит столь скачкообразно и именно сегодня, а не вчера. На наш взгляд ответ состоит в том, что причины кроются не только, а в значительной степени не столько в прошлом, сколько в будущем.

Несомненная враждебность к России связана с тем, что наше нынешнее государство и общество стали результатом адаптации к мировому кризису позднего индустриализма. Мы уже прошли определенную часть своего тяжкого пути, приобрели неоценимый опыт и многому научились.

Традиционно катастрофу, постигшую Советский Союз, маркируют концом так называемого «короткого» XX века, начавшегося Первой мировой войной и закончившегося в 1991 году. В рамках подобного подхода Советскую трагедию связывают в первую очередь с внешними происками, внутренним предательством и иными причинами такого же порядка. Отсюда делается закономерный вывод о том, что СССР проиграл Соединенным Штатам в «холодной войне» и был ликвидирован. Согласно взглядам сторонников подобной точки зрения,

в результате этих событий на основе СССР образовалась конфигурация государств, которым суждено в исторической перспективе лишь угасать, подобно долгой гибели обломков Римской Империи.

Известная доля правды в подобном взгляде на вещи присутствует. Однако она касается лишь поверхностных, верхних пластов исторической динамики и не ухватывает существа дела. Между тем, понимание сути крайне важно для выяснения природы, характера и целей войн в настоящем, и в ближайшем будущем.

По нашему мнению Советский Союз был наиболее сложным высокоорганизованным и низкоэнтропийным[5] обществом своего времени. При всей отсталости некоторых секторов и отраслей хозяйства, страна обладала не только внушительным военным потенциалом, но и передовыми секторами науки и техники, развитым производством, собственным, отличным от других образом жизни населения. В этом плане крушение Советского Союза представляло в главных и сущностных своих чертах не результат поражения в «холодной войне», в том числе из-за предательства элит (это было дополнительным, ускоряющим фактором), а следствие того, что СССР первый вступил в системный кризис мировой индустриальной системы.

Как убедительно не только показали, но и статистически доказали гениальные советские исследователи В. Глушков[6], П. Кузнецов[7] и С. Никаноров[8] Советский Союз, столкнувшись с кризисом слож-

5. Переслегин С.Б. Будущее, которое мы потеряли. – http://www.archipelag.ru/authors/pereslegin/?library=191
6. Глушков В.М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986.
7. Побиск Георгиевич Кузнецов. Идеи и жизнь. – М.: Концепт, 1999.
8. С.П. Никаноров. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР. – М.: ПЦ Александра Гриценко, 2012.

ности, разнообразия и как следствие управляемости, не смог его разрешить и в результате дезинтегрировался. При этом произошло естественное для таких процессов упрощение воспроизводственных, экономических, социальных, политических и иных структур, а также их частичная деструкция.

Если подобный подход верен, а тому есть множество документальных доказательств и расчетных подтверждений, то Россия, при всей тяжести и трудности испытаний, которые выпали на ее долю за последние 25 лет, оказалась не в арьергарде, а, как это не парадоксально, в авангарде мировой динамики. Россияне, население Белоруссии, Казахстана, не просто первыми вошли в фазу жизни в условиях тотального системного кризиса, но и смогли выжить, и более того, мобилизоваться и перегруппироваться перед новым мобилизационным рывком. Иными словами, Россия, как государство и социум, ее население, как многонациональный народ, являются на сегодняшний день в значительной мере продуктом адаптации к системному, мировому кризису индустриализма. Как любые продвинутые адаптанты, они получили эффективный иммунитет против системно-кризисных явлений. В силу этого Россия имеет уникальные, пока еще в полной мере не осознанные и совершенно нереализованные преимущества, связанные с умением жить и развиваться в условиях системного кризиса.

В этом плане всем другим мирохозяйственным системам и цивилизационным платформам предстоит еще пройти свой путь на Голгофу, столкнуться с жесточайшими последствиями кризиса мирового индустриализма, отягощенного деструкцией глобальной хозяйственно-финансовой системы и распадом универсального неолиберального жиз-

ненного устройства. Причем, избежать этого не удастся никому: ни Америке, ни ЕС, ни Китаю, ни Японии, ни другим странам мира.

Таким образом, геополитическая и геоэкономическая конкретика, коренящееся в исторической традиции несходство культурно-цивилизационных кодов и, наконец, принципиальная асимметрия потенциалов адаптации к существованию в условиях системного и структурного кризисов делают жесткое противостояние России и значительной части элит Соединенных Штатов обязательным условием перехода к новому миропорядку. Этот миропорядок будет формироваться на базе Третьей (Четвертой) производственной революции, скачкообразного нарастания трансграничных и межконтинентальных антропотоков и формирования зон нестабильности и несостоявшихся государств.

Возникает вопрос: с кем конкретно противоборствует Россия? Зачастую противная сторона отождествляется с теми или иными странами, их союзами и даже с этническими группами или представителями тех или иных конфессий. Представляется, что это путь в тупик, поскольку поиск врагов по географическому, национальному, конфессиональному и другим подобным признакам не раз приводил нашу страну к серьезным неудачам и поражениям.

Ответ на заданный вопрос предполагает определение субъектов исторического действия. В качестве таковых выступают элитные группы и управляемые, а также взаимодействующие с ними слои и группы населения, формальные и неформальные институты и другие социальные организованности. Значительная часть правящей западной элиты и контролируемые ей группы, структуры и иные ор-

ганизованности западных обществ, связали свою судьбу с финансизмом. Именно они являются тем субъектом исторического действия, с которым ведет противоборство формирующийся российский субъект стратегического действия.

Такой подход имеет как минимум два следствия. Во-первых, любое противоборство с какой-либо внешней по отношению к стране силой автоматически предполагает и наличие внутреннего противоборства с той или иной степенью жесткости. Те элитные паттерны и контролируемые ими группы населения и иные организованности, которые объективно связывают свою жизнь с существованием финансиализма, являются такими же субъектами противоборства, как и внешние противники. Во-вторых, поскольку на Западе, так же как и на Востоке, отнюдь не все национальные и наднациональные элитные сети и управляемые (взаимодействующие с ними) группы населения и иные организованности связывают свое будущее с финансизмом и поздним индустриализмом, то они объективно являются в той или иной мере на тот или иной период времени союзниками российского субъекта исторического действия. Поэтому, используя термин «Запад», надо всегда помнить, что Россия противоборствует не с Западом как таковым, а с определенными группами в его элите и с организованностями в населении западных стран. Сводить сложность субъектов противоборства к теоретическим концептам «народов моря и народов суши», исконно враждебным конфессиям, государствам и т.п. является пропагандистским упрощением, крайне вредным при ведении реального жесткого противоборства.

В условиях системного нарастающего кризиса глобального позднего индустриального общества финансиализированной экономики, война стала выполнять несколько иные функции, чем ранее. Она является не только и не столько способом насильственного решения различного рода противоречий между субъектами мировой политики, к которым относятся как государственные, так и негосударственные акторы, сколько способом выиграть время и ресурсы для того, чтобы выжить в условиях системного кризиса, и по возможности перейти в следующую стадию. Для этого необходимы время, технологии, ресурсы, и что крайне важно, максимальное ослабление всех потенциальных конкурентов. Причем, лучшим способом ослабления является не нанесение им тотального поражения, а лишение их субъектности. Иными словами, превращение государств и негосударственных акторов в инструменты для достижения целей победителя. В начале XXI века политики и политологи все чаще говорят о новой холодной войне. Точнее о холодной войне нового типа, которая является составной частью общего концепта современных войн.

При этом, как хорошо известно, не только из конкретной истории, но и из прикладной математики, любые конфликты в условиях слабой согласованности интересов, имеют тенденцию к эскалации, переходу к жесткому противоборству, а затем и к насилию. Именно под этим углом зрения необходимо рассматривать процессы трансформации природы войны, появление новых ее видов, форм, полей боя и пространств противоборств.

Без малого 25 лет назад подавляющая часть американской правящей элиты, как уже не раз бывало в истории, приняла желаемое за действительное.

Важные, но не критические обстоятельства, были приняты за решающие факторы и в итоге иллюзии заместили собой реальность. Характерно, что посвященная распаду Советского Союза, долгие месяцы державшаяся в числе международных бестселлеров, получившая все возможные премии и переведенная на множество языков, включая русский, книга П. Швейцера, называется «Победа»[9]. Она была написана на основе десятков интервью с наиболее высокопоставленными лицами из администрации Р. Рейгана, и частично Д. Буша-старшего, и явилась для Америки своего рода документальной летописью решающего победного сражения в «холодной войне».

Иллюзорное восприятие реальности породило выдвижение американским правящим классом новой концепции безусловного глобального доминирования и однополюсного мира. Кстати, несмотря на все многочисленные сложности последних лет, не далее как летом 2014 года Б. Обама по сути подтвердил верность этой концепции, принявшей форму тезиса об американской исключительности[10].

В сфере традиционных войн доктрина глобального доминирования должна была реализовываться через сетецентрические войны. Культурно-информационное господство должно было быть обеспечено инструментарием «мягкой силы». Геополитическое превосходство должно было обеспечиваться методом «управляемого хаоса». А для жесткого политического противоборства и наказания непокорных предусматривались «цветные революции».

9. Петер Швейцер. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск: АВЕСТ, 1995.

10. «Американская исключительность: США настаивают на праве решать, какие народы можно бомбить, оккупировать и наказывать санкциями» – http://mixednews.ru/archives/59576

Прежде чем перейти к реалиям сегодняшнего дня необходимо коротко рассмотреть итоги использования указанного выше американского инструментария обеспечения мирового доминирования.

Поскольку сердцевиной принципа глобального доминирования, опирающегося на господствующую мощь, являются Вооруженные Силы США, начать анализ целесообразно с так называемой сетецентрической революции в военном деле.

В работах военных теоретиков и практиков для этого феномена имеются различные названия – сетецентрическая война (США); комплексные сетевые возможности вооруженных сил (Великобритания); информационно-центрическая война (Франция); комплексная сетевая война (Австралия); сетецентрические операции (Нидерланды). Авторами концепции сетецентрической войны считаются вице-адмирал Артур Себровски и старший офицер Джон Гарска. В 1998 году они опубликовали работу под названием «Сетецентрическая война: ее происхождение и будущее»[11]. Статья произвела эффект разорвавшейся бомбы в военных и научных кругах США. Заложенные в ней идеи легли в основу перестройки Вооруженных Сил США.

Нельзя не отметить, что основные принципы и многие конкретные направления сетецентрического способа ведения войны были разработаны более чем за 10 лет до американцев Маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым[12]. При этом, в отличие от американских теоретиков и практиков, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что речь идет не о ре-

11. Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka, Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S., Naval Institute Proceedings, Annapolis, Maryland. – January, 1998.

12. «Сетецентрическая война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». – М.: ВАГШ ВС РФ, 2010.

волюции в военном деле и даже методах ведения войны, а об объединении усилий средств разведки, управлении войсками и огневым поражением на основе новых методов сбора, обработки и передачи информации.

Проанализировав более чем десятилетнюю практику применения сетецентрического подхода, известные российские военные эксперты Матвиенко Ю.А, Ковалев В.И. и Малинецкий Г.Г. в своей итоговой обобщающей статье «Концепция «сетецентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка?» справедливо замечают, что сетецентрическая война – это не новое поколение войн, не революционный переворот в военном деле, она «не может определять формы и виды ведения боевых действий, а представляет собой лишь новую систему взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счет создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения и исполнителей (средства поражения), а не за счёт простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это было принято при организации боевых действий до настоящего времени»[13].

Нельзя не отметить, что, несмотря на беспрецедентное насыщение информационными технологиями Вооруженных Сил США и союзников, реальные итоги их военных кампаний последнего време-

13. http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/2013_05/ES2013-05-Kovalev_Malinetsky_Matvienko.pdf

ни были плачевны. Об этом говорят иракская катастрофа, малоэффективное противодействие ИГИЛ, бесславный вывод американских и союзных войск из Афганистана, агрессия в Ливии и последующее затем убийство американского посла в Бенгази и сопутствующие этому события, и т.п. Практика убедительно показала, что само по себе насыщение вооруженных сил электронными технологиями, повышение роли систем сбора, обработки и передачи информации не может принести победу на поле боя, даже в противоборстве с иррегулярными формированиями и достаточно слабыми войсковыми подразделениями. Иными словами, сетецентрический метод ведения войны – это важный инфраструктурно-технологический компонент современной системы управления войсками и организации ведения боя, но отнюдь не эффективное средство обеспечения глобального доминирования, и уж тем более не панацея.

Обратимся теперь от сетецентрических войн к другим американским новациям последних десятилетий. Среди них выделяется системная концепция «мягкой силы», разработанная Джозефом Наем, который относится к числу наиболее влиятельных представителей американского политического истеблишмента.

В книге Дж. Ная «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике»[14], вышедшей в свет в 2004 году, понимание «мягкой силы» раскрывается следующим образом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москви-

14. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politic. – New York: Public Affairs Group, 2004.

чи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса». И далее автор подчеркивает: «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны»[15].

На постах Директора национальной разведки и Заместителя Министра обороны Дж. Най пытался на практике реализовывать свою концепцию. Однако по оценкам подавляющего большинства политиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жесткой силы» на «мягкую».

Готовясь к избирательной кампании 2008 года на пост Президента, Хиллари Клинтон инициировала создание в Центре стратегических и международных исследований (ЦСМИ) (Center for Strategic and International Studies, CSIS) комиссии по интеллектуальной власти – «Bipartisan Commission on Smart Power», которую возглавили профессор Дж. Най и Р. Эрмитэдж, бывший высокопоставленный сотрудник Администрации Б. Клинтона (а до этого один из руководителей американских сил быстрого реагирования). Итогом работы комиссии стал доклад «Более умная, более безопасная Америка». В докладе впервые был использован термин «умная власть» (власть интеллекта, smart power). Публично его впервые озвучила Хиллари Клинтон в своей речи в Сенате непосредственно перед утверждением ее кандидатуры на должность госсекретаря.

15 Джозеф Най. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006.

В своем выступлении она сказала: «Мы должны использовать так называемую “власть интеллекта”, полный набор имеющихся у нас средств – дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных, – выбирая нужное средство или сочетание средств в каждой конкретной ситуации».

Возникает вопрос, почему столь опытный и эффективный политик, как Хиллари Клинтон для своего дебюта на посту госсекретаря, который достался ей в результате соглашения с группой, которая смогла продвинуть на пост президента мало кому известного Б. Обаму, использовала, казалось бы, скомпрометировавшую себя концепцию.

Как это ни удивительно, данный вопрос не получил своего освещения не в американских, не, тем более, в российских профессиональных публикациях. В итоге возникает странное впечатление, что возможно наиболее эффективный политик Америки при своем дебюте на посту Госсекретаря говорила совершенно избитые вещи о том, что внешняя политика должна использовать все рычаги воздействия, а культурная политика является одним из важных инструментов внешнеполитической активности. Собственно последний тезис не являлся новинкой и был хорошо известен до «мягкой силы» как минимум с 30-х годов прошлого века. Тем не менее, выбор был далеко не случаен по целому ряду обстоятельств:

• во-первых, еще в книге 1990 года «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»[16] Дж. Най сделал чрезвычайно важный и принципиальный вывод о «мягкой силе». Он опре-

16. Nye J., Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, Basic Books, 1990.

делили ее, как «Мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Если Соединённые Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии». Х. Клинтон уточнила это следующим образом: «Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно». Т.е. впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки;

• во-вторых, «умная власть» предусматривает использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении Америки и ее союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно, эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга;

• наконец, в-третьих, внимательный анализ доклада, подготовленного Центром стратегических и международных исследований, позволяет прийти к выводу о том, что в качестве союзников, участвующих в глобалистских акциях, рассматриваются отнюдь не только государства. В докладе указано, что на смену пирамиде с жесткой иерархической структурой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии». При этом

становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства, или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия». В марксистской литературе прошлого века, после гражданской войны в Испании, такие группы называли «пятой колонной».

Дж. Най, давая в свое время формулировку источников «мягкой силы» в интервью журналу Der Spiegel, отмечал, что «во-первых, это культура страны – так, в Америке культурное поле простирается от Гарварда до Голливуда. Во-вторых, политические идеалы, которые могут быть очень привлекательными для других, – это и демократия, и принцип свободы слова, и равенство возможностей. В-третьих, легитимность внешней политики, под которой понимается такой образ действий правительства, который другие народы могут признать соразмерной защитой наших национальных интересов».

Вряд ли кто сегодня будет оспаривать, что все три указанных источника, что называется, полностью обмелели. В условиях перехода к широкополосному дешевому интернету Голливуду нанесен едва ли не смертельный удар. В отличие от восьмидесятых – нулевых годов практически во всех основных странах мира налицо подъем национального телевизионного кинематографа, широкая экспансия компьютерных игр, а также других национальных культурных продуктов. Что касается равенства возможностей, то сегодня это самими американцами воспринимается как издевка. В США сегодня один из самых высоких в мире уровней неравенства. Уже долгие годы все хуже работают социальные лифты.

Американская мечта о чистильщике обуви, ставшем миллиардером, осталась лишь в воображении только что подключившихся к интернету жителей африканской саванны или австралийских аборигенов. С такой же, по меньшей мере, – иронией воспринимается легитимность внешней политики США, которая в текущем веке прошла достаточно бесславный путь от иракской и афганской авантюр до разоблачений Сноудена.

Инструментом реализации политики «мягкой», а затем «умной» силы стала концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные Стивеном Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации построений Дж. Ная. В одной из своих ключевых работ он прямо писал: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора – в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Деструктивная деятельность хакеров показала, что наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса?

С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия, США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стра-

тегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека».

С. Манн искренне полагал, что при помощи подобного программирования можно либо «отложить создание критического состояния, либо поощрить его, и направить развитие системы в нужное русло». При этом, «в действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, кода развиваем средства массовой информации через частный сектор».

Особо следует подчеркнуть, что Стивен Манн не имел ни математического, ни физического образования, а был специалистом по английской классической литературе. Затем перешел на дипломатическую работу и обслуживал в основном интересы кругов, близких к Пентагону. Впервые его прикладная концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» в 1992 году в журнале военного колледжа Армии США, в томе 22 под названием «Теория хаоса и стратегическое мышление»[17]. Кроме своей основной работы несколько позже он опубликовал работу «Теория сложности и политика национальной безопасности» в книге «Сложность, глобальная политика и национальная безопасность», изданной Университетом национальной обороны.

В своих статьях, посвященных прикладным аспектам теории хаоса, он обслуживал пентагоновскую стратегию, связанную с крахом Советского Союза. Эта стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена еще Президентом

17. http://spkurdyumov.ru/what/mann/

Джорджем Бушем-старшим, и с тех пор неуклонно реализуется сменяющими друг друга республиканскими и демократическими администрациями.

Она предусматривает, что «первая и главная цель стратегии состоит в том, чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединенные Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий. Практически они должны обеспечить условия, которые предотвратят доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»[18].

Прикладная теория управляемого хаоса Стивена Манна как раз и была призвана предоставить инструментарий для деструкции территорий и ресурсных баз потенциальных кандидатов в новые сверхдержавы. В первые годы после своего появления теория в основном не выходила за пределы государственного департамента и учебных учреждений Министерства обороны США.

Ситуация изменилась с приходом к власти Администрации Дж. Буша-младшего. Вице-президент Д. Чейни и министр обороны Р. Рамсфилд всерьез восприняли дилетантские построения С. Манна. Это тем более удивительно, что именно в Соединенных Штатах расположен Институт сложности

18. Выдержки из «Руководства Пентагона по предотвращению повторного появления нового соперника», опубликованные газетой New York Times 08.03.1992 г.

в Санта-Фе, который является одним из мировых лидеров в сфере изучения нелинейных, неравновесных процессов. Более того, в этом институте Стивен Манн выступал несколько раз со своей концепцией и был жесточайшим образом раскритикован. В результате дилетантизма, воцарившегося в Вашингтоне в последние десятилетия, пропагандист-популяризатор последовательно направлялся на работу в ряд ключевых горячих точек. Итоги его работы там говорят сами за себя.

Подавляющая часть проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время Соединенные Штаты в самых разных уголках планеты, от Египта до Ирака, от Нигерии до Афганистана, является результатом их же собственных неразумных, авантюристических действий, в значительной степени связанных с реализацией стратегии «управляемого хаоса».

Теория хаоса – это не что иное, как общеупотребительное название теории динамических, стохастических, нелинейных систем. Отличительной особенностью этой теории является то, что она научилась выделять широкий круг существующих в природе и обществе систем и процессов, которые характеризуются высокой неустойчивостью и неопределенностью. Как правило, эти характеристики присутствуют не всегда, а появляются лишь на определенной стадии существования системы. Эти стадии называют еще самоорганизованной критичностью, режимом с обострением, повышенной турбулентностью и т.п.[19] Названия разные, но суть одна. Будущее таких систем практически невозможно предсказать. Более того, выбор того или иного варианта дальнейшего существования системы в немалой степени случаен. Еще более важно то

19. Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002.

обстоятельство, что малые воздействия на систему порождают очень большие последствия. Причем, как говорят математики, зависимость между функцией и аргументом имеет не одно, а много решений. Т.е. оказывая малое воздействие, никогда наперед не знаешь, какой будет результат.

В общем, все это азы математики, синергетики, теории сложности. Однако в мире, где пропагандисты выступают в роли аналитиков и обслуживают дилетантов-политиков, незнание базовых принципов используемых методов чревато разрушительными последствиями. Что, собственно, и проявляется в большинстве внешнеполитических акциях США последнего времени.

Любой выпускник приличного университета или человек, поварившийся в бизнесе, военном деле, или побывавший в горячих точках, если задать ему вопрос об управляемом хаосе, не колеблясь, ответит, что речь идет об оксюмороне. Хаос можно организовать или создать, но управлять им еще никто не научился в силу изложенных выше обстоятельств. Поэтому после каждого вмешательства американцев остаются фейл стейт и зоны перманентных боевых действий, типа Сомали, Йемена, Афганистана, Ирака и других стран Ближнего Востока, лесных районов Колумбии и т.п. В свою очередь, в последующем эти регионы становятся рассадниками мирового терроризма, наркотрафика, работорговли, торговли оружием и т.п. И все это, так или иначе, проникает в Америку и Европу. В общем, концепция управляемого хаоса обернулись вторжением хаоса в сами Соединенные Штаты и другие страны Запада.

Надо сказать, что американский истеблишмент, несмотря на множество сложностей и недостатков,

способен быстро учиться на собственных ошибках и извлекать уроки не только из чужих, но и из своих неудач. Поэтому в начале десятых годов теория С. Манна стала подвергаться уничтожающей критике в самих Соединенных Штатах, и была фактически снята с вооружения в качестве одного из основных внешнеполитических методов.

Еще одним до поры до времени эффективным методом реализации стратегий «мягкой», а затем «умной» силы были «оранжевые», «цветные» революции, базировавшиеся в первую очередь на комплексе работ Джина Шарпа о так называемых «ненасильственных революциях». Фактически Джин Шарп поставил перед собой задачу классифицировать, кодифицировать и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в истории методы ненасильственных действий. В итоге, в своей работе «Power and Struggle (Politics of Nonviolent Action, Part 1)» («Власть и борьба (Политика ненасильственных действий, часть I)»), изданной еще в 1973 году, он выделил 198 методов ненасильственного протеста и убеждения.

Теория Шарпа всегда носила некий флер мошенничества. Ведь начиная ненасильственные действия, оппозиция, революционеры и гражданские активисты всегда провоцируют власть на неоправданное насилие или на неадекватное насилие. А когда это происходит, выдвигают лозунги о необходимости вооруженной борьбы с «кровавой» властью. Поэтому грань между ненасилием и вооруженным мятежом часто отделяет полшага. Если власть не делает ошибок, то ей помогают это сделать. В принципе, такие провокационные методы известны давно. И не Шарп их основоположник. Достаточно вспомнит деятельность Парвуса во время Русской революции 1905 года.

Особенностью сегодняшнего момента в переходе от ненасилия к вооруженному мятежу и перевороту является использование современных информационных технологий. Онлайн трансляции с места событий втягивают в сами события мгновенно огромные массы людей. Недавний пример арабских революций и Майдана тому подтверждение.

Не так давно в ведущем учебном центре по подготовке специалистов по «оранжевым» революциям, во Флетчеровской школе Университета Тафтса, США совместно с ведущим центром по разработке методов сопротивления власти – Международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC) была проведена в полузакрытом режиме большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра».

Работа конференции была выстроена вокруг обсуждения доклада М. Стефан и Э. Ченовез «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict». В докладе были изложены результаты статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985-2013 годы. По итогам анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55% зафиксированных случаев, в то время, как военные противостояния власти имели успех только в 28%. В итоге был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооруженное противостояние с властью».

Однако наряду с этим привычным выводом, на конференции выяснилось, что в течение последних 15 лет наибольшую эффективность показали смешанные стратегии, которые имели успех почти в 70% случаев. К смешанным стратегиям относились

гражданские ненасильственные кампании, которые сопровождались либо угрозой силового противостояния с властью, либо с точечными конкретными вооруженными акциями. Соответственно был сделан вывод о необходимости разработки теории, а главное детального практического инструментария для гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти.

Недавно один из самых известных американских генералов Стэнли МакКристелл, относимый к числу наиболее влиятельных военных мыслителей, на презентации своей книги «My Share of the Task: A Memoir» сказал: «Если наши силы специального назначения, морская пехота, армия, флот, сухопутные войска справляются со своими задачами, то их усилия полностью сводятся на нет политиками и экспертами. У нас негодная доктрина противоборства. Пора засучить рукава и браться за разработку новой».

Изложенное выше полностью относится и к теме формирующейся военной доктрины США и Запада в целом. В конденсированном, целостном виде она не представлена на сегодняшний день ни в одном открытом, в т.ч. платном источнике. Поэтому попробуем осуществить сборку сведений о формирующейся доктрине, ее инструментарии и методах из тех фрагментов, которые можно обнаружить в различных, в том числе неожиданных источниках.

В рамках формирования новой военной стратегии генерал Ф. Бридлав, бывший командующий НАТО в Европе, дал развернутое интервью ведущей германской газете Die Welt. В нем он в частности сказал: « Наша большая проблема на самом

деле – новый вид ведения войны. Мы работаем над этим... На военном жаргоне это называется DIME: дипломатия, информация, вооруженные силы, экономика»[20].

Ф. Бридлав впервые на официальном уровне презентовал DIME-войны для широкой публики. В 2014 г. австралийский Институт стратегической политики, один из основных «мозговых танков» в сфере стратегической и тактической военной мысли на Западе провел конференцию «Стратегия и ее недостатки». В конференции участвовали ключевые австралийские политические деятели, включая членов правительства, старшие офицеры вооруженных сил, эксперты и аналитики из Австралии, США, Великобритании, Южной Кореи. В ходе конференции был выработан новый подход к военным конфликтам. По мнению участников конференции, западные страны должны взять на вооружение концепцию «комплексных насильственных противоборств». Согласно материалам конференции эти комплексные противоборства должны включать в себя как единое целое политическое силовое доминирование, военные конфликты в традиционном виде, информационные операции, меры по финансово-экономическому принуждению противника к миру на условиях западных стран[21].

Ключевым для понимания формирующейся доктрины является материал, подготовленный четырехзвездочным генералом, бывшим командующим союзными войсками в Афганистане, ныне одним из руководителей института Брукингса Джо-

20. http://www.welt.de/print/welt_kompakt/article131322212/Keine-Nato-Nation-will-Eingreifen.html
21. Strategy and its discontents: The place of strategy in national policy making. – ASPI, Sydney, 2014.

ном Алленом и генерал-лейтенантом в отставке, известным военным теоретиком, членом совета директоров нескольких крупнейших корпораций Дэвидом Дептулой к конференции, проведенной Брукингским институтом и фондом Петера Петерсона «A New US Defense Strategy for a New Era: Military Superiority, Agility, and Efficiency. 2»[22]. В материале впервые вводится концепт «DIMET-операций на основе эффектов как основном типе гибридных войн обозримого будущего».

Рассмотрим этот концепт более подробно. Аббревиатура DIMET означает – дипломатия, информационные операции, вооруженные силы, экономика, включая финансы, и технологии. Как нетрудно заметить, это расширенная версия концепции, публично обнародованной генералом Ф. Бридлавом.

Использование термина «операции на основе эффектов» связывают новый подход с одним из господствующих направлений военной мысли и практики на Западе. Впервые концептуальные основы и практические формы реализации «операций на основе эффектов» были разработаны полковником ВВС США Джоном Уорденом в ходе подготовки операции «Буря в пустыне». В развернутом виде этот подход получил название «Теории пяти колец», которая была впервые опубликована в статье «Враг как система» в 1995 году[23].

Концепция «операций на основе эффектов» построена на уникальной модели современного государства нации, представляющей собой структуру из пяти концентрических колец. Центральное кольцо или круг олицетворяет лидеров и руководящие органы государства, наиболее критический

22. A New US Defense Strategy for a New Era: Military Superiority, Agility, and Efficiency, November 2012 .
23. Warden J., The Enemy as a System, Airpower Journal 9, no. 1. (Spring 1995).

и важный элемент, окруженный и защищенный четырьмя остальными. Во второе кольцо входят производственные объекты и структуры, которые в значительной мере определяют национальную мощь. Третье кольцо – это логистическая, транспортная и энергетическая инфраструктуры. Четвертое кольцо – народонаселение и основные формы его деятельности. И наконец, пятым, внешним кольцом являются вооруженные силы[24]. В рамках «операций на основе эффектов» реализуется принцип «изнутри – вовне». Иными словами, чем ближе к сердцевине пяти кругов нанесен удар, тем быстрее, с меньшими затратами ресурсов и большими результатами может быть завершен конфликт.

В начале нынешнего века генерал Дэвид Диптула, один из авторов рассматриваемого новой концепции значительно расширил теорию и практику войны «пяти колец» или «операций на основе эффектов». В своей работе он предложил рассматривать военный конфликт не только в сфере традиционных военных действий, но и включить дипломатический, информационный и экономический аспекты. Он предложил рассматривать врага как целостную систему и главной целью операции ставить разрушение связей внутри этой системы. По его мнению «это расширенное представление обеспечивает более эффективные пути к достижению национальных целей и позволяет рассматривать формирование среды для сведения любой острой проблемы к минимуму в интересах США»[25].

Применительно к материалу Д. Аллена и Д. Диптулы осталось рассмотреть концепт гибридных

---

24. Савин Л.В. Сетецентрическая и сетевая война. Введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011.
25. Deptula David A., Effects-Based Operations: Change in the Nature of Warfare, Arlington, VA. – Aerospace Education Foundation, 2001.

войн. В настоящее время этот термин крайне популярен среди военных – практиков и теоретиков. Она завоевал признание экспертного сообщества, а в последнее время, в том числе в связи с событиями в Ливии, Сирии, Украинским кризисом широко используется и в средствах массовой информации. Франк Хофманн, один из авторов концепции гибридных войн, характеризует их как «полный арсенал различных видов боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования; террористические акты, включая беспорядочное насилие и криминальные беспорядки. Гибридные войны могут вестись как государствами, так и различными негосударственными акторами»[26]. С каждым годом термин «гибридные войны» трактуется все более расширительно. В частности, в приведенном выше интервью Ф. Бридлава прямо говорится, что «DIME-конфликты – это и есть современные «гибридные войны». По сути, все возрастающее большинство, в первую очередь, практиков военного дела понимают под «гибридными войнами» любые насильственные конфликты, в которых соединились физическая и психологическая, военная и невоенная составляющие. Если раньше можно было четко отделить друг от друга политическое принуждение и вооруженные столкновения, обычную войну и террористические операции, финансово-экономические диверсии и партизанскую герилью, то сегодня все смешалось в некое единое, подчас неразделимое целое.

Хотелось бы обратить внимание и на еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. В своем ма-

26. Hoffman, Frank G., Future Threats and Strategic Thinking, Infinity Journal, No 4, Fall 2011.

териале авторы критикуют американских военных теоретиков и практиков за отставание по сравнению с военными мыслителями из других стран. В частности они указывают, что понимание войны как комплексного конфликта, ведущегося во всех сферах возможного противоборства, было еще в 1999 году сформулировано двумя китайскими генералами Куиао Лиангом (Qiao Liang) и Вангом Хиангсуи (Wang Xiangsui) в знаменитой книге «Война без правил» («Unrestricted Warfare»). Это понимание легло в дальнейшем в основу разработки практических мероприятий по ведению жесткого противоборства НОАК. В 2009 году о необходимости принятия на вооружение армией Израиля концепции системного, превентивного противоборства, включающей армейские, политические, информационные, включая кибернетические, и экономические аспекты, говорил известный израильский политический деятель, министр обороны Эхуд Барак.

С учетом изложенного необходимо сделать один весьма важный и принципиальный практический вывод. До последнего времени некоторые российские военные теоретики и практики считали использование термина «война» применительно к информационным, экономическим, технологическим противоборствам не допустимым для серьезных аналитиков, позволительным только для публицистов и журналистов. Однако в нашем переменчивом мире в очередной раз оказалось, что действительность опровергает застоявшиеся точки зрения. Это, кстати, отлично понимали и классики стратегии, которые, например, как Клаузевиц, сравнивали войну с «изменчивым хамелеоном»

или Сун-Цзы, описывавшим ее при помощи метафоры «переменчивого и стремительного потока воды».

Реалией сегодняшнего дня является то, что жесткие, силовые, информационные, финансово-экономические, политические, технологические противоборства в полном и прямом смысле стали войнами. А если что-то похоже на утку и крякает как утка, то это наверняка утка, а не поросенок. Поэтому всегда лучше называть вещи своими именами.

В этой связи, особенно принимая во внимание перетекание акцентов насильственных конфликтов из материально-вещественной формы в информационную, представляется важным не в умозрительно-теоретическом, а в практически-прикладном плане разобраться с феноменом информационных войн.

В этой сфере и у нас, и за рубежом подчас наблюдается значительная путаница. Например, даже один из основоположников теории информационных войн и разработчиков их практических аспектов М. Либитски выделяет то пять, то семь видов информационной войны[27].

Представляется, что и в практическом, и в содержательном плане можно выделить три основных типа информационных войн. Это – ментальные или психологические войны, кибервойны и поведенческие войны.

Ментальные (психологические) и кибервойны разделяются по объектам и средствам боевого воздействия.

Ментальные (психологические) – это контентные войны, имеющие своей целью изменение мас-

27. Martin C. Libicki , Cyberdeterrence and Cyberwar. – RAND Corporation, 2009.

сового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идет борьба за умы, ценности, установки и т.п. Ментальные войны велись задолго до интернета, насчитывают историю, измеряемую даже не сотнями, а тысячами лет. Интернет просто перевел эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштабности и эффективности.

Что же касается кибервойн, то это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов, на материальные объекты и их системы.

Бывший высокопоставленный чиновник, а ныне эксперт по безопасности Правительства США Ричард А. Кларк дал такое определение: «Кибервойна – это действие одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения»[28].

По де факто сложившемуся, но юридически не закрепленному мнению подавляющего большинства военных и специалистов по информационной безопасности (вне зависимости от их страновой принадлежности) под кибервойнами понимают целенаправленные действия по причинению ущерба, перехвату управления или разрушению критически важных для функционирования общества и государства сетей и объектов, производственной, социальной, военной и финансовой инфраструктуры, а также роботизированных и высокоавтоматизированных производственных, технологических линий и т.п.

Ментальные и кибервойны представляют собой две разновидности войн, ведущихся в сетевом

28. Ричард А. Кларк. Кибервойна. – М.: Эксмо, 2010.

электронном пространстве, которое охватывает не только интернет, но и закрытые государственные, военные, корпоративные и частные сети. Для каждого из этих двух типов войн свойственны свои инструментарии, методы, стратегии и тактики ведения, закономерности эскалации, возможности предупреждения и т.п.

Отдельная тема – это поведенческие войны. В настоящее время практически невозможно найти западных публикаций, посвященных данной теме. В значительной степени это связано с ее чрезвычайной деликатностью, в том числе для западного общественного мнения. Кроме того, возможности ведения полноценных поведенческих войн появились лишь недавно в связи с накоплением огромных массивов объективной информации о человеческом поведении, в том числе поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности. Эти сведения в основном содержатся в интернете, который по факту является огромным поведенческим архивом.

Возможности поведенческих войн связаны с инструментарием, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, Больших Данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук. Давно и хорошо известно, и особый вклад внесли в это российские психологи, что человеческое поведение в значительной мере зависит не только от наших представлений, ценностей, убеждений, а в немалых своих компонентах базируется на стереотипах, привычках, поведенческих паттернах, а также складывается под воздействием формальных и неформальных институтов.

Доказано, что человек по своей психофизиологии склонен как любое живое существо к решению

задач с по возможности меньшей затратой энергии и других ресурсов. Поэтому, как неопровержимо установили исследователи, значительная часть нашего поведения осуществляется в своего рода полуавтоматическом режиме, на основе привычек и стереотипов[29]. Это касается не только элементарных поведенческих функций и стандартных жизненных ситуаций. Наши привычки, поведенческие паттерны, культурные стереотипы и т.п. оказывают серьезное воздействие даже в сложных ситуациях выбора, казалось бы, требующих глубоких размышлений и мобилизации ресурсов сознания[30].

Хорошо известно, что человеческая деятельность не сводится к человеческой психологии или работе психики. Она в значительной мере носит социальный характер. На протяжении практически 50 лет этот тезис успешно доказали на основе огромного массива впечатляющих экспериментов в первую очередь советские психологи[31]. Сегодня на основе в том числе и их исследований, с привлечением огромных массивов данных о реальном поведении людей в различных ситуациях, их привычках, склонностях и реакциях и разрабатывается арсенал принципиально нового вида информационных войн – поведенческих войн.

В их сердцевине лежит манипулирование вложенными в нас социумом, а также собственной биографией и культурной средой, алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности и т.п. Грубо говоря, инструментарий поведенческих войн состоит в том, чтобы отделить привычку

---

29. Ч. Дахигг. Сила привычки. Почему мы живем и работаем именно так, а не иначе. – М.: Карьера Пресс, 2014.
30. Cass R. Sunstein, Why Nudge? The Politics of Libertarian Paternalism (The Storrs Lectures Series). – Yale University Press, 2014.
31. А. Леонтьев, А. Запорожец, П. Гальперин, Д. Эльконин. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, 2005.

от сложившегося вида деятельности, сформировавшей ее ситуации, и использовать поведенческие паттерны для достижения иных целей. Это категорически не ментальные войны, которые велись, как отмечено выше, на протяжении всей человеческой истории.

Поведенческое оружие – это оружие завтрашнего дня. Именно под него заточен только что пущенный в эксплуатацию супергигантский по своей информационной емкости, центр АНБ в штате Юта, аккумулирующий массивы поведенческой информации, охватывающие все страны мира и все континенты. Именно на этот не только не афишируемый, но и засекреченный новый вид вооружений возлагаются частью американских элит наибольшие надежды в жестких противоборствах ближайшего будущего. Именно тема поведенческих войн в наибольшей мере табуирована и засекречена в мировом информационном пространстве. Более того, известно, что ведущие американские средства массовой информации, наиболее популярные блоггеры и т.п. получили из Вашингтона негласную рекомендацию: при появлении каких-либо материалов на тему поведенческих войн дискредитировать их любыми доступными средствами, начиная от обвинений в конспирологии, и заканчивая доказательством о якобы технологической невозможности ведения поведенческих войн[32].

В режиме реального времени все более четко проступает новое лицо войны. Войны становятся с одной стороны все более опасными, сложными и деструктивными. С другой – они, как и предвидели это великие мыслители Д. Оруэлл и С. Лем,

---

32. Е. Ларина, В. Овчинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014.

Новые вызовы и угрозы России требуют не пустого теоретизирования, не выдвижения самых правильных лозунгов, остающихся зачастую лишь словами, а конкретных практических, можно даже сказать технологических, во всех смыслах этого слова, ответов. Эти ответы должны носить асимметричный, неожиданный и непросчитываемый характер и приносить нашей стране победу в любых, даже самых сложных и жестких противоборствах, происходящих, в том числе, в максимально неблагоприятной обстановке.

В нынешних конкретно-исторических условиях Запад (с учетом отмеченной выше условности применения данного термина) в рамках проведения DIMET-операций на основе эффектов в форме гибридного противоборства против России, главные усилия сосредоточил на экономическом и технологическом измерении.

Огромные надежды в сфере информационного противоборства связываются на Западе с практическим задействованием инструментария поведенческих войн. Однако пока в этой сфере осуществляются завершающие подготовительные мероприятия и экспериментальные практические апробации скрытых поведенческих воздействий в разных регионах, на разных группах населения и других организованностях. Широкое применение этого вида вооружений – дело ближайшего будущего в горизонте двух-трех лет[33].

В этих условиях фактически безальтернативными полями противоборства стали экономика и технологии. Традиционным инструментом, используемым в этих сферах, является механизм санкций.

---

33. Е. Ларина, В. Овчинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014.

становятся все более трудно определимыми, маскирующимися под мир. На наших глазах стирается граница между войной и миром и формируется, по крайней мере, на обозримое будущее новая реальность – войномира или мировойны. В этой, неудобной, жестокой и некомфортной реальности предстоит жить России. Ей сегодня, а тем более, завтра, будут брошены прямые и жесткие вызовы, созданы новые, в том числе непривычные, угрозы.

В ландшафте неминуемо разворачивающегося системного кризиса индустриализма в его поздней стадии финансизма, любые жесткие насильственные противоборства неизбежно приобретают характер войн за будущее. Такого рода войны ведутся во имя решения трех задач.

Во-первых, для выигрыша времени, необходимого для нахождения путей выхода из кризиса. Войны за время – это самые жестокие войны, поскольку во многих случаях они предполагают лишь одного выжившего, забравшего себе временной ресурс всех проигравших.

Во-вторых, это войны за ресурсы, в том числе не только за полезные ископаемые, производственный потенциал и т.п., но и во все возрастающей степени, за воду, другие рекреационные ресурсы, нетронутые территории, которые могут стать основой новых техноценозов и т.п.

В-третьих, войны, главной целью которых становится не обладание каким-либо ресурсом, а десубъективизация противника, превращение его из активного, деятельного актора, играющего свою роль в мировой политике, а главное, имеющего собственное культурное и цивилизационное лицо, в объект, инструмент для решения тех или иных задач победителя военного конфликта.

Этот механизм в том или ином виде действует уже более 200 лет. Впервые он, как специальный юридический и организационный механизм, был использован британским правительством Уильяма Питта против Наполеона в форме так называемой «континентальной блокады»[34].

Теме экономических и технологических санкций посвящено огромное количество работ. Она постоянно находится в поле зрения политиков, военных, стратегистов. Обсуждается на многочисленных открытых и закрытых конференциях. Наибольшим авторитетом на Западе в этой сфере обладают Г. Хофбауэр, Д. Скотт и К. Эллиотт, а также Б. Тейлор. Они являются авторами основополагающих трудов, посвященных теоретическому и эмпирическому анализу санкций за последний век[35]. Эти книги, по сути, являются настольными руководствами для лиц, принимающих решения, в столицах стран Запада и Японии.

Всего в новейшей истории санкции используют достаточно части: в 1950-х годах – 15 раз; в 60-х – 21; в 70-х – 37; в 80-х – 23; в 90-х – 54; в нулевых – 67 раз[36]. В подавляющем большинстве случаев, особенно в 50-70 годы санкции применялись в одностороннем порядке Соединенными Штатами. Начиная с 80-х годов санкции, как правило, вводились Соединенными Штатами по согласованию с союзниками по НАТО, а затем странами ЕС и Японии.

---

34. Е. Тарле. Наполеон. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957.
35. Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott , Kimberly Ann Elliott, Economic Sanctions Reconsidered. – Peterson Institute for International Economics, 2009.
Brendan Taylor, Sanctions as Grand Strategy . – Routledge, 2010.
36. Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott , Kimberly Ann Elliott, Economic Sanctions Reconsidered. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

К настоящему времени среди представителей западного разведывательного, политического и аналитического сообществ сложился консенсус относительно долгосрочной эффективности санкций. Признано, что они, бесспорно, имеют потенциал как инструмент воздействия на противоборствующую сторону, но лишь в исключительных случаях могут принести победу в противоборстве. Согласно консенсусному мнению, бесспорным примером успеха санкций является только случай падения режима апартеида в ЮАР и перехода власти к представителям коренного населения страны. Большинство экспертов сходятся также на том, что санкции, прежде всего, связанные с тотальным ограничением экспорта энергетических ресурсов, а также с отключением от мировой финансовой системы, весьма негативно сказались на экономике Ирана и, в конечном счете, стимулировали определенные подвижки во внутренней и внешней политике страны.

В рамках консенсуса имеются некоторые разногласия относительно эффективности санкций против Советского Союза, особенно во времена Рональда Рейгана и более ранний период. По мнению высших должностных лиц администрации Рональда Рейгана, приведенных в книге П. Швейцера «Победа», санкции, прежде всего, относящиеся к сфере технологий, явились решающим фактором победы Запада в «холодной войне» с СССР[37]. Между тем, не говоря уже о сомнительности тезиса победы в «холодной войне», многочисленные расчеты, проведенные российскими и зарубежными экономистами, показывают, что технологические

37. П. Швейцер. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск: АВЕСТ, 1995.

санкции, хотя, безусловно, негативно сказались на советской экономике и объемах ее экспорта, тем не менее, не явились важным фактором, вызвавшим коллапс народного хозяйства Советского Союза[38].

Результаты критического анализа применения санкционного механизма в сфере экономического и технологического противоборства были, несомненно, учтены Соединенными Штатами, примкнувшими к ним странами Евросоюза, Канады и Японии при разработке системы санкций против России в рамках украинского кризиса.

Экономические санкции, на которых в значительной мере сосредотачивают свое внимание аналитики, деловые масс медиа и т.п., несмотря на всю внешнюю грозность, носят дополняющий характер и являются своего рода вспомогательными санкциями по отношению к технологическим. Любые ограничения по доступу к рынкам капитала даже в краткосрочной перспективе, измеряемой интервалом порядка полутора-двух лет, не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на российскую экономику. Дело в том, что в настоящее время сложились глобальные рынки капитала, огромные объемы инвестиционных ресурсов и свободных финансовых средств в настоящее время имеются на рынках Китая, Ближнего Востока, в таких финансовых центрах, как Гонконг, Сингапур и т.п. В современном мире единственный ресурс, который наличествует в избытке это – деньги. Именно с переизбытком данного ресурса связана происходящая на наших глазах повсеместная инфляция активов, выражающаяся в росте курсов

38. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т.1. – Новосибирск: мон. НГТУ, 2008;
Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992-1998 годы, / Учеб. пособие в 3 частях, Новосибирск: мон. НГТУ, 2008.

акций и различного рода индексов. Высшие китайские должностные лица уже сделали заявления о своей готовности заместить западные финансовые институты на рынках кредитования и инвестирования в российскую экономику. Поэтому сами по себе финансовые санкции, неприятны, но малорезультативны. Это угрозы, которые не сложно отвести даже без задействования особо изощренных механизмов с использованием лишь стандартных финансово-инвестиционных инструментов. Пожалуй, единственными серьезными, но крайне разрушительными санкциями является отключение банковской финансовой системы от SWIFT и других международных расчетно-платежных систем.

С технологическими санкциями дело обстоит сложнее. Несмотря на глобализацию экономики, соответствующей ей технологической глобализации не произошло. В результате, сложилась достаточно серьезная диспропорция между динамикой и масштабами экономической мощи и объективными характеристиками технологического лидерства. Соединенные Штаты, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Израиль и ряд других западных стран по-прежнему концентрируют в своих руках собственность на основные критические технологии[39]. Это, хотя и неприятная, но реальность. Зачастую ее пытаются опровергать ссылками на экспоненциальный рост новых патентов в Китае и частично в Индии, как показатели резкого возрастания их научно-технологической мощи. Также используется индекс роста совокупных расходов на НИОКР. Однако, это не вполне так. Детальный анализ патентов и структуры расходов на НИОКР

39. D. Martin. Zhao Zhen GUO, Asymmetry of technological leadership and economic power. – 2014.

показывают, что подавляющая их часть относится к так называемым «улучшающим инновациям», т.е. различного рода техническим изобретениям, совершенствующим уже найденные технологические решения. Они не имеют прямого отношения к прорывным критическим технологиям и не ведут к изменению структуры страновой собственности на основные их технологические пакеты.

Параллельно этому следовало обратить внимание на еще одно обстоятельство, совершенно ускользающее от внимания аналитиков и ни разу не упомянутое в российской и зарубежной открытой печати. По результатам разоблачений Э. Сноудена, уже после того, как прошла первая волна сенсационных материалов, Лора Пойтрас на основе переданных ей Э. Сноуденом материалов, опубликовала статью о роли, возможностях и инструментах АНБ в тотальном контроле и шпионаже в отношении мировых финансовых потоков, доходящих до уровня сплошного скрининга всех финансовых транзакций, осуществляемых по системе SWIFT[40]. Известно также, что с 2011 года в Соединенных Штатах под другим названием была, по сути, реанимирована программа Socrates[41], нацеленная, помимо прочего, на мониторинг конкурентоспособности не только отраслей, но даже отдельных секторов и технологических блоков и предприятий в странах – потенциальных конкурентах США. Вполне очевидно, что соединение функционала программы Socrates и возможностей АНБ позволяет американской разведке отслеживать поставки

40. Л. Пойтрас, М. Розенбах, С. Старх, Слежка за деньгами. Как Агентство Национальной Безопасности мониторит мировую финансовую систему // Der Spiegel.http://hrazvedka.ru/guru/slezhka-za-dengami-kak-agentstvo-nacionalnoj-bezopasnosti-monitorit-mirovuyu-finansovuyu-sistem.html

41. President Reagan's Program to secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates, http://projectsocrates.us/

не только готовых изделий в сферах критических и высоких технологий, но и их комплектующих в любую страну мира, относимую к потенциальным конкурентам США, в том числе через систему финансовых транзакций.

Что же касается России, то уровень информированности США об экспорте в нашу страну не только готовых изделий, но и комплектующих для производимой в стране продукции достаточно велик в виду еще одного обстоятельства. Как известно, переговоры по вступлению в ВТО шли более десятилетия. В ходе этих переговоров детально «утрясались» пошлины и другие вопросы регулирования экспортно-импортных операций по изделиям любого типа, включая комплектующие, субстанции для переработки и т.п. Со слов переговорщиков известно, что по каждому вопросу западная сторона требовала предоставления от российских экономических органов соответствующей информации, обосновывающей ее позицию. Таким образом, по факту у западных контрагентов, действующих, несомненно, в том числе по прямому заданию разведок, скопился огромный массив сведений по структуре российского импорта, включая опять же не только готовые высокотехнологические изделия, но и комплектующие для их производства в нашей стране. Дополнительно была получена бесценная информация, связанная с возможностями локализации высокотехнологичного производства. Для непосвященных следует пояснить, что под безобидным словом «локализация» скрываются реальные возможности импортозамещения как готовой продукции, так компонентов и сырья, необходимого для производства готовых изделий на территории России. Информация по локализации предо-

ставлялась для того, чтобы обосновать российскую позицию по отсрочке введения тех или иных норм ВТО, либо временного их изменения.

Таким образом, рассматривая вопросы технологических санкций, и шире, технологического противоборства следует отдавать себе отчет, что Запад располагает достаточно полной и адекватной информацией о потенциале, возможностях и сроках импортозамещения, а также о наличии или отсутствии альтернатив замены поставщиков из стран, присоединившихся к санкциям на представителей иных, более дружественных нашей стране государств. Наиболее уязвимыми в технологическом плане отраслями являются нефтегазовая, в части глубокого и сложного бурения, бурения на шельфе; нефтепереработка и нефтехимия; высокотехнологичное машиностроение, включая космическую отрасль, авиастроение, судостроение, фармацевтику и т.п. Это лишь основные из множества отраслей, подотраслей и видов производств, критически зависящих от американской и европейской продукции и комплектующих, которые не могут быть заменены вообще, либо без значительной потери в эффективности, аналогами из других регионов мира, включая Китай.

Отдельный разговор об информационно-коммуникационных технологиях, и в первую очередь об их аппаратном компоненте. Следует иметь в виду, что производители определенных классов аппаратных компонентов и готовых изделий эксклюзивно являются американские компании, либо компании других стран полностью контролируемыми американским капиталом. Если в сфере бытовой электроники и техники основными производителями и частично изготовителями даже

микроэлектронных компонентов стали Китай и другие страны Южной и Восточной Азии, то применительно к сложным микроэлектронным изделиям монополию по-прежнему продолжают держать США, Япония, и в меньшей степени Канада, Великобритания, Франция и Германия.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, и выстроена западная стратегия введения технологических санкций. В первую очередь были введены такие технологические санкции, как запрет на передачу технологий, поставку техники, а также различного рода компонентов и осуществления инжиниринговых работ для энергетического сектора, сектора двойных технологий, примыкающую к оборонно-промышленному комплексу. Не сложно просчитать в этой логике и возможные последующие шаги.

Чрезвычайно важно обратить внимание и еще на одно обстоятельство, на которое не обращается должного внимания при рассмотрении противоборства в технологической плоскости. Технологические санкции являются ключевым, но не единственным инструментом этого противоборства. Сами по себе технологии без людей мертвы. Поэтому колоссальную роль играют различного рода научно-технические обмены, стажировки специалистов в ведущих зарубежных компаниях, и особенно в университетах, которые давно уже превратились в мощнейшие научно-технические и производственные комплексы. В рамках противоборства с Россией в течение последних лет проводится явный и все более ощущаемый курс на сворачивание такого рода контактов. Делается это без каких-либо принятых директивными органами санкций и широковещательных объявлений. Просто попечи-

тельские советы университетов и различного рода фондов не выделяют гранты, закрывают темы, сворачивают программы научного и технологического обмена, а также закрывают двери лабораторий и компаний перед российскими специалистами. С учетом того, что в ведущих университетах США и Западной Европы и Японии давно уже работают межнациональные коллективы, в том числе с широким представительством граждан Китая, Индии, Южной Америки, такого рода акции, по сути, ведут к серьезному ограничению участия российских исследователей, разработчиков, инженеров, технологов в глобальном международном разделении труда.

МЫСЛИ О НЕМЫСЛИМОМ

Современный мир привычно характеризуется эпитетами «кризисный», «турбулентный», «неустойчивый». Эти характеристики бесспорно справедливы. Но они не являются исчерпывающими. Пожалуй, с еще большим основанием мир можно назвать динамичным, сложным и все более опасным. В рамках разворачивающейся на планете борьбы за будущее значительно возрастают риски и множатся угрозы.

Время от времени серьезные, по большей части платные электронные ресурсы публикуют информацию, касающуюся различного рода конференций, совещаний, в которых участвуют высокопоставленные военные, дипломаты, аналитики самых различных стран мира. Отличительной чертой этих совещаний за два-три последних года стало обсуждение немыслимых еще несколько лет назад вопросов, связанных с крупномасштабными глобальными конфликтами нового типа, использующими принципиально новые типы вооружений.

К Давосскому форуму 2015 был опубликован доклад о глобальных рисках, ожидающих человечество в ближайшее время. В ходе подготовки доклада 900 всемирно признанных экспертов выбирали 10 рисков из предложенных трех десятков и затем ранжировали их по двум шкалам: по вероятности превращения риска в реальную угрозу и по силе

воздействия на глобальные политику, экономику и социум. Неожиданностью доклада стало то, что эксперты впервые за последние 20 лет на первое место поставили геополитические риски, связанные с прямыми военными столкновениями. Также в числе наибольших рисков, чреватых самыми опасными угрозами для человечества названы риски утраты власти национальными правительствами, вплоть до полного распада государств, в результате экономических крахов, политических воздействий, гражданских и иных войн. В качестве примера эксперты привели в докладе Украину, а также Сирию и Ирак, в котором власти в значительной степени утратили способность противостоять экспансии Исламского Государства. Также в первую пятерку глобальных рисков попали нехватка водных и иных ресурсов с сопутствующими войнами, за их передел, распространение оружия массового поражения, включая высокотехнологичные типы вооружения, кибероружие и т.п.

Особо следует подчеркнуть, что глобальные риски не существуют отдельно друг от друга, а имеют тенденцию порождать друг друга, накладываться, превращаясь в мощнейшие разрушительные каскады угроз. Большинство экспертов полагает, что впервые с конца 80-х гг. спусковым крючком для подобного домино рисков, способного запустить разрушительные процессы глобальной деструкции, могут стать те или иные первоначально локальные вооруженные конфликты, втягивающие в свою воронку все большее число держав и негосударственных образований. Отмечено, что в настоящее время, по сути, не имеется отлаженных процедур предупреждения эскалации такого рода вооруженных конфликтов и перерастания их в глобальный

конфликт. С подобным выводом экспертов Давосского форума солидаризируется и Папа Франциск I, который в недавнем выступлении сказал ошеломленной пастве: «фактически третья мировая война уже началась». В этой связи весьма характерно, что проведенный в этом году ведущим политическим изданием США Foreign Policy опрос более тысячи экспертов из 30 стран, показал, что впервые за последние 20 лет риск прямого военного столкновения США с Россией оценивается выше, чем война между США и Китаем. При этом риски войн США с Россией и/или Китаем эксперты в этот раз оценили гораздо выше, чем когда-либо в прошлом за время проведения подобных опросов.

С подобными оценками соглашаются и ведущие аналитики и консультанты, обслуживающие ключевые властные группы в американском истеблишменте. Например, основоположник концепции о «мягкой», а затем и «умной» силе Дж. Най в своей недавней публикации «Будущие войны» заговорил уже не о «мягкой» или «умной», а о прямой военной силе. В частности, в публикации отмечается: «... войны и применение силы ... эволюционируют, подстраиваясь под правила и тактику боевых действий нового «поколения».

В четвертом поколении войн подобный децентрализованный подход получает дальнейшее развитие – явный фронт вообще отсутствует. Боевые действия фокусируются на гражданском обществе противника, проникновении вглубь его территории для подавления политической воли. Кто-то может добавить и пятое поколение войн, в которых новые технологии – дроны и наступательная кибер-тактика – позволяют солдатам находится на расстоянии нескольких континентов вдали от их гражданских жертв.

Хотя детали распределения истории войн по поколениям можно оспаривать, в целом ясен важный тренд: размывание границ военного фронта и гражданского тыла. Эта тенденция ускоряется из-за того, что войнам между странами приходят на смену вооруженные конфликты с участием негосударственных игроков, например, групп повстанцев, сетей террористов, боевиков, криминальных организаций».

Нарастание текущих рисков и угроз происходит в условиях начала развертывания Третьей (Четвертой) производственной революции. Это не просто смена одного технологического уклада другим, как принято считать. Это гораздо более масштабный, болезненный и глубокий процесс, меняющий все стороны, все аспекты человеческой жизни и деятельности. Из истории хорошо известно, что во времена технологических переворотов и производственных революций обостряются как гражданские, так и международные конфликты, увеличивается число и усиливается ожесточенность войн. Войны в эпоху технологических революций ведутся не только за пространство, но и прежде всего, за время. Глубинные причины подобных войн заключаются не столько в традиционном стремлении к переделу ресурсов, захвату новых территорий и т.п., сколько в стремлении максимально ослабить экономических, технологических и цивилизационных соперников и конкурентов, принудить их к догоняющему, а значит, подчиненному развитию. Войны периодов производственных революций – это, в конечном счете, войны за превращение конкурентов из субъектов, наделенных собственными волей, задачами, интересами, в объекты, инструменты реализации целей победителя.

Нынешняя эпоха Третьей (Четвертой) производственной революции – не исключение. Все большая часть конфликтов не может быть объяснена традиционными факторами экономических, политических и даже религиозных противоречий. Они представляют собой своего рода войны за будущее, за то, кто кому будет диктовать свою волю на протяжении не годов, а десятилетий, кто задаст миру смыслы, кто определит его структуру, ценности и иерархию подчинения.

В последние десятилетия разительные изменения претерпела и социальная динамика. Если большую часть XX века в решающей степени под воздействием факта существования Советского Союза, социальная дифференциация внутри развитых капиталистических стран, различия между развитыми и развивающимися странами уменьшались, то вот уже без малого 25 лет действует прямо противоположная тенденция. Все большая часть доходов, имущества, ресурсов и власти концентрируется в руках богатейших слоев населения, прежде всего, верхнего одного процента. Происходит постепенное размывание среднего класса. Увеличивается закредитованность населения. Это ведет к тому, что определенное повышение жизненного уровня сопровождается уменьшением реально принадлежащего населению богатства и имущества. Повсеместной стала «жизнь в долг». Если в прошлом об этом говорили коммунистические идеологи и исследователи, то сегодня на огромном статистическом материале об этом рассказал автор главного экономического бестселлера 2014 года «Капитал двадцать первого века» Томас Пикетти, чья книга переведена на десятки языков.

Касаясь вопроса неравенства доходов и растущей неоднородности общества, как правило, упу-

скается из виду еще одно обстоятельство. Между тем, уже в ближайшие годы оно может стать едва ли не решающим. Технологические революции всегда сложно воздействовали на занятость населения. И Третья (Четвертая) производственная революция – не только не исключение, но и возможно наиболее яркая иллюстрация данного тезиса. В этом нет ничего неожиданного. Почти 150 лет назад К.Маркс предвидел, что с превращением науки в непосредственную производительную силу человек будет вытеснен из производства и сложатся все необходимые предпосылки для коммунизма. Однако Маркс оказался неисправимым оптимистом, полагая, что история развивается лишь по одному, прогрессивному направлению. Между тем, человеческое общество подобно всем сложным системам меняется по законам нелинейной динамики. Периоды прогнозируемого развития сменяются периодами неустойчивости. Они, в свою очередь, завершаются точками бифуркации, а более правильно говорить – моментами полифуркации. Если говорить просто, в определенные моменты истории человечества в целом и отдельных стран в частности, существуют не две (бифуркация), а гораздо больше возможностей (полифуркация) дальнейших изменений. Предвидение К.Маркса в условиях (Четвертой) ей производственной революции, сбываются в ситуации, крайне далекой от коммунистических перспектив. Между тем, по мнению даже осторожных экспертов, в ближайшие 20 лет до 45% рабочих мест в сфере умственного труда, и более двух третей – в сфере физического, смогут быть заняты роботами и различного рода автоматизированными системами.

Иными словами, в рамках и без того углубляющегося неравенства возникает проблема массы

лишних людей. Дополнительным измерением этой проблемы становятся сокращающиеся с каждым годом стимулы, для переноса производства из западных стран в страны Азии, Африки, Латинской Америки в погоне за сокращением издержек на рабочую силу. Уже сегодня роботы, производимые в Соединенных Штатах и Японии при окупаемости чуть более двух лет, оказываются на сборочном производстве более дешевыми, чем, например, китайские или индонезийские рабочие. Вполне очевидно, что рост имущественного и социального неравенства, отсутствие перспектив трудовой деятельности и все более отключающиеся во всем мире «социальные лифты» неизбежно будут вести к скачкообразному росту социальной напряженности и противоречий. Причем, эти противоречия будут непрерывно обостряться, а их участники – радикализироваться. Это практически в безальтернативном варианте будет вести к возрастанию рисков не только межгосударственных, глобальных и региональных войн, но и гражданских войн по всему миру, чреватых мировой глобальной гражданской войной.

Третья (Четвертая) производственная революция с появлением масс лишних людей, причем не только в развивающихся, но и в богатых, благополучных странах, будет происходить не только на фоне углубляющегося имущественного и других видов социального неравенства, но и в условиях глубокой трансформации государства. В мире уже сегодня можно выделить несколько различных вариантов такой трансформации.

Прежде всего, традиционные социальные рыночные государства все более превращаются в государства-корпорации. Для подобных структур

характерен отказ от различного рода социальных гарантий, переход к сословному, и даже в чем-то кастовому социальному строению, демонтаж демократических институтов. В той или иной степени эти процессы происходят и в Северной Америке, и в Европе, и во многих странах Азии. Одновременно во все большем числе стран, вне зависимости от их исторических традиций и политической принадлежности, происходит своего рода приватизация государственных функций. Она выражается, прежде всего, в том, что традиционные виды деятельности, которые ранее были прерогативой исключительно государства, переходят в частные руки. Например, мало кто знает, что 70% деятельности американского разведывательного сообщества выполняется частными подрядчиками. Также до сих пор не осмыслен факт, что крупнейшие частные военные компании по своей огневой мощи и боевым возможностям уже сегодня превосходят государственные вооруженные силы из третьей десятки стран.

Наряду с формированием государств-корпораций и приватизацией государственных функций акционерными и частными структурами, происходит экспансия надгосударственных органов управления. Эти органы зачастую вступают в противоречие с политикой национальных государств и создают новые очаги напряженности. Это хорошо можно проследить в истории и в сегодняшнем дне Европейского Сообщества. Наконец, на всех континентах растет и множится число несостоявшихся или несостоятельных государств, так называемых «фейл стейт». Если раньше они были характерны для Африки, например, Сомали, и Азии – Афганистан, то сегодня этот феномен пришел в Евро-

пу, где он наиболее точно характеризует реальное положение дел с Украиной. Наконец, все большую силу набирают наднациональные элитные сети и структуры, не контролируемые и неподотчетные ни правительственным органам, ни каким-либо представительным институтам, ни народным массам. Они оказывают все большее влияние на мировую политику и экономику, активно провоцируют и управляют конфликтами по всему миру.

Политическая дисфункция, как отметил в своей книге «Мировой порядок» старый и мудрый Генри Киссинджер «ведет к ослаблению международного права, институтов межгосударственного регулирования и порождает в современных, гораздо более опасных условиях примат права сильного, могущественного и волевого». С гибелью Советского Союза в прошлое ушло весьма неприятное, но как сегодня становится все более понятным, эффективное равновесие страха и система взаимного сдерживания. Эта система позволяла ограничивать эскалацию локальных конфликтов, не допускать глобальных столкновений между сверхдержавами. Сегодня структура международного права повсеместно подвергается эрозии и разрушению. Все в меньшем числе случаев работает система сдержек и противовесов на международной арене. Соответственно непрерывно увеличивается риск локальных и глобальных военных конфликтов.

Турбулентная и нелинейная динамика мирового развития во всех его сферах происходит в условиях нарастания сложности современного мира. Несмотря на многочисленные высказывания о конце глобализации, продолжает нарастать технологическая, финансовая и экономическая связность самых различных стран и регионов. Причем,

нарастание связности происходит параллельно с углублением различного рода противоречий и усилением несовпадения интересов, как отдельных страна, так и тех или иных групп мировой элиты. Параллельно с этим в сегодняшнем, и тем более завтрашнем мире, в гораздо больше степени, чем раньше, увязываются в единое целое экономические, политические, социальные, культурные, религиозные и иные процессы. Между ними оказывается все меньше перегородок. Они во все большей степени становятся взаимозависимыми. Если раньше в подавляющем большинстве случаев именно бытие определяло сознание, то сегодня, во времена интернета и все проникающих информационных потоков, сознание все чаще и сильнее детерминирует бытие. Сегодня все труднее разделять первичное и вторичное, выделять причины и следствия. В мире начинает властвовать гиперцикл, когда причины и следствия сплетаются в кольца и постоянно меняются местами. Гиперциклы же, как известно, это обязательное условие и питательная среда для нелинейной динамики, когда самые малые факторы могут вызвать гигантские изменения. Последствия тех или иных действий и событий становятся все менее предсказуемыми и сознательно управляемыми. В мир прилетает с каждым годом все больше «черных лебедей».

Сложность мира кумулятивно нарастает не только из-за тесного переплетения политики, экономики и социума, не только по причине все возрастающей взаимозависимости процессов в отдельных странах и состояния мировой экономики, политики и социума в целом, но и благодаря повсеместному внедрению информационных технологий и, прежде всего, интернета. Сегодня, когда «интернет

всего» становится реальностью не только в наиболее развитых странах, но и во всем мире, по сути все становится взаимоувязано со всем.

Как показал в своей книге «Антихрупкость» Н. Таллеб оборотной стороной сложности становится все возрастающая хрупкость нашего мира. Все чаще мы видим отказы технических, социальных и иных систем, которые сливаются в каскады неприятностей. В общем, мир вступил в чрезвычайно опасную, рискованную фазу экстремальной динамики. Для этой фазы характерна ситуация, когда технико-технологические возможности превалируют над сдерживающими их социально-культурными механизмами. В такие периоды, как показывает человеческая история, значительно увеличивается вероятность войн. Они становятся более распространенными, ожесточенными и разрушительными.

Экстремальное состояние сегодняшнего мира чреватое все новыми и новыми войнами, в том числе необычного облика. Новая ситуация осознается во многих странах мира. Не являются исключением Соединенные Штаты и их военно-политические союзники. Последние десятилетия были неудачными для Америки в политическом и военном плане. Американские вооруженные силы, по большому счету, потерпели ощутимые поражения в Ираке и Афганистане, не достигли своих целей в Северной Африке, целом ряде других регионов мира.

Несмотря на то, что у США имеется целая империя баз, в которую входят почти 700 военных баз и военных объектов за рубежом, в 130 странах мира, где несут службу почти 400 тыс. военных и гражданских специалистов Пентагона, политическое влияние и финансовые возможности страны по-

стоянно сокращаются. Так, в самом начале 2015 г. в США принято решение о закрытии 16 крупнейших военных баз в Европе. Объявлено, что подобные сокращения будут произведены в Азии и других регионах мира.

Однако Америка не раз в течение своей истории демонстрировала умение трезво и жестко анализировать собственные ошибки, и не просто искать пути их исправления, а стараться найти решения, обеспечивающие ее доминирование. Не является исключением и настоящее время. В недавно вышедшей книге «Долг», бывший многолетний директор ЦРУ и глава Пентагона Роберт Гейтс написал по этому поводу: «Прежде всего, война непредсказуема: едва начинают греметь выстрелы и падают первые бомбы, как сформулировал Черчилль, политический лидер теряет контроль над ситуацией. События руководят планами. Кажется, что всякая война начинается с предположения, что она будет короткой и победоносной. Почти в каждом случае, если заглянуть в глубины истории, это предположение оказывается ошибочным... В прошлом почти всегда боевые действия начинаются в полном неведении о противнике и о ситуации на местах. В будущем это чревато необратимыми последствиями... Выступая перед аудиторией в Университете национальной обороны, я процитировал генерала Уильяма Т. Шермана: «Всякая попытка сделать войну легкой и безопасной ведет к позору и катастрофе». И закончил словами генерала Джо Стилуэлла: «Неважно как начинается война: завершается она в грязи. Ее нужно перетерпеть – не существует короткого пути или магических трюков». Мы должны поддерживать боеготовность и использовать наши вооруженные силы там, где

ставится под угрозу наша безопасность, наши жизненные интересы или безопасность интересов наших союзников».

В начале 2015 г. в Соединенных Штатах принята новая Стратегия национальной безопасности 2015. Это очень важный, ключевой документ. В отличие от многих государственных документов, он написан предельно откровенно и понятно. Во вступительном послании Президента США к Стратегии особо отмечается: «Сегодня, в решающий момент мировой истории, мы по-прежнему сталкиваемся с серьезными проблемами и вызовами национальной безопасности, работаем над максимальным использованием возможностей, которые открывает нам завтрашний день. Насилие, питаемое экстремистами и эволюционирующими террористическими группами и сетями, продолжает создавать риски и угрозы атак на Америку и ее союзников по альянсам. Эскалация проблем и рисков, связанных с кибербезопасностью, агрессия России, все более сильные последствия изменения климата и вспышек инфекционных заболеваний ведут к росту обеспокоенности относительно уровня глобальной безопасности. Мы не должны прятать глаза от этих проблем, трезво оценивать риски и угрозы. Мы должны признать, что сегодня Соединенные Штаты имеют уникальную возможность мобилизовать и возглавить мировое сообщество для снижения этих рисков и устранения отмеченных угроз».

Американские правящие круги, представители различных сегментов элиты имеют существенно различающиеся взгляды на будущее Америки и роль Америки в турбулентном кризисном мире.

Первая господствующая тенденция в американской элите характеризует книга британца по про-

исхождению, профессора из Йеля, известного историка и политолога, включенного в список 100 наиболее влиятельных мыслителей мира Н. Фергюсона «Великая дегенерация»[42] и примыкающая к ней работа Б. Стефенса, консультанта руководства республиканской партии «Америка в обороне»[43].

Их объединяет тезис о том, что современный мир погружается в пучину беспорядков, конфликтов и деградации, связанных с закатом традиционной индустриальной цивилизации в одних частях света и неспособностью перейти от архаических обществ и политических диктатур к западной цивилизации, гарантирующей прогресс, в других.

Данный тезис является производным от чрезвычайно популярной среди части руководств демократической партии, включая семью Клинтон и некоторых кругов республиканской партии позиции, что только западная цивилизация способна к прогрессу и научно-техническому развитию. Эта позиция была впервые четко и развернуто сформулирована в самой популярной в Америке книге по истории все того же Н. Фергюсона «Цивилизация»[44]. Фергюсон и Стефенс полагают, что и Америка неизбежно подвергнется великой дегенерации, разрушению институтов и смерти экономики, если будет дожидаться вторжения варваров в свои пределы, а не остановит их на дальних рубежах.

Варварами в книгах называются Исламский халифат, Аль-Каида, Талибан, наркосиндикаты, Иран, Северная Корея и т.п. Вторым планом постоянно идут упоминания о китайской опасности

42. Niall Ferguson, The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies, Penguin Books, 2013.
43. Bret Stephens , America in Retreat: The New Isolationism and the Coming Global Disorder, Sentinel, 2014.
44. Н. Фергюсон. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. – М.: АСТ, 2014.

и деструктивном, разрушающем воздействии на международные отношения России. Надо сказать, что подобный подход, который выражается в выдвижении на первый план террористических сетей и одиозных для большинства американцев государств, с подверстыванием к ним в качестве основного конкурента Америки – Китая, и главного деструктивного и злонамеренного государства – России, стал сегодня нормой для самых различных авторов, например, автора международного бестселлера Гудмана[45]. Нашел свое отношение подобный подход и в Стратегии национальной безопасности США – 2015.[46]

Позиция сил, чьи мысли формулируют и выражают Н. Фергюсон и Б. Стефенс, базируется на американской исключительности, как основе внешней и внутренней политики. Об американской исключительности много говорится официальными лицами США и пишется аналитиками, исследователями, журналистами, однако мало кто берется расшифровать это понятие. Одним из немногих является Н. Фергюсон, который в отмеченной выше книге определил американскую исключительность, как «господствующую в мире субъектность». Попросту говоря, чрезвычайно влиятельные круги в американском доминате исходят из того, что они и только они могут обладать волей и выполнять функцию глобального целеполагания, они и только они являются единственным глобальным субъектом, а все остальные – объектами и инструментами. В нескольких интервью Н. Фергюсон высказывал точку зрения, что важнейшей задачей

45. Marc Goodman, Future Crimes: Everything Is Connected, Everyone Is Vulnerable and What We Can Do About It. – Doubleday, 2015.
46. Е.С.Ларина, В.С. Овчинский. Мировойна, все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: Книжный мир, 2015.

США является превращение России в своего рода инструмент реализации американских интересов в Восточной и Северной Азии.

Несмотря на то, что позиция Н. Фергюсона и Б. Стефенса имеет множество приверженцев в американской элите вообще, она отнюдь не представляет всего спектра заокеанского домината. В этой связи огромный интерес представляет книга П. Зейхана, выступающего советником и консультантом крупнейших IT компаний, «Случайная супердержава»[47]. Книга Зейхана пока имеет весьма необычную судьбу. Она чрезвычайно активно обсуждается внутри домината. Ей посвящены многочисленные встречи, частично открытые, а частично закрытые конференции и т.п. в США, и при этом она до сегодняшнего дня не переведена ни на один иностранный язык и не получила сколько-нибудь развернутых отзывов в неанглоязычных специальных источниках. Автор, близкий к владельцам и топ-менеджменту ключевых компаний так называемой «новой американской экономики», в ходе своего исследования приходит к трем выводам.

Во-первых, он обращает внимание, что в условиях разворачивающейся Третьей (Четвертой) производственной революции и энергетической революции, связанной со сланцами, «вторичной» нефтью, возобновляемыми источниками и переходу к нетрадиционной ядерной энергетике, Соединенные Штаты, вместе с Канадой и Мексикой становится самодостаточным геоэкономическим паттерном.

Во-вторых, П. Зейхан полагает, что в результате частично стратегических и тактических неудач американской дипломатии и военной политики

47. Peter Zeihan, The Accidental Superpower: The Next Generation of American Preeminence and the Coming Global Disorder. – Twelve, 2014.

на Ближнем и Среднем Востоке, последствий крушения СССР, искусственности многих государств мира, сложившихся после крушения колониальной системы, и форсированного, по мнению профессора, в немалой степени стимулированного извне неорганического роста Китая, мир, включая и Европу, и постсоветское пространство, и Африку, и Ближний и Средний Восток, а также Южную и Восточную Азию, погрузится в дефрагментацию, деструкцию и беспорядки.

В-третьих, по мнению автора книги, у Америки нет ресурсов, возможностей, а главное необходимости противостоять глобальным деструктивным и дефрагментационным процессам, но достаточно сил и средств для создания процветающей и неприступной «крепости – Америка». Эта крепость, включающая США, Канаду и Мексику, сможет не только воспользоваться благами технологической, энергетической и когнитивной революций, но и сохранить процветание, неприступность и стабильность в кризисном и катастрофическом мире.

Фактически П. Зейхан выступает теоретиком и идеологом нового, если можно так выразиться, технологического американского изоляционизма. При этом в отличие от традиционного американского изоляционизма, господствовавшего в XIX веке и связанного с нежеланием участвовать в судьбах мира, новый американский изоляционизм, даже признавая деструктивную роль Америки в истории XX и XXI веков, стремится устраниться от ответственности за глобальную деструкцию и оплатить этой деструкцией собственное процветание. Подобные настроения в Соединенных Штатах буквально с каждым месяцем набирают все большую силу.

Огромный интерес в Америке и в мире вызвала вышедшая в 2015 г. книга живого классика американской политики, советника Х.Клинтон Дж. Ная «Закончился ли американский век?»[48]. Книга с посвящена наиболее обсуждаемому среди американской политической элиты вопросу: происходит ли на наших глазах смена мирового гегемона и действительно ли место США, как глобального лидера, занимает Китай. Автор с различных позиций, включая финансово-экономические, политические, культурные, психологические и, конечно же, военные, анализирует эту проблематику и приходит к следующему выводу.

По его мнению, на период до середины XXI века Соединенные Штаты по-прежнему останутся единственной сверхдержавой и мировым лидером. При этом, Китай и далее будет развиваться, ориентируясь, прежде всего не на глобальное лидерство, а на доминирование в Южной и Юго-Восточной Азии и на Евразийских просторах, включая постсоветское пространство. По мнению Дж. Ная, при умелой политике такой вариант может вполне соответствовать американским интересам.

В этом смысле отношения с Россией он рассматривает в инструментальном плане, и считает их подчиненными интересам американо-китайских отношений в стратегическом и тактическом планах. В переводе на русский язык, это означает, что при том или ином раскладе событий, Россия рассматривается как своего рода разменная карта, приз или приманка, в зависимости от конкретной динамики китайско-американских отношений. Дж. Най – не только яркий аналитик и практический политик, так называемый «клинтонит», но

48. Joseph S. Nye, Is the American Century Over (Global Futures). – Polity, 2015.

и персона, тесно связанная с Уолл-Стрит и глобалистским движением в демократической партии. В ходе избирательной кампании 2016 г. Х.Клинтон неоднократно в своих выступлениях высказывала мысли, близкие к концептам Дж. Ная, а несколько раз прямо цитировала его книгу.

Несомненно, крупнейшим событием стала долгожданная книга доктора Г. Киссинджера «Мировой порядок»[49], которая вскоре будет опубликована в России. В книге едва ли не наиболее почитаемая и уважаемая внутри домината политическая фигура подводит одновременно итоги своей жизни и процессов глобализации. В ней Г. Киссинджер приходит к трем важнейшим выводам.

«Международный порядок, таким образом, стоит перед парадоксом: его процветание зависит от успеха глобализации, но процесс глобализации порождает политическую реакцию, которая зачастую работает против ее устремлений...

Чтобы играть ответственную роль в развитии мироустройства XXI века, США должны быть готовы ответить для себя на многие вопросы: Что мы будем предотвращать, независимо от того каким образом это происходит, и, если необходимо, в одиночку? Чего мы будем стремиться достичь, даже не имея поддержки со стороны каких-либо многосторонних сил? Чего мы будем стремиться достичь, или предотвратить, если будем поддержаны союзниками? Во что мы не должны дать себя вовлечь, даже если нас будут призывать к этому союзники или другая многосторонняя группа? Какова природа ценностей, которые мы стремимся продвигать? И насколько применимость этих ценностей зависит от обстоятельств?..

49. Henry Kissinger, World Order. – Penguin Press, 2014

От Соединённых Штатов это потребует принятия решений по двум, на первый взгляд, противоположным направлениям. Прославление универсальных принципов должно быть соединено с признанием реальности истории, культуры и представлений о безопасности народов других регионов планеты. Как раз когда анализируются уроки трудных десятилетий, исключительность Америки должна получить своё безоговорочное подтверждение. История не предлагает отсрочки странам, которые откладывают свою самоидентификацию в пользу, казалось бы, менее трудного курса. Но при этом она также не гарантирует успех даже для самых возвышенных убеждений в отсутствие целостной геополитической стратегии»[50].

В книге Г. Киссинджер весьма уважительно и конструктивно пишет о России. Вопреки мнению различного рода российских публицистов и псевдоаналитиков, рисующих Г. Киссинджера чем-то вроде наместника сатаны на Земле, он с 70-х гг. прошлого века последовательно прилагал усилия к налаживанию и установлению партнерских отношений между сначала СССР и США, а затем Россией и США. При этом на всех этапах карьеры он выражал не только свою точку зрения, но и позицию весьма влиятельных сил в американском доминате.

Самой обсуждаемой в американском истеблишменте книгой о новой роли Америки в мире стала работа звезды первой величины на американском аналитическом небосклоне Яна Бреммера «Сверхдержава: три американских шанса на мировое лидерство». Это вольный перевод, который лучше отражает смысл книги, чем ее дословное название

50. Henry Kissinger , World Order. – Penguin Press, 2014

на русском языке «Сверхдержава: три варианта роли Америки в мире»[51]. Ян Бреммер – не только политолог, но и практикующий геостратегический и экономический эксперт, руководитель одной их ведущих американских консультативных компаний Eurasia Group. Она работает с ведущими высокотехнологичными нефтяными компаниями, главными подрядчиками Пентагона, имеет тесные контакты с китайскими корпорациями, действующими на мировых рынках.

Общеамериканскую известность Бреммер получил благодаря книге «Каждый за себя: победители и проигравшие в мире G-0»[52]. В ней он предрекает крах однополюсного мира, таких неформальных структур, как G-8 и G-20 и наступление в результате этого подлинного глобального кризиса, сравнимого с Наполеоновскими войнами, и Второй мировой войной, после которого установится новое мироустройство. При этом, по мнению Я. Бреммера, на этот раз война будет, хотя опять же мировой, но весьма необычной, в корне отличающейся от всего того, что до сих пор видело человечество.

Прежде всего, по его мнению, она будет представлять собой сложную комбинацию традиционных локальных и сублокальных военных конфликтов, революций и беспорядков в отдельных странах и регионах, жестких конфликтов, по сути, не отличающихся от войн, в информационной, технологической, финансово-экономической и т.п. сферах между крупнейшими и крупными державами и их блоками.

Его новая работа получила восторженные и одобрительные комментарии как от политиков обеих

51. Ian Bremmer, Superpower: Three Choices for America's Role in the World. – Portfolio, 2015
52. Ian Bremmer, Every nation for itself: winners and loosers in a G-Zero World. – Portfolio, 2012

партий, включая многих потенциальных кандидатов в президенты США и мэтров экспертного сообщества, начиная с Г. Киссинджера, заканчивая Н. Рубини. Книга весьма необычна для американского политического мышления. Она не прокламирует единственного варианта будущего и места Америки в нем, а более-менее беспристрастно рассматривает три американских роли, находя в каждой из них плюсы и минусы.

Первую роль он назвал «незаменимой Америкой». По сути, речь идет о продолжении внешнеполитического курса Б. Обамы второго срока, чрезвычайно близкого также к внешнеполитическим наметкам команды Х. Клинтон. Это, как пишет Ян Бреммер «идеалистическая внешняя политика, исходящая из американской исключительности и необходимости и дальше нести бремя гаранта прав человека во всем мире, демократии и мирового полицейского».

Вторая роль по-английски обозначена как «Moneyball America». В наименовании роли Я. Бреммер обыгрывает название американского бестселлера и голливудского блокбастера с Бредом Питом в главной роли, рассказывающих о том, как заштатная бейсбольная команда, благодаря использованию Больших Данных, стала лидером лиги. Если говорить о сути роли, то наиболее точным переводом на русский язык будет «расчетливая Америка» с обязательным дополнением, что расчетливость проявляется не только в ориентации на экономику, но и в опоре на цифровые технологии. Иными словами, весьма вероятным для Америки Ян Бреммер видит превращение ее в своего рода «крепость Америка», где происходит Третья (Четвертая) производственная революция.

При этом в международном плане Америка в этом случае замкнется в Северной Америке и снимет с себя всю ответственность и обязательства за глобальный мир.

Наконец, третья роль, которую автор обозначил, как «независимая Америка» предполагает упор на внутренние проблемы, связанные с осуществлением Третьей (Четвертой) производственной революции, урегулированием социальных и имущественных конфликтов, реконструкцию политической системы при сохранением активности в глобальном мире. Однако в данном варианте активность должна избавиться, по словам того же Бреммера, «от любых видов идеализма и принятия на себя непосильной ноши, а ограничиться обеспечением торгово-экономических интересов страны, ее технологического развития и национальной безопасности».

Бреммер считает, что третий вариант был бы наиболее предпочтительным, но одновременно и наиболее сложно реализуемым по многим соображениям. Главным из них является, по мнению новой звезды американской экспертной мысли, недостаточность желания одной Америки для реализации такой роли, но и необходимость принятия ее ключевыми американскими партнерами и даже в каком-то смысле конкурентами.

ДИКИЕ КАРТЫ И ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ

В преддверии тектонических, планетарного масштаба, сдвигов продвинутые фабрики мысли, такие как Центр новой американской безопасности, Институт Брукингса, прогнозно-аналитическая сеть MITRE и т.п. анализируют не геополитику, а хронополитику. Т.е. анализируют и прогнозируют не события, а процессы. Объектом анализа и прогноза становятся не столько государства, сколько разнообразные, в т.ч. негосударственные и надгосударственные подвижные структуры и паттерны. В расчет берутся не географические локации, а ситуации. Ситуация – новый термин. Он описывает многих участников, которые взаимодействуют (конфликтно или нет) по конкретной теме в течение определенного периода времени.

Среди хронополитических процессов второй половины второго десятилетия XXI века можно выделить несколько определяющих. Первая хронополитическая тенденция – это переформатирование глобального политэкономического пространства, изменение топологии потоков, товаров, капиталов, информации и людей. Процесс начался созданием в 2016 г. Транстихоокеанского Торгового Партнерства. В ближайшие годы ожидается подписание и начало функционирования Трансатлантического Торгового и Инвестиционного партнер-

ства (ТАТИП). По этому партнерству вся документация уже готова и согласована в американских, британских и европейских элитах. Но американская элита решила, что подписать документы о создании партнерства должен новый президент. Он удостоится всех лавр. Суть партнерств не сводится только к экономике. Это будет свободное пространство торговли, инвестиций, обмена информацией, рабочей силой и т.п. Партнерства сформируют единую техническую, нормативную зону и среду технического регулирования (стандарты). Т.е. это будет единый Ростехнадзор на оба партнерства. Новым при создании этих партнерств является то, что в партнерствах появится новая независимая от национальных государств судебная система, которая будет рассматривать конфликты между корпорациями и государствами как равными субъектами права. Также новым станет то, что, хотя на первом этапе создания политических структур не предусматривается, но в сведениях о переговорах отмечается, что такие структуры обязательно через два-три года появятся. Они будут носить наднациональный характер.

Партнерства будут характеризовать следующие цифры: по мощи – более 60% мирового ВВП, 80% мировых финансовых рынков, более 90% патентов, ноу-хау по всем высоким технологиям. Партнерства создадут самый богатый и платежеспособный рынок планеты.

Традиционно, часть российской патриотической аналитики крайне скептически смотрит на любые интеграционные объединения, в которые не входит Россия. В эмоциональном плане такую позицию понять можно. Однако, многочисленные прогнозы о крахе ЕС, доллара, евро, а также

невозможности создания партнерств раз за разом не оправдывались. Вообще, к сожалению, зачастую трезвая, не всегда приятная аналитика подменяется милой сердцу пропагандой и радужной картиной будущего мира, который все не настает.

Что касается Китая, то опять же у части российских аналитиков есть точка зрения, что Китай и США – это долговременные стратегические враги. Казалось бы, отсутствие Китая в ТТП подтверждает эту точку зрения. Однако это неправильная трактовка. Китай стремился вступить в партнерство. Однако ему было отказано вплоть до того времени, пока он не сделает конвертируемым курс юаня, не откажется от манипуляций со статистикой, непрогнозируемого государственного регулирования финансовыми рынками и не урегулирует вопросы национальной принадлежности морской акватории.

Китай, будучи экспортоориентированной страной, не хочет и не может позволить себе вступать в какие-либо конфронтационные отношения со своими основными рынками сбыта и одновременно источниками технологий – США и Европой. Более того, Си Цзиньпин недавно заявил, что Китай категорически отказывается вступать с кем-либо в какие-либо союзы и соглашения, направленные против США.

К тому же следует иметь в виду, что Китай – это не только важный экономический партнер России, но и в определенном смысле конкурент на постсоветском пространстве. Реально складывающийся Шелковый путь – главный инвестиционный, экономический и политический проект Китая на ближайшие десятилетия – прямо предусматривает экспансию Поднебесной в Центральную и Сред-

нюю Азию, Закавказье и прокладку основных транспортных потоков в Европу, минуя Россию. Это не хорошо и не плохо. Китай заботится о своих собственных интересах. России просто не надо переоценивать роль Китая, как противовеса Европе и США, а также его бескорыстие, как экономического партнера.

Китайские устремления в Азии по большому счету не противоречат доктрине партнерств элиты США. Наученная горьким опытом Ирака и Афганистана, значительная часть американской элиты больше не хочет прямо участвовать в военных действиях и расходных политических проектах в горячих точках планеты. Американская стратегия на XXI век, как об том написали гуру политологии Г.Киссинджер и восходящая звезда стратегии Я. Бреммер, состоит в том, чтобы поручить грязные затратные функции, связанные с умиротворением, субдоминатам, которые будут выполнять их по мандату США. Для Средней и Центральной Азии, а также некоторых районов Юго-Восточной Азии значительная часть американской элиты в качестве субдомината, который постепенно включится в партнерство, рассматривает Китай. Другая же – видит в этой роли Россию.

В Европе новым фаворитом американских элит стала Польша. Часть элиты США приступила к реализации проекта создания Новой Речи Посполитой. По заокеанским планам, всесторонне поддержанным в Варшаве, в нее должны войти Польша, Литва, Беларусь, Украина и в перспективе Молдавия и Румыния. Столицей намечается сделать один из литовских или белорусских городов, а Варшава останется реальным центром власти. У поляков под

этот проект уже избран новый президент А.Дуда и к власти вернулся младший Я. Качиньский.

На Украине идея Новой Речи Посполитой имеет все больше приверженцев, особенно в условиях ужасающего экономического положения в стране и все более неясных перспектив во взаимоотношениях с ЕС. Литовские политики готовы к такому обороту событий и приветствуют его. Высказывают заинтересованность Румыния, Молдавия и даже некоторые влиятельные круги в Приднестровье. Что касается Белоруссии, то надо смотреть правде в глаза. Из-за недостаточно эффективной информационной работы российской стороны все большая часть молодежи смотрит не на Восток, а на Запад, связывая свои жизненные перспективы с реинкарнацией то ли Великого Княжества Литовского, то ли Новой Речи Посполитой. Проект Речи Посполитой, насколько известно, рассчитан на интеграционные процессы в течение трех, максимум пяти лет. После этого ее имеется в виду включить в ТАТИП.

Ряд российских политологов и аналитиков крайне скептически смотрят на перспективы Польши, как будущего лидера Восточной Европы и локомотива интеграционных процессов. Нельзя не отметить, что их подлинными инициаторами являются части британской и американской элит. Польские элиты выступают в значительной мере как младшие и весьма деятельные и энергичные партнеры. Что касается Польши, то по показателям своего экономического развития, страна, не имеющая каких-либо заметных природных ресурсов, входит в число наиболее динамичных, успешно, а главное диверсифицировано развивающихся европейских стран. Нравится нам или нет, но это – факты.

Что до интеграционных процессов, то Польша уже сегодня стала неформальным лидером Вышеградской Четверки.

На тему Третьей (Четвертой) производственной революции, в том числе нами с В.С. Овчинским, написано немало. Более того, горжусь тем, что мы были одними из первых, кто в российском информационном пространстве постарался привлечь внимание к этой набирающей силу тенденции. Приведу лишь несколько цифр. В 2015 г. в Северную Америку вернулось из Азии более шести тысяч предприятий и производств. На занятости (хотя она для Америки сейчас достаточно высокая) это не сказалось, потому что возвращаются предприятия, где сразу реализуется роботизированное производство. Сейчас в США более 100 тыс. роботов, роботизированных линий, гибких участков производств, включая минипроизводства. Для скептиков, хотела бы особо отметить тот факт, что приведенные цифры – это не государственная статистика США, которая склонна лакировать действительность, а результат обобщения торговых и прочих контрактов. США не одиноки. Робототехника быстрыми темпами развивается в Южной Корее, Японии, Нидерландах. Немцы и китайцы активно догоняют. По экспертным данным, в России на конец III кв. 2015 г. действовало примерно 500 роботизированных участков, линий и отдельных сложных многофункциональных роботов. Из них менее 100 – отечественного производства.

Иногда в силу слабого знакомства с конъюнктурой и тенденциями мирового рынка робототехники, отдельные эксперты высказывают мнения, что она до сих пор остается слишком дорогой, а потому малоэффективна. Это глубочайшее заблужде-

ние. Уже сегодня наиболее массово применяемые сборочные, покрасочные и иные роботы вышли на срок окупаемости от 1,2 до 1,5 года. Причем эти сроки все время сокращаются. Сегодня на все растущем числе производств роботы становятся не просто на порядок экономичнее живой рабочей силы, но и позволяют лучше контролировать технический процесс и соблюдать технические требования.

Обычно нефтегазовую отрасль не относят к отраслям Третьей (Четвертой) производственной революции. Верно это лишь отчасти. Нефтегазовая отрасль потребляет технологии ТПР, но не производит их. Использование технологий ТПР позволило в США, например, снизить себестоимость добычи сланцевой нефти с 80 дол. за баррель в 2012 г., до 25-30 долларов в настоящее время. При этом надо иметь в виду, что американские энергетические компании могут получать, по сути, беспроцентные кредиты с пролонгацией на очень длительное время.

Третий, возможно главный и подлинно хронополитический процесс, связан с борьбой в глобальной наднациональной элите и отражением ее в динамике глобальной экономики и политики. В то время, как в российском информационном пространстве элиту продолжают делить на процентщиков и менял, на Ротшильдов и Рокфеллеров, в реальном мире происходят совершенно иные процессы. В последние годы для исследователей стали доступны количественные методы изучения глобальных элит с привлечением Больших Данных, касающихся различного рода отчетности, участия в политических и экономических процессах и т.п.,

с использованием методов сетевого, иерархического, детерминантного и иных методов.

Сведения, полученные несколькими группами исследователей независимо друг от друга в Швейцарии, США, Японии и России говорят примерно об одном и том же. Если рисовать картину крупными мазками, то получается примерно следующее. Есть две экономики. Старая – с господством фиктивного финансового капитала, сырьевыми рынками, поддерживающими резервные валюты и подчиненным положением реального сектора. Это – экономика уходящей эпохи традиционных резервных валют, нефти и индустриального производства. Во главе этой экономики и политического мира стоят те, кого любовно называют банкстерами. Это – финансисты и связанные с ними политические круги, социальные группы и т.п.

В последние 10 лет ускоренными темпами формируется новая экономика. Ее называют поразному. Некоторые – экономика участия, другие – экономика платформ, третьи – гибкая децентрализованная экономика. Последнее неверно, поскольку платформы – это глобальные централизованные структуры, организующие и регулирующие децентрализованную деятельность отдельных производителей. Типичная платформа – это всем уже хорошо известные в России Uber и Airbnb. Интернет-революция – это не революция, а подготовка Третьей (Четвертой) производственной революции. Именно Третья (Четвертая) производственная революция с ее гибкими производствами является производственной основой новой экономики. Ни одна экономика не может базироваться на впечатлениях, маркетинге и прочем мерчендайзинге. В основе любой экономики лежит производство.

В Третьей (Четвертой) производственной революции производство базируется на информационных технологиях в виде платформ. Вот их создатели и собственники и составляют ядро новой господствующей элиты. Эта элита носит межгосударственный характер. Это не американская, не британская или какая-то другая элита. Это элита нового даже не производственного уклада, а способа производства. Соответственно вокруг этой элиты ускоренно формируются политические, социальные, военные и иные структуры. В этом смысле скандал со Э. Сноуденом стал одним из первых проявлений смертельной схватки двух элит: элитой финансов и элитой платформ.

В принципе неизбежный в ближней перспективе, чрезвычайно серьезный не только циклический, но и системный кризис экономики, будет связан не только с традиционными циклическими факторами экономического развития, но и с глобальной борьбой двух наднациональных групп элит.

Еще одним отражением этой борьбы является все возрастающая политическая напряженность и конфликты по всему миру. В принципе, в человеческой истории это не уникальная ситуация. В прошлом никогда межэлитная борьба такого типа не происходила в мирную эпоху. Это всегда были эпохи войн. С учетом колоссальной разрушительной силы летальных высокотехнологичных вооружений, позволю высказать гипотезу: в ближайшие годы нас ждет не глобальная Третья или Четвертая мировая война, а совершенно уникальное, невиданное явление – глобальная, охватывающая все континенты и локации мировойна или жесткое противоборство, ведущееся не только и не столько привычными средствами, а с использованием всего

потенциала принудительных программирующих вооружений, включая поведенческие, когнитивные и даже теологические. Итог борьбы двух элит далеко не предрешен. Каждая из них старается использовать в своих интересах все возрастающую турбулентность, неопределенность и глобальные кризисные процессы.

Ситуация для России в ближайшие годы сложится очень сложная. Например, российский экономический кризис только начинается, поскольку вне зависимости от ситуации внутри страны, он будет мультиплицирован глобальным экономическим кризисом. К тому же по объективным причинам сегодня в мире каждый заботится только о себе. Поэтому со стороны особо ждать помощи неоткуда. Российские шансы связаны с тремя факторами. Во-первых, навыками нашего народа находить выход из самых сложных, казалось бы, безвыходных, положений. Во-вторых, в мировых элитах нарастает раскол и важно своевременно установить взаимодействие с теми, кому принадлежит завтра, а не вчера. Наконец, в-третьих, в силу особенностей исторического развития у России до сих пор сохраняется комплекс уникальных технических, гуманитарных, социальных, организационных и энергетических технологий, которые могут выполнить роль «дикой карты» и до неузнаваемости изменить ситуацию. Наша «дикая карта» для кого-то вполне может стать «черным лебедем».

ВРАГ У ВОРОТ... КТО?

Казалось бы, ответ на вопрос ясен. Враг – это американцы, янки, пиндосы и т.п. Однако, в действительности, все сложнее и одновременно проще.

Любой человек воспринимает мир и действует, используя семантические или концептуальные решетки[53]. По этой причине люди существуют не в огромном, разнообразным мире, а в своеобразных «тоннелях реальности». Об этом много и хорошо написано у В. Аршинова, В. Лепского и С. Переслегина[54]. И надо понимать, что огромный мир и персональный или групповой тоннель реальности – это «две большие разницы». Как говорил великий Филипп Дик: «Реальность – это вещь, которая продолжает существовать даже тогда, когда ты перестаешь в нее верить». Поэтому необходимо стараться выйти из собственного тоннеля реальности, пока в нем не обнаружился яркий свет от приближающегося встречного поезда.

Главными тоннелестроителями всегда были и будут семья, школа и улица. В советских школах

---

53. Чернышев С.Б., Смысл. Периодическая система его элементов – http://www.ckp.ru/biblio/c/chernyshev/sens/Sens02_.htm; Смирнов И.В. Психоэкология. – М.: Издательский Дом Холодильное дело, 2003.
54. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Российская акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. В.И. Аршинов, В.Е. Лепский]. – Москва: ИФРАН, 2010; С. Переслегин, Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.: АСТ; АСТ Москва, СПб: Terra Fantastica, 2009; С. Переслегин. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. – М.: Эксмо, 2015.

замечательно учили географии. Почти каждый школьник мог за несколько секунд найти на карте столицу Гвинеи или Бутана. Когда школьники подросли и стали серьезными дядями – российскими политиками, аналитиками и т.п. они продолжают мыслить в географическом тоннеле. Поэтому любимицей российского политикума, аналитики и СМИ – от интеллектуальных до желтых, остается геополитика, а еще лучше геостратегия.

Друзья, враги, союзники и угрозы продолжают восприниматься исключительно в масштабе географической карты, в перекрестье параллелей и меридианов. Между тем, если не заниматься одеванием короля, можно в определенной мере согласиться с Максимом Шевченко, полагающим, что «... государство в современном мире – достаточно условная вещь, поскольку государство является просто территорией, которая контролируется определенной группой бюрократии. И статус того или иного государства зависит от того, признается ли данная группа бюрократии на этой территории так называемым мировым центром силы». Касательно исключительного контроля бюрократии и наличия мирового центра силы, это – вероятно, преувеличение, однако, необходимость преодоления геоцентризма в реальной политике схвачена верно. Эту необходимость замечательно показал со свойственным ему перехлестным эпатажем В. Пелевин: «А что касается пути, по которому пойдет дальше Россия, то непонятно, как и куда символическое понятие может пойти по абстрактному».

В динамичном, неопределенном, нелинейном мире, полном «черных лебедей» и «волшебных драконов» жить в унаследованных от прошлого тоннелях реальности становится сложно, а зача-

что, прежде чем определить врага, стоящего у ворот, желательно распознать всех персонажей, скопившихся у входа в осажденную крепость.

Всем непредубежденным людям, даже в житейском плане ясно, что в нынешнем мире господствует паукратия (от слова «немногие» – paucorum). Убедительнейшие экономические доказательства этому собрал и представил на суд общественности Т. Пикетти в самой популярной экономической книге прошлого года – «Капитал XXI века»[56].

Убедительную политическую и социальную фактуру на этот счет можно найти в книгах нью-йоркский профессор Брюса Буэно Де Мескута. В Америке его называют «Нострадамусом ЦРУ». Вот уже более 10 лет он консультирует Совет Национальной Безопасности, CIA и DIA относительно перспектив развития тех или иных конфликтов. В бестселлере «Игры предсказателя»[57] Б. Мискута сформулировал тенденцию перехода от электората к селекторату. Селекторат – это определенные слои, группы и т.п., которые участвуют в реальном выборе исторической динамики и руководства страны. В более поздней книге «Справочник для диктатора[58]» Б. Мискута пошел дальше и сформулировал тенденцию перехода от селектората к доминату. Доминат предполагает окончательное, частично принудительное, а частично добровольное, отсечение подавляющей части даже имущих слоев и групп общества от власти, и сосредоточение ее у определенных, в том числе наднациональ-

56. Томас Пикетти, Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем, 2015.
57. Bueno De Mesquita, The Predictioneer's Game: Using the Logic of Brazen Self-Interest to See and Shape the Future Hardcover. – Random House Trade, 2009.
58. The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics. – Public Affairs, 2011.

стую невозможно. В стране и в значительной степени в мире в последние десятилетия произошла, по глубокому замечанию профессора В.Бурова, когнитивная катастрофа. Когнитивная катастрофа – это ситуация, «когда человек или группа по психологическим причинам, из-за неверных когнитивных и нейрокогнитивных стратегий не могут воспользоваться имеющимся знанием для постановки и решения сложных задач и в осуществляемых ими выборах, и идут на редукцию системных уровней к доступным им низшим, более простым уровням. Дефицит и измельчение когнитивных ресурсов приводит к тому, что решаются только малоресурсные задачи, а сложные вопросы не рассматриваются или рассматриваются в катастрофически редуцированных контекстах, когда игнорируется сложность и выбираются самые простые, пускай неверные решения тяжелых проблем»[55]. В этой связи знаменитый математик Г. Перельман, по слухам, любит говорить: «если реальность полагается фата морганой, а фата моргана – реальностью, то с позиции науки это нормально, а вот в обыденной жизни с таким подходом пропадешь». Когнитивная катастрофа имеет своим следствием трагические политические ошибки, экономические кризисы и даже военные действия. Поэтому когнитивных катастроф, особенно в политике и обслуживающей ее аналитике, надо любой ценой избегать.

Для этого желательно опираться на что-то более-менее проверяемое, подтверждаемое обыденными фактами, с которыми сталкиваются люди, как в коридорах власти, так и на просторах площадей. Применительно к заявленной теме это означает,

55. Буров В.А. Когнитивные коммуникации в онтологии сложности. Передача неотделимого знания. – М., ООО НИЦ «Инженер», 2014.

ных группировок или паттернов домината. Между ними складываются подвижные иерархо-сетевые отношения – или гетерархии[59].

Представленных в этих и других книгах неопровержимых фактов достаточно, чтобы ограничить поиск друзей, врагов, союзников и противников, к тому же сменяющих как в калейдоскопе друг друга, глобальным доминатом, субдоминатами и квазидоминатами. К последним относятся структуры, функционально стремящиеся выполнять роль домината, но в силу конкретных исторических обстоятельств являющихся не субъектами, а объектами, или в лучшем случае, субъектами с крайне ограниченной исторической волей.

На сегодняшний день сложилось две основных школы, анализирующих господствующие структуры. Одна из них связана с привычным нам классовым подходом, другая представлена многочисленными школами и течениями элитологии. Едва ли не лучшее не только в России, но и в мире изложение положения дел в этой столько волнующей практикующих политиков, размышляющих экспертов и любопытствующих читателей области,

---

59. Термин введен в работе нейропсихолога и кибернетика У. Маккаллока «Гетерархия ценностей, обусловленная топологией нервных сетей» (1943 г.). Этимология понятия «гетерархия» («heterarchy») греческого происхождения, это соединение слов «heteros» («другой», «чужой») и archein («власть», «управление»). Таким образом, термин «гетерархия» буквально обозначает «то, что находится под управлением другого», «распределенное управление» (в противоположность «священному порядку» иерархии) или же, в более свободном переводе, «нечто, обладающее внутренней разнородностью».
Crevier Daniel, AI: the tumultuous history of the search for artificial intelligence. – Basic Books, 1993.
Гетерархия – система, образованная пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами управления. Гетерархия – это целостность относительно обособленных паттернов, связанных между собой и внутри себя изменчивыми, текучими, переходящими друг в друга иерархическими и сетевыми взаимодействиями.
The Sense of Dissonance: Accounts of worth in economic life. – Princeton University Press, 2011

представлено в работах «Эволюция элиты» С. Бухарина и С. Малкова[60] и «Лестница в небо» М. Хазина и С. Щеглова[61].

В эпоху Больших данных и наличия разнообразных методов количественного и качественного их исследования становится понятно, что оба этих направления в определенной степени ограничены, поскольку осуществляют классификацию по различного рода произвольным критериям.

Решая прагматическую задачу, связанную с распознаванием врагов и выяснением, в конечном счете, вопроса, хочет ли Америка распада России, хотят ли этого все ключевые паттерны домината или нет, придется все-таки еще раз отточить смысловой инструментарий.

При этом важно избежать изобретения велосипеда – дела не только бессмысленного, но и смешного. При отборе смыслового инструментария нужно по максимуму использовать здравый смысл и большое число наработок замечательных российских и не менее выдающихся зарубежных исследователей. Они уже изготовили все необходимые и достаточные детали исследовательского конструктора для изучения домината.

В конечном счете, все, чем мы живем – от государств и народов до повседневной жизни, от личной судьбы до исторической динамики – это результаты деятельности. Наиболее полную, развивающуюся и инструментально ориентированную теорию деятельности создала советско-российская школа, и прежде всего Эвальд Ильенков[62],

60. С.Н. Бухарин, С.Ю. Малков. Эволюция элиты (Материалы и исследования). – М.: Академический проект, 2014.
61. М. Хазин, С. Щеглов. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите – М.: Рипол Классик, 2016.
62. В.Толстых, ред., Эвальд Васильевич Ильенков. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.

Алексей Леонтьев[63], Георгий Щедровицкий[64] и т.п. Особое значение для доминатного анализа имеют работы выдающегося российского психолога и мыслителя А.В. Брушлинского[65]. А. Брушлинский справедливо полагал, что человеческая деятельность едина, и лишь исследователи разделяют ее на предметы тех или иных наук, например, психологии, лингвистики, социологии или практик – экономики, политики, социальной жизни и т.п. Он разработал и с успехом применил уникальную методологию, предполагающую текучесть и пластичность понятий, терминов и т.п., используемых при анализе деятельности. В этой связи представляется неслучайным, что в 2002 г. А.В. Брушлинский был убит, а его архив частично похищен. И это далеко не единичный случай убийств российских ученых, занимавшихся анализом деятельности, сложности и латентных процессов. Буквально через год внезапно загадочно умер выдающийся мыслитель и психотехнолог В.И.Смирнов, а еще через год был убит их друг, знаменитый советский востоковед, разведчик, исследователь латентных структур и друг Л. Ларуша – Г. Бондаревский.

Приложение теории и инструментария деятельности к общественным процессам требует отказа от ряда господствующих догм. Прежде всего, это касается механистического детерминизма и догматического марксизма с их первенством производительных сил над производственными отношениями, базиса над надстройкой, признанием только однонаправленных причинно-следственных связей, линейного прогресса и т.п.

63. А. Леонтьев, Становление психологии деятельности. – М.: Смысл, 2003.
64. Г. Щедровицкий. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология (курс лекций). – М.: Студии Артемия Лебедева, 2014.
65. А. Брушлинский. Субъект: Мышление, учение, воображение. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003.

Человеческая деятельность, независимо от ее масштабов – это сложный, вероятностный, неоднозначный процесс. На системном уровне теорию и методологию сложных процессов в России блистательно развивали С. Курдюмов и Е. Князева[66], А. Назаретьян[67] и др.

Необходимый и во многих отношениях достаточный инструментарий практического анализа сложных процессов, характеризующихся кольцевой причинностью и т.п., создали академик П.К. Анохин и его ученик профессор А.В. Судаков[68], и, конечно же, безвременно ушедший из жизни гениальный психолог и методолог Н. Носов[69]. Математический аппарат, необходимый для анализа сложных процессов, включая межэлитный анализ развивает невидимый колледж, образовавшийся вокруг семинара по прикладной математике под руководством Г. Малинецкого[70].

Применительно к общественным процессам, базовый подход и инструментарий использования теории вероятностных, изменчивых процессов заложил Антонио Грамши в «Тюремных тетрадях»[71]. В СССР несколько иной вариант подхода и инструментария, также лежащий в рамках школы сложности, разработал неоцененный выдающийся советский обществовед К.В.Крылов[72].

Наиболее глубоко инструментарий анализа национальных и наднациональных элит и их взаи-

---

66. Е.Н.Князева, С.П. Курдюмов. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002.
67. А.П. Назаретян. Нелинейное будущее. – М.: МБА, 2013.
68. П.К.Анохин, К.В. Судаков. Функциональные системы. – М.: РАМП, 2011.
69. Н. Носов, Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2001.
70. Г. Малинецкий, А. Потапов, Нелинейная динамика и хаос. Основные понятия. – М.: Либроком, 2011.
71. А. Грамши, Тюремные тетради. В 3 частях. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
72. А.И. Фурсов. Русский интерес. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.

модействия в рамках рассматриваемого подхода разработал в своей пионерной книге «Колокола истории» и последующих работах А.И. Фурсов[73]. Наконец, своего рода образец использования инструментария анализа сложных нелинейных, вероятностных, многофакторно-детерминированных процессов на глобальном уровне продемонстрировал в своей как представляется не до конца понятой книге «Мировой кризис: Общая Теория Глобализации» М.Г. Делягина[74].

Представляется, что богатство мыслей, концептов, инструментария, разработанных отмеченными выше авторами вполне достаточно для самого скрупулезного анализа наиболее сложных процессов современности. Более того, по скромному мнению автора, на сегодняшний день нигде в мире нет столь мощного аппарата для сложной аналитики и прогностики. При должной шлифовке и экспериментальном применении он позволит коллективам, овладевшим этим смысловым инструментарием, получить по удачному выражению К. Поланьи, «зловещее интеллектуальное превосходство».

Решая задачу анализа домината, необходимо определить своего рода точку сборки, базис для применения мощного инструментария, о котором шла речь выше. Коль скоро главная задача – это распознавание основных кластеров нынешней и будущей паукратии или глобального домината, нужно, прежде всего, определить критерий классификации или распознавания кластеров.

Критерий должен идти, что называется, не от головы и мудрствований, а от практики и повседневной действительности. Любая деятель-

73. А.И. Фурсов. Русский интерес. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.
74. М.Г. Делягин. Мировой кризис: Общая Теория Глобализации. – М.: ИНФРА-М, 2003.

ность предполагает предмет, процесс и результат. Причем, эти три звена взаимно определяют друг друга, и более того, меняются друг с другом. То, что для одного результат, для другого – продукт и т.п. Вполне очевидно, что в этой триаде наиболее определенными являются два ее члена – продукт и результат, которые, в конечном счете, представляют собой тождество. Любой человек в ответ на вопрос – что является главным для дела, ответит – ресурсы. Особенно, если под ресурсами понимать не только продукты и результаты деятельности, но и собственно знания, умения, навыки, в том числе имплицитные, которые и реализуются через деятельность.

Соответственно вполне логично положить в основу классификации паттернов паукратии тип располагаемого ресурса. Такой подход облегчается удивительной по глубине и инструментальным возможностям методологии деятельностно-ресурсного анализа, разработанной С. Кордонским[75].

После, как можно надеяться, небезынтересного обзора оснований деятельностного подхода к реальности и выражения восхищений, пора перейти собственно к заявленному предмету и применить к нему этот подход. При этом важно помнить, ни одна классификация не охватывает все богатство реальности. Она – не более чем инструмент, пригодный для решения одних задач и неприменимый для других. В данном случае мы будм рассматривать доминат в его политико-экономическом контексте.

Наиболее ликвидным, универсальным и конвертируемым ресурсом являются, конечно же,

75. С. Кордонский, Циклы деятельности и идеальные объекты. – М.: Панто-ри, 2001; Кордонский С.Г., Ресурсное государство: сборник статей. – М.: REGNUM, 2007.

деньги. Вполне понятно, что обладатели этого ресурса всегда входили верхние страты, элиту, правящий класс – доминат, самых различных обществ на протяжении всей человеческой истории.

Зачастую в определенных формациях происходило отождествление денег с капиталом, как самовозрастающей прибавочной стоимости. Однако, здесь важно, что деньги существовали до капитализма, и будут существовать после него. Еще более важно, что деньги – это совершенно особый ресурс, тесно связанный со столь загадочной характеристикой, как время. Житейская мудрость ухватила эту связь и выразила в известной поговорке: время – деньги. Семантика народного языка даже в содержательно-прикладном плане оказывается зачастую на порядки богаче изощренных интеллектуальных построений.

В этой связи целый ряд серьезных мыслителей, живших после К.Маркса, и в чем-то разделяющих его подход, выводили природу денег не из обмена, а из более фундаментальных закономерностей, связанных с обязательной длительностью любой человеческой деятельности, ее протяженностью во времени. Например, Хаим Ф. Мински[76] увязал природу денег с обслуживанием воспроизводственного процесса, в котором между закупкой ресурсов и продажей, либо потребление конечного продукта проходят не только дни и недели, но иногда месяцы и даже годы. Еще более радикально подошел к делу известный антрополог Д. Гребер[77]. Он привел множество доказательств, что деньги появились не в результате обмена, а обслуживают гораздо более фундаментальные отношения, связанные с долгом.

76. H.F. Minsky , Stabilizing an Unstable Economy. – New York: Professional, 2008.
77. Д. Гребер. Долг. Первые 5000 лет истории. – М.: Ад Маргинем, 2015.

Эти отношения далеко выходят далеко за рамки собственно производственных отношений.

В разные эпохи и времена обладатели финансовых ресурсов назывались по-разному, играли различную роль, но неизменно входили в верхнюю, решающую все, страту глобального домината и субдомината. В последние 30 лет обособленность, самодостаточность этой группы стала как никогда полной, понятной и прозрачной.

Фактически современный глобальный финансиализированный строй является средой доминирования финансистов – обладателей денежного ресурса. О причинах, характере и формах проявления этого процесса написаны блистательные работы последних лет, и прежде всего, двухтомник А.В. Бузгалина и А.И. Колганова[78], книга О. Григорьева[79] и фундаментальный труд К. Лапавитсаса[80]. Так или иначе финансисты, или как их любовно называют на Западе и в России, банкстеры представляют собой ведущую группу в гетерархии мирового домината. Впрочем, априори относить к непримиримы врагам и противникам какой-то паттерн лишь потому, что входящие в него люди имеют больше чем у тебя денег. Принадлежат к другой конфессии и т.п. было бы по меньшей мере опрометчиво. Финансы и финансисты, как убедительно показал нобелевский лауреат Р. Шиллер, вполне могут делать полезное для развивающихся обществ дело[81].

Вторая группа – это без сомнения, если можно так выразиться, традиционные капиталисты в зна-

78. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. (В 2-х томах). – М.: URSS, 2015.
79. О. Григорьев. Эпоха рост. Лекции по неокономике. – М.: Карьер Пресс, 2014.
80. Costas Lapavitsas, Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. – Verso, 2014.
81. Шиллер Р. Финансы и хорошее общество. – М,: URSS, 2014.

комом нам индустриальном обществе. Это – группа, живущая за счет неоплаченного эксплуатируемого труда. К. Маркс не без основания полагал, что, строго говоря, финансисты могут существовать до и после капитализма, а вот классические капиталисты – нет. Прогноз Маркса блистательно подтвердился в XX веке. Ирония судьбы состояла в том, что правоверные марксисты не признали реальные процессы за сбывшиеся предвидения Маркса и обрушились с уничтожающей, а потому бессмысленной, критикой на проницательных западных ученых, скрупулезно изучивших и понявших суть явления.

По мере исчерпания капитализмом своих потенций, класс или сообщество капиталистов не как совокупный исторический субъект, а как вполне живые действующие люди, стали перемалываться жерновами финансиализации и все больше разводиться на две группы – собственно финансистов, хозяев денег, а соответственно и денежной ренты в виде ссудного процента, дивидендов и т.п., и менеджеров. Менеджеры, по сути, являлись хозяевами и держателями организационного ресурса. Обязательной характеристикой менеджера является его личное участие в деятельности. Он – не рантье, а деятель.

Соответственно, исследователи, имевшие дело с огромными массивами первичного достоверного материала, и обладавшие непосредственным жизненным опытом, еще перед Второй мировой войной диагностировали этот процесс. Они определили внутреннюю суть менеджерства. Она состояла в собственности на организацию ресурсов и деятельности. Ведь менеджер – это управленец. Об этом

Многие, даже глубокие, исследователи полагают, что синонимом менеджерского сословия в его позднем капиталистическом обличье являются корпоратократы. Отчасти это верно. Данный факт признают представители самых различных течений, начиная от либерально-консервативного Э. Райнерта[87] до радикального Д. Перкинса[88]. Однако частичное наложение множеств дает не тождество, а нечеткое множество. Если с математического языка перейти на прозу жизни, то реальное состояние дел скорее отражает следующая логическая конструкция: не все менеджеры корпоратократы, но все корпоратократы – менеджеры (а кто из них все-таки не менеджер, тот обязательно финансист-рентополучатель).

С времен первых рефлексий и вплоть до настоящего момента ни у кого не вызывает сомнения, что в господствующие или доминирующие группы всегда входили умные, энергичные и знающие, причем не обязательно обремененные и наделенные другими достоинствами, люди. Тому есть множество подтверждений и в египетской традиции, и в многочисленных письменных памятниках арийских народов, и в документах, дошедших до нас из глубины веков[89]. Эта традиция не прерывалась на протяжении всей писаной истории, начиная от Платона, заканчивая Бардом и Зодерквистом[90]. В XX веке она приобрела весьма экзотическую фор-

87. Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М.: НИУ ВШЭ, 2011.
88. Джон Перкинс. Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
89. Мирча Элиаде, История веры и религиозных идей. В 3-х томах. – М.: Академический проект, 2012.
90. Бард А., Зодерквист Я. Netoкратия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод со шведского языка. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

впервые внятно написали А. Бёрли и М. Минз в книге 1932 г. «Современная корпорация и частная собственность»[82].

Объединив огромный фактический материал, наработанный и осмысленный А. Берли и М. Минзом с марксистской диалектикой и троцкистской убедительностью, А. Бернхайм во время Второй мировой войны опубликовал знаменитую «Революцию менеджеров»[83]. Забавно, что единственный русскоязычный перевод Бернхайма был осуществлен Народно-Трудовым Союзом в 1953 г. под названием «Диктатура директоров»[84]. Респектабельно и мейнстримно выделил менеджеров, как отдельное сообщество в структуре доминаты Дж. Гэлбрайт в своей работе «Новое индустриальное общество»[85]. В наиболее полном и законченном виде концепция менеджерского сословия изложена Г. Паркиным в книге «Третья революция»[86], выпущенной на исходе прошлого века. Любопытно, что Г. Паркин полагал, что менеджеры являются своего рода ключевой группой профессионального общества, к которому двигался мир до того, пока до власти не дорвались финансисты, прикрывшиеся неолибералами. В своей работе он полагал, что «именно советский социализм в своем позднем варианте 70 – начала 80-х гг. был первым в мире обществом профессионалов».

82. http://magazines.russ.ru/oz/2005/1/2005_1_12-pr.html; Ю.Б. Кочеврин, Эволюция менеджеризма. Опыт политико-экономического анализа. – М.: Наука, 1985.
83 James Burnham, The Managerial Revolution: What is Happening in the World. – New York: John Day Co., 1941.
Grant Havers, James Burnham's Elite Theory and the Postwar American Right. – Telos 154, 2011.
84. Бернхем Джеймс. Революция директоров / Пер. с англ.: Шугаев Е. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954.
85. Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004.
86. Perkin H., The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. – London: Routledge, 1996.

му так называемой меритократии[91], или власти достойных. В базисе этого течения мысли и деятельности вдохновленных им практиков лежало очевидное соображение мысль, что наиболее ценным, ключевым ресурсом являются не материальные предметы (машины, оборудование, недвижимость и т.п.) и даже не деньги, а информация и знание.

Любому человеку, живущему не в башне из слоновой кости, а в реальном, не всегда привлекательном мире, известно, что информация и знания чрезвычайно важны и при известных навыках, умениях и правильно выстроенных структурах легко и выгодно конвертируемы во все иные ресурсы. Однако одной лишь информацией сыт не будешь, и книжку, даже в условиях разгула информационных технологий, для производства одежды прямо не используешь.

Хотя чисто знаниевый подход к паттерну «умников» продолжает доминировать не только в интеллектуальной сфере, но и на практике, значительно более заслуживающим внимания представляется иной взгляд на вещи. Сейчас стараниями ученой, властной и околобизнесовой публики, впопыхах, невнятно и с ошибками, прочитавшей А. Хайека и Л. фон Мизеса, почти забыт великий австро-американский экономист И. Шумпетер. Он, полностью разделяя деятельностный подход, использовал его в своих политэкономических штудиях.

Шумпетер противопоставил и осмыслил, в противовес промышленным магнатам-рейдерам, ростовщикам-финансистам и менеджерам-бюрократам, предпринимателя. В знаменитой книге «Теория экономического развития»[92] он впервые

91. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870-2033: The New Elite of Our Social Revolution. – New York: Random House, 1957.

92. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер.с англ. – М.: Прогресс, 1982

показал функциональную роль предпринимателя в воспроизводстве, исторической динамике и великой трансформации, о которой писал Поланьи[93].

Предприниматель Шумпетера – это носитель творческого начала, «умник», занятый практическим делом. Суть деятельности предпринимателя – в том, что он не просто управляет и организует уже готовые факторы производства (как менеджер), а создает новую комбинацию, конструкцию, схему из уже имеющихся социальных, экономических, культурных и иных блоков, и за счет этой конструкции получает новый продукт или новую ценность.

На Западе идеи Шумпетера были восприняты в первую очередь практиками, бизнесменами, инженерами, айтишниками, и как не странно – военными и представителями разведывательного сообщества.

Как это ни удивительно, наиболее глубокую рефлексию идей И. Шумпетера с их дальнейшим скачкообразным качественным развитием и превращением концептов в практический инструментарий, была осуществлена не в США, не в Европе, а в постсоветской России в 90-е годы прошлого века. Это развитие связано с деятельностью группы создателей, издателей и авторов хрестоматии «Иное» под руководством С.Чернышева[94]. Впервые новый подход был прописан в материале «Новые транснациональные русские», подготовленной в начале 90-х гг.[95] Наиболее полное, развернутое его изложение содержится в крайних книгах С.Чернышева[96].

93. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002.
94. Образы христианства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. / Под ред. С.Б. Чернышева. – М.: Аргус, 1995.
95. http://www.ckp.ru/biblio/c/chernyshev/kp/04_Part_3/1_Testo.htm
96. С. Чернышев. Кризис? Экспансия! Как создать мировой финансовый центр в России. – М.: Европа, 2009; С. Чернышев. Россия суверенная. Как заработать вместе со страной. – М.: Европа, 2007.

С конца 90-х годов прошлого века к рефлексии идей Шумпетера в части особой роли предпринимателей и носителей знания в структуре элит вернулись и на Западе. Помимо упомянутой выше всемирно распиаренной и повсеместно известной нетократии Барта и Зондерквиста, вышли гораздо более глубокие и серьезные работы, написанные одним из бывших главных аналитиков Агентства Национальной Безопасности США Д. Райсом [97] и ведущим экспертом и консультантом в сфере технологического предпринимательства в Америке М. Маззукато [98].

В США и в Европе гораздо больше, чем нетократы прижились термины «ботаники» и «гикономиксы» от известного айтишного «гик». Они по характеру деятельности, отношению к действительности, образу жизни и т.п. чрезвычайно далеки от чаемых меритократами во главе общества гуру-брахманов и высоколобых серых кардиналов при действующих политиках, типа знаменитого доктора Ф. Линдемана у Черчилля. Гикономиксы представляют собой отдельный, уже, по сути, сформировавшийся паттерн, входящий в структуру мирового домината.

Как это ни парадоксально, впервые с классовых позиций о гикономиксах задумались в России. В начале XX века известная революционерка, соратница В. Ленина, подруга Ж. Сореля и учительница Б. Муссолини – Анжелика Балабанова[99] разработала учение о когнитариате. Она убеждала Б. Муссолини, что корпоративное государство

97. David Rice, Geekonomics: The Real Cost of Insecure Software. – Addison-Wesley Professional, 2007.
98. M. Mazzucato, The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths (Anthem Other Canon Economics). – Anthem Press, 2013.
99. Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920-1933). Опыт документального исследования. Кн. 1. – М.: Б/и, 2009.

может успешно существовать только в том случае, если оно будет скреплено предпринимательским сословием, объединенным с наиболее харизматичными и умными учеными, писателями, деятелями искусств и т.п. На итальянской почве, обильно политой кровью и потом футуризма, идеи когнитариата были востребованы. В последующем они были подхвачены и развиты А. Печчеи, А. Негри и М. Хардтом. Последние придумали и очень удачное обозначение для этого паттерна домината – коги. При этом сами они в размерности когнитариата и паттернов не мыслили.

Мыслители – от Т. Гоббса до В. Парето, от А. Токвиля до С. Переслегина, внимательно вглядываясь в окружающую реальность и доступные исторические документы, раз за разом высказывали мысль, что в структурах доминирования существуют группы, присутствующие там именно как носители власти, обладатели ресурса сакрального превосходства, легитимизированного насилия и их производных. Наиболее четко этот подход сформулировали известный теоретик и практик психоистории Мао Цзэдун в крылатом – «винтовка рождает власть», и В.Парето, справедливо заметивший: «власть – это самый ценный ресурс, который может быть конвертирован во что угодно и когда угодно».

В XX веке наиболее сильные школы, занимающиеся этим компонентом домината, сложились в рамках англосаксонской традиции правого неоинституционализма[100] и в русской группе интеллектуального анализа В. Крылова – А. Фурсова[101]. Любопытный поворот тема самодовлеющей вла-

100. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
101. А.И. Фурсов. Русский интерес. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.

сти нашла и в недавних книгах оригинального исследователя и эффективного политтехнолога Г.Павловского[102].

При определенной взаимодополнительности школ, по крайней мере, в части аналитического инструментария, нельзя не отметить интеллектуальное и превосходство российской исследовательской программы над западной. Признание этого превосходства можно найти книгах многих зарубежных исследователей, например, К. Крауча[103] и др.

Лидерство российской школы обусловлено не тем, что наши слоны самые слоновитые слоны в мире, а прежде всего тем, что именно российская история дает наиболее богатый и разнообразный материал для наиболее глубокого, всестороннего изучения природы власти. Понимание этой природы позволило российским исследователям, и прежде всего, А. Фурсову, занимающемуся этой темой уже четверть века, наиболее полно, детально и глубоко проникнуть в феномен кратократии – паттерна домината, контролирующегося, опирающегося и использующего ресурс власти, порожденной насилием или сакральностью.

Еще до недавнего времени считалось, что для западных обществ кратократия либо неактуальна вообще, либо представляет собой архаическое или маргинальное явление. Однако в последнее время в открытых и служебных материалах ведущих фабрик мысли, включая Брукингский институт, Институт Санта-Фе, Атлантический институт и т.п., кратократы рассматриваются как отдельный паттерн в структуре глобального и сублокального

102. Глеб Павловский. Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. – М.: Европа, 2014; Глеб Павловский, Гениальная власть! – М.: Европа, 2014.
103. Колин Крауч. Постдемократия. – М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010

доминатов. Более того, в западный исследовательский, а теперь уже и в СМИ-словарь для обозначения этого паттерна, в том числе в североатлантических, японских и китайских структурах доминирования, использует термин silovik.

Казалось бы, четырьмя перечисленными паттернами гетерархии доминирования, включающих финансистов, менеджеров, когов и силовиков, можно было бы ограничиться. Однако это было бы несправедливо по отношению к мировой истории и человеческой деятельности.

В наиболее явном виде эту недостаточность не просто понял, а превратил в фундамент разработки мощнейшего инструментария психоистории В.И. Ленин в своем учении и практике партии нового типа[104]. Практически осмыслив работы К. Маркса, Ф. Энгельса, австрийских и немецких социал-демократов, французских социалистов-синдикалистов и т.п., он сделал вывод, что природа человеческой деятельности требует создания тех или иных организованностей, без которых производственные, потребительские, культурные и иные процессы просто не возможны. На этой основе В.И. Ленин совершил историческое открытие: подобные организованности неизбежно могут и должны получить свое представительство в доминате даже в тех случаях, когда интересы домината враждебны им. Причем, это представительство может носить как предельно конфликтный характер (у В. Ленина), так и характер сосуществова-

104. Это есть наш последний и решительный бой! В 2 кн. Сост.: В. И. Миллер и Т. Ф. Кузьмина. – М.: Политиздат, 1987. (История КПСС в воспоминаниях современников).
Дайте нам организацию революционеров / [под общ. ред. д-ра ист. наук К.В. Гусева ; рук. т. д-р ист. наук А.Ф. Костин; сост.: З.А. Джабраилова, А.И. Середа]. – М.: Политиздат, 1987; Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

ния и взаимовлияния (как например, у Каутского и т.п.). Ленинская партия нового типа – это и есть структура обеспечения вхождения организованности трудящихся в доминат, конфликтного существования в нем и полного изменения структуры доминирования.

Параллельно с В.И. Лениным эту же тему на ином историческом материале с иными целями и иным мировоззренческим и интеллектуальным инструментарием разрабатывали британские фабианцы, причем, прежде всего ветви, связанные с лордом А. Мильнером, Б. Шоу и Г. Уэллсом[105]. Примерно в том же направлении не только размышляли, но и действовали представители корпоратистского направления, традиционно связанные с различными версиями фашизма[106].

Хотя приведенные примеры относятся к политической области, паттерны доминирования подобного рода могут сложиться и реально складываются на самом различном базисе. Этим базисом не обязательно может быть производственная деятельность, но и сфера потребления, и даже культура, идеология и в особенно мощном варианте – религия. Наиболее полно, хотя и излишне экономизировано этот феномен описан в книге М. Олсона «Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп»[107]. Крайне интересны в этом плане книги А. Перланда[108] и Г. Домхоффа[109].

105. Edward R. Pease, The history of the Fabian society. Socialism and labourism in England. – 2004.
106. Эйнстейн Серенсен. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологи. – М.: Прогресс-Традиция, 2014.
107. М. Олсон. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. – М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995.
108. A. Perland, Collecting scattered. New social, business and consumer communities dominated. – 2015.
109. G. William Domhoff, Who Rules America? The Triumph of the Corporate Rich. – McGraw-Hill Education; 2013.

Представительство группы, которую можно условно назвать активистами в структуре домината, связано с тем, что именно человеческие группы, а не единичные личности, в подавляющем большинстве случаев, являются не только движущей силой мировой, региональной и страновой динамик, но и субъектами повседневной, самой разнообразной деятельности. Соответственно всегда имеются держатели ресурса групповой идентификации. Без идентификации нет никакой целостности или группы. Ресурс идентификации по своей природе, проявлениям и возможностям конвертации в корне отличается от на первый взгляд близкого ресурса организованности, которым располагают менеджеры. В предельном случае разница между ними примерно такая же, как между эффективным управленцем и вдохновенным политическим трибуном. Данный ресурс как никакой другой носит личностный характер и завязан на конкретных его обладателей.

Таким образом, в гетерархии доминирования можно выделить пять основных паттернов: финансистов (банкстеров), менеджеров (корпоратократов), когов (нетократов, гикономиксов, умников и т.п.), силовиков и активистов.

Как это ни парадоксально, сам по себе подход к выделению структур доминирования ближе не к классовому или элитному, а к системно-динамическому анализу. Этот подход наиболее точно описывается на количественном и метафорическом уровне не столь популярной сейчас у гуманитариев, типа М. Хардта и А. Негри[110], теории множеств, сколько мало кому известной за преде-

110. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная Революция, 2006.

лами математиков и физиков так называемой теории категорий и функторов.

В блистательной статье двух гениальных ученых Р. Ди Бартини и П.Кузнецова[111] «О множественности геометрий и множественности физик» предельно сконденсировано изложена суть этой теории. Исходными в мире являются не единичность, а целостность, не статика, а динамика. Поэтому все можно определить через три ключевых термина: инвариант – нечто неизменное, устойчивое, определенное; группа – способ существования инварианта в более-менее устойчивом виде в течение определенного периода времени или, как говорят математики, конкретная форма преобразования и функтор – собственно изменение, трансформация или опять же следуя математическому языку – преобразование.

Теория категорий и функторов дает мощнейший не только количественный, но и качественный инструмент в руки исследователей[112]. Она позволяет им заниматься анализом сложных, нелинейных, динамичных процессов. Пока теорию за пределами собственно абстрактной математики используют прикладные физики и биологи. В Институте сложности Санта-Фе с прошлого года открыта тема по е применению теории категорий и функторов для комплексного анализа политико-экономической и социально-культурной динамики и прогнозирования.

---

111. Р.О. ди Бартини, П.Г. Кузнецов, О множественности геометрий и множественности физик – http://www.trinitas.ru/rus/doc/0231/008a/02311100.htm
112. А.П. Левич. Искусство и метод в моделировании систем: вариационные методы в экологии сообществ, структурные и экстремальные принципы, категории и функторы. – М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2012.

ЭЛИТНЫЙ ПАРАДОКС

К середине десятых годов нынешнего века сложилось парадоксальное положение. Профессиональные и социальные СМИ заполнены статьями о господствующих элитах. Телевидение и видеоканалы интернета постоянно транслируют сюжеты об одном проценте населения, который господствует над миром. В Соединенных Штатах и континентальной Европе выходит большое количество литературы об элитах. При этом основная часть подобных книг написана в жанре нон-фикшн и является не столько результатом глубоких аналитических исследований, сколько журналистским обобщением горячих, интересующих общественность, тем. Характерными примерами таких книг являются: «The Global Power Elite and the World They Are Making» Давида Роткопфа, «Plutocrats: The Rise of the New Global Super-Rich and the Fall of Everyone Else» Кристи Фриланд и им подобные.

Сложившееся положение резко контрастирует с ситуацией, существовавшей до второй половины 70-х годов. В тот период велась скрупулезная академическая работа, базирующаяся на обобщении огромного статистического материала по выявлению структуры и конкретного состава элитных групп. Параллельно осуществлялись глубокие исследования по теории элит, связанные с разработкой концептуальной базы элитного анализа. Имен-

но к середине прошлого века сложились основные направления теории элит, разработанные Гаэтано Моска, Вильфредом Парето и Робертом Михельсом, а также Самуэлем Липсетом, Чарльзом Миллсом и др.

В конце 60 – начале 70-х гг. были написаны основные работы, где подводились итоги документального анализа финансово-экономических элит. Среди них следует выделить, прежде всего, книги «Богачи и сверхбогачи: о подлинных правителях Соединенных Штатов» Ф. Ландберга, «Сильные мире сего: бизнес и бизнесмены в американской истории» Б. Селигмена и «Властвующие элиты» Чарльза Миллса и т.п., оперативно и качественно переведенные на русский язык и изданные в СССР.

Странность сложившегося в настоящее время положения с изучением элит усугубляется рядом дополнительных обстоятельств:

• во-первых, имеются и пополняются практически в режиме реального времени огромные массивы материалов, характеризующие собственников, управленцев, стейкхолдеров практически всех компаний, а также все существенные факты, касающиеся сколько-нибудь заметных субъектов экономической деятельности в подавляющем большинстве стран мира. Сегодня имеются огромные базы и архивы подобной информации, охватывающей все основные страны мира и отрасли экономики. Иными словами, для исследователей доступны просто необозримые «залежи» первичного, фактографического материала. Удивительно, что в настоящее время имеется лишь она попытка такого анализа, проведенная группой исследователей из Цюрихского технологического университета «The network

of global corporate control» Stefania Vitali, James B. Glattfelder and Stefano Battiston. Работа имела оглушительный резонанс;

• во-вторых, сегодня в распоряжении исследователей имеется множество платных и бесплатных компьютерных программ, позволяющих работать с Большими данными, вести детальный сетевой анализ, распутывать сложные клубки взаимосвязей, находить в массивах информации неочевидные закономерности;

• в-третьих, разработаны и стали доступны исследователям инструменты анализа огромных массивов неструктурированной информации, позволяющих извлекать из нее сведения о лицах, событиях, взаимосвязях и т.п. При наличии огромных архивов цифровых СМИ, переведенных в цифровую форму практически по всем основным странам мира, это позволяет применить в полном объеме методы расследовательской аналитики и по наблюдаемым и фиксируемым фактам находить скрытые и скрываемые закономерности, связи и отношения;

• в-четвертых, буквально в последний год частично в результате преднамеренных утечек, спровоцированных разведывательными органами, частично в результате целенаправленной работы налоговых органов и органов финансового контроля основных стран мира, по сути, канула в лету банковская тайна и анонимность оффшорного и трастового владения. На волне разоблачений появились даже специализированные компьютерные сервисы, позволяющие отыскать скрываемые оффшорные компании у известных легальных юридических и физических лиц. С учетом того, что элитные группы активнейшим образом использовали оффшор-

ные убежища, такое изменение ситуации резко повысило возможность реального анализа структуры финансово-экономических групп.

Однако, несмотря на единичные работы, по сути, документированных исследований структуры финансово-экономической элиты основных стран мира вот уже в течение более чем 15 лет не опубликовано в виде монографий, открытых докладов и т.п. В поисках ответа на этот вопрос автор статьи обратилась к одному из наиболее авторитетных и известных специалистов в области анализа элит, автору многократно переиздававшейся книги «Who Rules America Now?» профессору Уильяму Домхоффу. Господин Домхофф подтвердил, что, действительно, с начала века в Соединенных Штатах не вышло ни одной обобщающей работы по структуре финансово-экономической элиты США, где были бы подробно рассмотрены ее основные группы и связи между ними. Основную причину сложившегося положения профессор видит в том, что эта тема уже длительное время не поддерживается грантами, которые являются в Соединенных Штатах основным инструментом научной деятельности. При этом можно предположить, что, тем не менее, такие исследования в Соединенных Штатах, Европе, Китае ведутся, но их результаты засекречиваются корпорациями или близкими к разведывательно-промышленному комплексу «думающими танками», которые их осуществляют.

К сожалению, весьма плачевная ситуация относительно документального анализа западных элит сложилась и в России. Между тем, востребованность темы возрастает, что называется не по дням, а по часам. Этому способствует целый ряд обстоятельств.

Прежде всего, вот уже длительное время происходят интенсивные процессы своеобразной приватизации ведущих западных государств. Этот процесс выражает себя в частности в том, что публичные представительные структуры власти все больше становятся лишь внешними формами по отношению к реальным структурам господства и принятия решения. Соответственно, для того, чтобы максимально эффективно взаимодействовать и противоборствовать с теми или иными акторами на политической арене надо точно понимать структуру финансово-экономической элиты и тенденции ее изменения. Кроме того, непростая, все более усложняющаяся геополитическая обстановка в мире предполагает максимальное использование несовпадения интересов различных элитных групп, а также выстраивание отношения с теми из них, чьи текущие или перспективные задачи совпадают с российскими интересами.

Справедливость оценки уровня исследований финансово-экономических элит как неудовлетворительного не сложно продемонстрировать на примере двух имеющих наиболее широкое хождение в экспертном сообществе подходов к структурированию элит.

Как это не удивительно, немалая часть экспертного сообщества, например, В. Катасонов и В.Павленко продолжают сводить элитные противоречия к борьбе так называемых кланов Рокфеллеров и Ротшильдов. При этом, хотя подобные тексты претендуют на принадлежность не к публицистике, а к науке, в их подтверждение не приводится ни одного доказательства. Оно и понятно. Таких доказательств просто не существует.

Другой популярный в экспертном сообществе подход был предложен известным колумнистом,

спикером и исследователем М. Хазиным. В статьях прошлого года он высказал гипотезу раскола элит на три составных части, а именно: так называемых «менял», «процентщиков» и «региональных процентщиков». Анализ публикаций, где изложена подобная позиция, позволяет сделать вывод о том, что менялы от процентщиков отличаются источником дохода финансовых институтов. В случае менял эти доходы связаны с извлечением прибыли из валютных рынков. В случае процентщиков главные источники прибыли лежат в традиционном кредитовании и близости к источникам эмиссии – ФРС и проч.

Принципиально исследователь может строить любые классификации, которые помогают изучать реальные экономические процессы, задают своего рода исследовательскую картину мира. Однако представляется, что в данном случае такая классификация скорее затемняет, чем проясняет экономические процессы. Поскольку предложенная классификация претендует на анализ финансовой элиты, то естественным будет рассмотрение балансов основных банков. Благо, что таковых немного. Нельзя не согласиться с названием мирового экономического бестселлера «13 банков, которые правят миром» Саймона Джонсона, Джеймса Квака. Даже если анализ расширить с 13 банков до 47 основных финансовых институтов планеты, найденных исследователями из Цюрихского технологического университета в упомянутом выше исследовании, то обнаружится, что серьезных расхождений в структуре балансов, позволяющих группировать эти институты на указанные группы, в реальности не существует. Доходные части балансов основных мировых банков весьма схожи между собой.

В то же время подход М. Хазина имеет определенный смысл, если перенести его из финансово-экономической сферы в политическую. Под таким углом зрения процентщики превратятся в политические элиты, делающие ставку на глобализацию, ориентированную не на какие-то конкретные страны, а, напротив, на элитные группы. Менялы в этом смысле превращаются в элиты стран, так называемых региональных лидеров. Целью этих элитных групп становится поворот процессов глобализации вспять и членение единого мира на несколько зон, в которых может быть реализована автаркия, т.е. замкнутость зоны на саму себя при минимуме внешней торговли. И, наконец, региональные процентщики – это имперская политическая элита США, ставящая на глобальное и единоличное лидерство США в мире, либо поделенном на зоны, либо представляющим единое целое. Само по себе такое членение достаточно любопытно, однако не может выступить в качестве базисного. Ведь базисом, в конечном счете, всегда выступают технологии, организационные и финансово-экономические отношения.

Как показывает практика, наиболее эффективным способом осуществления исследовательских программ является, как убедительно показал профессор А. Брушлинский, является метод анализа через синтез. А синтез, как справедливо отмечает Ю.Чайковский в своей пионерной работе «О природе случайности» обязательно предполагает наличие концептуальной схемы, которая имеется у исследователя еще до анализа эмпирического материала. Указанная схема помогает организовать эмпирический материал и в ходе исследования либо находит свое подтверждение, либо должна

быть отброшена как не отвечающая фактологической картине мира.

Чтобы сформировать предварительную гипотезу по структуре основных элитных групп необходимо опереться на наиболее сильные, действительно привносящие новое в элитный анализ, работы, вышедшие в последнее время. Речь идет в первую очередь о цикле работ знаменитого социолога М.Манна о сетях власти, например, «Societies as organized power networks» и работе А.Фурсова «Глобальные игроки – за исключением Китая – не государства, а устойчивые сетевые структуры». Также нельзя не включить в этот ряд исследование С. Витали, Дж. Гладфелдера и С. Биттистона «The network of global corporate control». Краткая выжимка из этой работы под названием «147 корпораций, которые контролируют мир» была перепечатана всеми ведущими научными и популярными электронными и бумажными изданиями во всех странах мира, в том числе и в России.

Между тем, несмотря на всю сенсационность исследования, оно отражает лишь часть картины. Более того, в определенной степени его результаты показывают весьма искаженную картину. Дело в том, что, как эмпирически показал Э. Маршалл из Института Хэмптона, и неопровержимо математически доказал российский математик В. Подиновский, элиты, даже в условиях существования сети перекрестного владения акциями не представляют собой однородной системы.

Для выделения крупных структурных блоков в сложной системе мировых элит лучше всего подходит, по нашему мнению, критерий деятельности элитных групп. Именно деятельность определяет, какие технологии и ресурсы используются, какова

структура активов и пассивов элит, в чем особенности их взаимосвязи с другими элитными группами и слоями общества и т.п.

В современном глобальном мире потребительского финансизма по критерию деятельности четко выделяются три элитных группы. Естественно, что такое выделение не абсолютно, группы переплетаются между собой, имеют зачастую общих представителей в структурах политической власти и т.п. Однако, при этом, способ их существования, экономические интересы, механизмы политического доминирования и т.п. существенно различаются.

Первая группа – это, несомненно, хозяева сегодняшнего мира, финансисты, или, как их недружелюбно называют в СМИ – банкстеры. Они являются не только в значительной мере хозяевами эмиссионных центров, но и получают и контролируют львиную долю доходов глобальной экономики. Например, в Соединенных Штатах доля прибыли финансового сектора в общем объеме выросла с 10% до Второй мировой войны до более чем 50% в настоящее время. Полное господство финансистов окончательно установилось с перестройкой в Советском Союзе, и многократно упрочилось после его распада.

Вторая группа – это транснациональные компании традиционных отраслей экономики, порожденные второй производственной революцией, а также международные торговые компании. Эту группу еще часто называют корпоратократией. В последние 15-20 лет она перестала выступать конкурентом финансистов в борьбе элит и превратилась в, по сути, подчиненную им группу. Это, в частности, наглядно продемонстрировало упомянутое выше исследование «The network of global corporate control». В условиях перманентного сни-

жения темпов экономического роста на протяжении последних десятилетий, падения нормы прибыли и действия мощных механизмов перераспределения прибылей, доходов и инвестиций из реального сектора в финансовую систему, у этого сектора фактически оказались исчерпаны внутренние драйверы и ресурсы развития. Его существование оказалось подчинено и с точки зрения формирования инвестиций, и с позиций владения капиталом, и по критерию обеспечения спроса на продукцию, финансовой элите глобального мира.

В последние 40 лет происходило постепенное формирование третьей группы мировой элиты, связанной с высокими технологиями, а в будущем, с разворачивающейся третьей производственной революцией. Фактором формирования третьей группы элиты стала холодная война между СССР и США, когда государства стали вкладывать огромные ресурсы в научные исследования и новые производственные технологии, которые могли использоваться как в военном, так и в гражданском секторах экономики. Например, в США, Европе и Японии именно государства сформировали высокотехнологичные сегменты, создали механизмы их финансирования, а также обеспечили трансферт технологии из государственного сектора в частный для их коммерциализации и использования для производства товаров и услуг в секторе конечного потребления домохозяйствами.

Об этом убедительно свидетельствуют написанные на основе обобщения огромных массивов достоверных эмпирических данных книги M. Mazzucato «The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths (Anthem Other Canon Economics)» и Ф. Блок, М. Келлер «State of Innovation: The U.S. Government's Role in Technology

Development». Именно государство создало, по сути, Силиконовую долину, обеспечило стартовый капитал венчурных фондов, дало заказы университетам, сформировало устойчивые производственные программы гигантам американской высокотехнологичной индустрии. Американские высокотехнологичные компании в сфере информационных технологий, робототехники, биотехнологий и т.п. являются исходно в значительной мере порождением военно-разведывательного комплекса. В этом смысле третью группу элит можно назвать «силовиками», памятуя о знаменитом выражении Френсиса Бэкона «Знание – сила». Другое название для этой группы предложил известный криптограф, один из бывших руководителей компании Apple, отставной сотрудник АНБ Д. Райс в своей книге «Geekonomics». Он предложил называть эту третью группу «гикономиксами».

Однако, для того, чтобы вникнуть в ситуацию с сегодняшними элитами, недостаточно просто классифицировать их по принципу деятельности. Существует еще как минимум три тонких момента, без рассмотрения которых невозможно сколько-нибудь адекватно понять внутриэлитные процессы и соответственно отношения элит к новым процессам и явлениям, типа третьей производственной революции, слому Версальской мировой системы, деривативам, биткойнам и т.п.

Прежде всего, нельзя не отметить происходящую в значительной части мира трансформацию государства, как важнейшего института человеческого общества. Среди самых разнообразных процессов в этой сфере типологически можно выделить три. Во-первых, все шире происходит передача государственных функций на аутсорсинг частным

компаниям. Например, число частных подрядчиков американского разведывательного сообщества перевалило за тысячу компаний. Во-вторых, все шире происходит своеобразная приватизация государства и отдельных его институтов, используемых как активы частными группами и группами давления. Одним из примеров такой приватизации является деятельность ФРС, которая по законодательству выполняет функции государственного агентства Соединенных Штатов. Хорошо известно, как в разгар кризиса частным банкам было передано на длительный сроки беспроцентно кредитов на более чем 3 трлн. долларов. Наконец, в-третьих, все шире происходит передача функций от государства, где ключевую роль играет пусть декларируемая, но все-таки по факту представительная власть, к различного рода надгосударственным, никем, по сути, не контролируемым структурам, где все решают неподотчетные чиновники. Такие претензии предъявляются к формируемым в настоящее время Трансатлантическому инвестиционному и торговому партнерству и Транстихоокеанскому торговому партнерству. При ослаблении по факту роли представительного государства, увеличивается господство крупнейших компаний, корпораций, банков, а также неформальных групп и других образований самой разнообразной конфигурации.

Вторым аспектом, который нельзя не принимать во внимание, является все большее расхождение интересов различного рода институтов и организаций с одной стороны и действующих внутри них групп – с другой. В 80-х годах прошлого века А. Лазарчук и П. Лелик опубликовали эссе «Голем хочет жить». В нем они впервые показали, что крупные организации типа министерств, разведывательных

агентств, транснациональных корпораций и т.п. демонстрируют квазиразумное поведение. Развивая идеи Р. Акоффа, они показали, что такие организации имеют собственные цели, которые могут не полностью совпадать с законодательными или другим образом нормативно установленными функциями. Причем, это целенаправленное поведение осуществляется в каком-то смысле независимо от конкретных лиц, возглавляющих указанные организации, и в большей мере определяется сложившимися внутренними процедурами и технологиями, а также различного рода неформальными правилам и ценностями, присущими конкретной организации или институту.

В последующем, эта гипотеза получила многочисленные эмпирические подтверждения на материалах самых различных стран мира. Такой подход хорошо объясняет известные всем факты, когда вновь назначенные руководители организации не могут изменить характер ее деятельности. Уже в этом веке на Западе Дж. Ходжсон и Т. Кнудсен, а в России М. Мусин установили, что в крупных организациях с неизбежностью появляются группы с собственными интересами. При этом, чем больше организация, и чем строже в ней соблюдается внутренний режим секретности, тем с большей вероятностью эти группы могут конкурировать между собой, даже не зная о существовании друг друга. Каждая из указанных групп старается использовать квазиразумное поведение организации в собственных интересах.

Наконец, третий аспект связан с необходимостью демифологизации элитного анализа. Длительное время господствовало понимание элит как жестких иерархий, в которых несколько групп ве-

дут непримиримую борьбу между собой. Причем, как правило, эти иерархии относятся к числу жестких структур и существуют в неизменности длительное время, превышающее жизненные циклы нескольких поколений. Именно на данной посылке долгие годы было построено большинство работ по анализу элит.

Поскольку в условиях перехода после завершения Холодной войны мировой системы в высокодинамичную, турбулентную фазу своего существования перестали обнаруживаться данные, подтверждающие наличие жестких иерархий, как основного принципа организации элит, то на их место пришла так называемая сетевая модель. Отношения внутри элит стали трактоваться как сети со всеми вытекающими из этого последствиями. С развитием интернета такая модель стала абсолютно господствующей. Из нее исходит подавляющее большинство современных исследований элит.

Комбинация указанных выше трех обстоятельств привела к появлению принципиально нового подхода. Суть его – в констатации необратимого упадка элит всех типов, и перехода власти к децентрализованным малоконтролируемым сетям, типа Аль-Каиды или группы активистов Дж. Ассанжа. Наиболее ярко этот подход выражен в международном политическом бестселлере М. Наима «Конец власти. Из зала заседаний на поля сражений, от церквей к государствам: почему быть во власти сегодня не то же, что прежде». Ее главный тезис состоит в том, что власть теперь легко «взять», но она оказывается бессильной. Реальное господство перестало быть сосредоточено в руках элит, а оказалось как бы распределенным, «размазанным» по множеству слабосильных, и эффективных лишь на короткое время сетевых структур.

Между тем, и в случае элит действует универсальный принцип: в реальности все происходит не так, как кажется на первый взгляд. Еще в 30-40 годы прошлого века российско-германский биолог Н.Тимофеев-Ресовский установил, что наиболее успешно адаптируются к быстроизменяющейся ситуации те живые организмы, в которых наиболее четко проявляется блочный принцип организации. Если переводить это на привычный язык, то речь идет о иерархо-сетевых структурах. В 1945 г. американский математик и биофизик У. Маккалок разработал знаменитые нейронные сети, которые сегодня лежат в основе интеллектуального анализа Больших Данных. Занимаясь вопросами нейронных сетей, он вывел принцип организации живых организмов, который получил название гетерархии. В 2009 году профессор Корнуэльского университета Д. Старк выпустил книгу «The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life». Он обнаружил, что гетерархия является организующим принципом не только для живых организмов, но и в хозяйственной деятельности.

По всей вероятности, этот же принцип лежит в основе формирования и функционирования современных элит. Гетерархия – это сложная адаптивная система, включающая сильные устойчивые сетевые (горизонтальные) связи и пластичные, динамичные организующие иерархии (вертикальные связи), чей конкретный состав зависит от внутренних факторов и изменений внешней среды. Т.е. в основе любой элиты, состоящей из группировок, лежат сетевые взаимодействия, обусловленные общим характером деятельности. Но в рамках этих сетевых связей образуются различные обособленные группы. Эти группы в зависимости от си-

туации выстраиваются в иерархии, т.е. отношения господства-подчинения, которые и организуют эти самые гетерархии, обеспечивают их существование в мире. В качестве метафоры гетерархии можно предложить группу велогонщиков, которая уходит в отрыв от основного пелетона. По сути, все участники группы равны, но в зависимости от тактики всей группы, наличии сил у каждого из ее участников и других факторов, тот или иной участник группы отрыва берет на себя функцию лидера и старается, чтобы отрыв группы от пелетона не сокращался, а возрастал.

Современные элиты организованы по принципу гетерархии. Есть гетерархии финансистов, корпоратократов, силовиков или гикономиксов, в которых внутреннее сотрудничество сопровождается постоянной конкуренцией и переменчивым балансом сил внутри гетерархии в зависимости от изменения внешней среды и внутренних обстоятельств.

Важнейшей характеристикой всех элитных групп является их наднациональный характер. Наднациональные иерархо-сетевые структуры правящих элит, организованных в группировки, сложились еще в последней четверти XIX и начале XX веков в период первой глобализации. С тех пор лишь менялись их конфигурация, иерархия, соподчиненность и состав групп. При этом мировая элита, т.е. правящий класс, слой никогда не была единой. Более того, она практически никогда в последнем столетии не делилась жестко по странам и регионам. Уже давно география осталась для школы, а в жизни стала господствовать метаполитика. Мета по-латыни означает «сверх». Когда мы говорим о метаполитике, то строго говоря, рассматри-

ваем единство политики, экономики и культуры, реализуемые через власть.

Обычно складывание наднациональных групп мировой элиты относят к гораздо более позднему времени – к концу 60-х – началу 70-х гг. XX века, когда западная корпоратократия и фининтерн или банкстеры наладили контакты с частью верхушки советской номенклатуры. Однако такая позиция является явным упрощением.

Имеет смысл пристальнее присмотреться к периоду, когда, казалось бы, ни о каких наднациональных элитах речи идти не могло. А именно, времени, когда Советский Союз, возглавляемый И.В. Сталиным, находился в непримиримом противостоянии с капиталистическими странами.

Однако в этом случае придется ответить на один неудобный вопрос. А именно, об индустриализации СССР. Как это ни удивительно, ни в Советском Союзе, ни в современной России не издано ни одной монографии об участии Запада в сталинской индустриализации. Не слишком много таких работ и на Западе. К числу редких исключений, в частности, относится трехтомник Э. Саттона «Western Technology and Soviet Economic Development».

А, между тем, материала на эту тему более чем достаточно. Сам И.В. Сталин никогда не скрывал роль сначала Германии, а затем США в советской индустриализации. Он, например, отмечал, что: «Мы многим обязаны Генри Форду. Он помогал нам строить автомобильные заводы... Советские люди многому научились у американцев. Американский опыт был использован при создании советской промышленности». Без участия американских и европейских фирм не появились бы в считанные годы Днепрогэс, Магнитогорский металлурги-

ский комбинат, Нижегородский автозавод, химическая, авиационная, электротехническая промышленность, военно-промышленный комплекс. 90% наиболее крупных объектов индустриализации были сооружены с участием американцев, как в части поставок комплектного оборудования (что называется, «завод под ключ»), так и собственно проектирования, организации строительства и т.п. Часто говорят о том, что на самом деле эти поставки были более выгодны для Запада, поскольку там был экономический кризис, так называемая «Великая депрессия», а Советский Союз представлял едва ли не единственную динамично развивающуюся страну. Но опять же в этом утверждении имеется очень большая доля лукавства. Весьма значительная, а в отдельные годы и преобладающая доля затрат, связанных с закупкой оборудования и оплатой проектов предприятий покрывалась за счет корпоративных и государственных западных долгосрочных кредитов. В 20-е гг. – прежде всего, из Германии, а в 30-е – из США и Британии.

Кстати, неслучайно, что еще в середине 20-х гг. Рокфеллеры активно пришли в Россию и реконструировали закавказские нефтепромыслы, нефтепроводы и танкерные стоянки. В то же время, Ротшильды через нефтяную компанию Royal Dutch Shell, во главе с тогдашним ее руководителем Детерингом активно финансировали не только антисоветское белое подполье, но и троцкистскую оппозицию. Все это позволяет говорить о том, что даже в сталинские времена речь шла в каком-то смысле об наднациональных группах элит. До некоторой степени советская индустриализация была сознательным ответом западных корпоратократов на удар, нанесенный их банкстерами им еще

в начале XX века. Тогда по инициативе банкиров было принято антитрестовское законодательство, направленное в первую очередь против магнатов-промышленников. Закрепляя этот успех, финансисты в 1913 г. инициировали создание Федеральной Резервной Системы США. В результате, вплоть до конца 20-х гг. в американской элите безраздельно властвовали банкиры и их олицетворение – дом Морганов.

Бытует мнение, что единственной национальной элитой в сегодняшнем мире является китайская элита. Однако и здесь все не так просто. Когда в 1971 г. Генри Киссинджер прилетел в Пекин восстанавливать политические, экономические и даже секретные военные отношения между США и Китаем, то по свидетельству одного из его близких советников, он с удивлением обнаружили в ближайшем окружении китайского руководства и, прежде всего, Чжоу Эньлая, британских советников. Кстати, и все нынешнее китайское экономическое чудо начиналось со свободных экономических зон в прибрежных южных районах Китая, созданных преимущественно на британские деньги, припаркованные в Гонконге и Сингапуре. Именно в прибрежных зонах и по сей день сосредоточена основная часть китайского промышленного потенциала.

Главным источником финансирования и трансферта технологий в свободные экономические зоны был Гонконг, ныне часть Китая с особым статусом, а тогда одна из последних британских колоний, управляемых Генерал-губернатором. Но гораздо более важным являлось то, что Гонконг был не просто британской колонией, а подлинным форпостом, своего рода бастионом лондонского Сити в Азии. Именно в Гонконге были открыты филиалы

всех крупнейших британских банков, а также основаны собственно гонконгские банки, преимущественно, с британским, и частично, голландским капиталом.

В конце 60-х гг. прошлого века под флагом теории конвергенции, т.е. сближения капитализма и социализма, часть российской номенклатуры пыталась влиться в мировую корпоратократию. Она полагала, что игра идет на равных, и в итоге ей удастся успешно интегрироваться в мировую корпоратократическую группу элиты в качестве равного полноправного партнера. Однако, как мы знаем, на деле получилось по-другому. Ирония истории заключалась в том, что от краха Советского Союза не слишком выиграли и западные корпоратократы. Если в годы холодной войны, с ее гонкой вооружений, борьбой за страны третьего мира, экономическим соревнованием двух систем, фининтерн был вынужден делить власть и партнерствовать с корпоратократами, то с крушением Советского Союза ситуация коренным образом изменилась.

Корпоратократы, которые исторически представляли собой стейкхолдеров, основных акционеров и верхушку топ-менеджмента в транснациональных промышленных, логистических и других корпорациях реального сектора экономики, оказались фактически в полном подчинении у финансистов. Достаточно внимательно проанализировать статистику, характеризующую основные показатели динамики развитых стран и, особенно США, чтобы убедиться, что фактически с начала 90-х гг. на Западе установился совершенно иной строй, нежели тот, который существовал до крушения Советского Союза. Поздний капитализм в значительной степени сменился его патологической мутацией – финансиализированным обществом потребления.

Если говорить грубо, то можно сказать, что капитализм перешел в стадию финансизма. В этой стадии финансы окончательно перестали обслуживать экономику. Они превратились в самодостаточный, более того, главный сектор мирового хозяйства. Виртуальные финансы перестали иметь какое-либо отношение к реальному производству. Именно в 90-е гг. были отменены практически все ограничения на банковскую деятельность, появились новые спекулятивные рынки капитала, родились деривативы. Начиная с этого же периода весь мир охватило безудержное потребительство, или, как говорят, консьюмеризация, означающая жизнь в кредит.

Фактически суть финансизма можно выразить всего-навсего в трех цифрах. Вся мировая реальная экономика, включая в том числе и необыкновенно разросшуюся сферу услуг, сегодня составляет в год примерно 80 трлн. долларов. Мировой финансовый рынок в год оценивается порядка 800 трлн. долларов, а с учетом деривативов – более чем в квадриллион. Таким образом, на реальную экономику приходится в лучшем случае не более 10% мирового денежного оборота.

Но вернемся от истории к реалиям сегодняшнего дня. Фактически в мировой наднациональной элите сложились три очевидных и хорошо распознаваемых группы.

Первая из них – это финансисты, фининтерн или банкстеры. Господствующую позицию в этой группе занимают крупнейшие мировые банки, от которых в решающей степени зависит вся мировая экономика, прежде всего банки Лондонского Сити и Нью-Йоркской Уолл-Стрит. Они в значительной степени контролируют Федеральную Резервную

Систему США и Банк Англии. С ними вынужденные считаться Европейский Центральный Банк, национальные банки Японии и Швейцарии. Конечно, в состав финансовой элиты входят не только сами по себе крупнейшие банки, но и банки помельче, а также связанные с ними хеджфонды, страховые компании, инвестиционные фонды и т.п.

Главной характеристикой этой части мировой элиты является то, что она способна наращивать капитал и делать деньги из воздуха практически в прямом смысле слова. До сих пор неизвестно, кто, в конечном счете, контролирует ФРС. Зато хорошо известно, кто получает триллионные кредиты на длительные годы под 0,25% и даже менее годовых. Получатели этих, по сути, бесплатных, бесконечно пролонгируемых кредитов, которые и кредитами назвать трудно, и являются хозяевами сегодняшнего мира.

С 70-х гг. прошлого века фактически составной, хотя и наиболее слабой, подчиненной частью финансовой элиты стала элита нефтяников и газовиков. Доллар не смог бы выжить как мировая валюта, если бы с конца 60-х гг. прошлого века все расчеты по нефти и энергетическим ресурсам в целом не осуществлялись бы исключительно в долларах. В этом смысле крах Советского Союза, одной из крупнейших, если не крупнейшей энергодобывающей державы мира, являлся обязательным условием выживания доллара, как главной мировой валюты и условием установления абсолютного доминирования фининтерна в мировом правящем классе. А соответственно и торжества финансизма, как нового глобального общественного строя.

Вторая – некогда равная по силам фининтерну, а теперь явно подчиненная группа мировой элиты,

это корпоратократия. В сегодняшнем мире к ней относятся топ-менеджеры и ключевые акционеры транснациональных монополий, нефинансовых и невысокотехнологичных секторов мировой экономики. Другой составляющей корпоратократии является высший уровень мирового чиновничества, особенно, наднациональных государственных, финансовых, экономических структур, типа МВФ, Всемирного Банка, структур Европейского Союза и т.п. По сути, корпоратократы являются той частью мировой элиты, которая контролирует традиционную производящую экономику. Т.е. то, чем люди и компании пользуются каждый день, начиная от производства поездов и автомобилей и заканчивая одеждой и бытовой техникой.

Третья часть мировой элиты начала складываться еще в 70-80-е гг., но в полный голос заявила о себе и своих претензиях на лидерство уже после кризиса 2008 г. Она сложилась в первую очередь вокруг ведущих университетов таких стран, как США, Япония, Великобритания, Франция и др. Ведущие университеты мира, в отличие от российских учебных заведений, давно представляют собой не просто образовательные центры, а исследовательско- производственно- кадрово- коммерческие структуры с миллиардными оборотами. Именно здесь впервые появились и были доведены до коммерческого уровня все основные информационные технологии, позволившие осуществить интернет-революцию. Но информационными технологиями дело не исчерпывается. Здесь же, уже долгие годы ведутся успешные исследования в сферах биотехнологий, поведенческих наук, разработки принципиально новых видов материалов и методов их обработки, роботизации и т.п.

На базе университетов появилась новая экономика. Изначально она подпитывалась не банковскими деньгами, а дотациями и прямыми инвестициями государства. В последующем, по мере того, как компании новой экономики становились на ноги, а их владельцы стали новыми мультимиллионерами, появился рисковый или венчурный капитал, начали действовать механизмы коммерциализации интеллектуальной собственности через фондовый рынок. Естественно, что эта экономика в первую очередь была связана с военно-разведывательным сегментом власти. Именно военные и разведка выступали и выступают основными заказчиками, а соответственно и своего рода спонсорами новой экономики.

Нельзя не отметить, что этот сектор сложился в немалой степени под воздействием опыта Советского Союза, где роль университетов выполняли крупнейшие научно-исследовательские институты, успешно работавшие буквально до последних дней существования Советского Союза по означенным выше направлениям. Американцы это и не скрывают. Нынешний главный советник Обамы по науке Джон Холдрен недавно сказал, что передовая американская наука и индустрия в значительной степени появились на свет благодаря масштабным инициативам Джона Кеннеди, который прямо в своих речах говорил о том, что Америка должна ответить на технологический и научный вызов Советов.

Сегодня можно говорить, что ранее разрозненные исследовательские и коммерческие кластеры, относящиеся к различным сегментам новых технологий, а также властные, и прежде всего военные и разведывательные структуры, срослись в единое

целое, организованное на иерархо-сетевой основе и ставшее отдельной обособленной и в значительной мере независимой частью мировой элиты. Вслед за шведскими исследователями Зондерквистом и Бердом, многие их называют нетократами. Другие – гикономиксами. На мой взгляд, исходя из наших традиций, их можно назвать «силовиками». С одной стороны такое название прямо отсылает к знаменитому высказыванию Френсиса Бэкона: «знание – сила», а с другой, подчеркивает, что главной организующей и финансирующей силой этой группы были военно-промышленный комплекс и разведывательные сообщества разных стран.

Почему именно сегодня разгорелась схватка между финансистами, или как их еще называют, банкстерами, и силовиками, при участии корпоратократов на той и другой стороне?

Подавляющее большинство аналитиков считает, что единственный шанс для Соединенных Штатов, Японии и, в значительной мере, Западной Европы выйти из кризиса, состоит в том, чтобы сделать упор на новую экономику, осуществить в широких масштабах третью производственную революцию.

Недавно MTI, RAND, Токийский университет и Европейский Центр оценки технологий выпустили доклад «Технологическое развитие 2025». Они предложили заменить наименование NBIC на NIBEP (neuroscience, information technology, bio-technology, energy revolution, production. Новая производственная революция базируется на робототехнике, 3D печати, композиционных материалах и т.п.).

В докладе сделан вывод, что существуют 24 критические технологии. Те, кто обладает всеми этими технологиями, смогут осуществить новую техноло-

гическую революцию, запустить новую экономику. Согласно докладу у американцев есть готовые 21 технология, у японцев – 17, у Европейского Сообщества –14, у Израиля – 9, у Южной Кореи – 8, у Китая 7. И четыре у России.

Наиболее авторитетные «фабрики мысли» приходят к выводу, что выживание американского, японского и западноевропейского социумов в решающей степени зависит от того, удастся ли им запустить на полные обороты новую экономику, или нет. Соответственно, запуск новой экономики предусматривает несомненное доминирование нетократов, или силовиков, и той части корпоратократов, которая сумеет приспособиться к новым реалиям.

Как отмечают практически все исследователи новой экономики финансовая система, в том виде, в котором она существует без малого три века, оказывается просто ненужной. Банкстеры, располагая огромными ресурсами, и естественно, квалифицированными мозговыми трестами прекрасно понимают тенденции развития технологий и отдают себе отчет в тех коренных изменениях в балансе мировых элит, которые эти технологии с собой принесут. Поэтому фининтерн не остановится ни перед чем, чтобы не допустить утраты своего доминирующего положения в наднациональной элите, включая организацию рукотворного нового экономического кризиса, или даже большой, но нетотальной войны. Банкстеры сегодня находятся в ситуации, когда отступать им просто некуда.

Борьба между различными частями элит ведется сегодня практически во всех сферах – и в сфере технологий, и в экономике, и в политике, и в культуре. Чаще всего она происходит «под ковром»,

невидимо, и остается малозаметной, а главное, совершенно недокументированной для сторонних, не входящих в элиту наблюдателей. Однако, в последнее время, борьба достигла такого накала, что все чаще выплескивается на поверхность. Лучшие примеры это – непрерывные утечки по оффшорам, эпопея Дж. Ассанджа, дело Э. Сноудена, расследование картельных сговоров крупнейших банков на всех основных финансовых рынках – от ставок кредитования, до рынков нефти и металлов и т.п.

Борьбу банкстеров, и традиционных корпоратократов с одной стороны, и гикономиксов в связке с наиболее продвинутыми в технологичном плане корпоратократами – с другой, очень часто сводят к борьбе между технологическими укладами. Т.е. грубо говоря, между старыми технологиями индустриальной эпохи и новыми технологиями постиндустриальной производственной экономики. Однако, представляется, что дело здесь гораздо глубже. По сути, мы стоим на пороге такого же переворота в жизни всего человечества, какой произошел в результате промышленной революции конца XVIII – начала XIX веков. Возможно, речь идет еще о более масштабном сдвиге, сравнимом с неолитической революцией. Некоторые, например, один из руководителей Google Эрик Шмидт говорит даже о возможности изменения в антропологическом типе человека. И принципиально важно, чтобы Россия не просто нашла свое место в этом процессе, но и выступила одним из лидеров. Этому способствуют многие обстоятельства нашей давней и совсем недавней истории, а также события, происходящие в настоящее время.

ВОЙНА ЭЛИТ В ТУРБУЛЕНТНЫЕ ВРЕМЕНА

Согласно GoogleTrends и Wordstat Yandex, из года в год растет число поисковых запросов на английском и русском языках с такими словами, как «мировые элиты», «раскол элит», «элитные войны», «правящий класс», «господствующий один процент» и т.п.

Недавно исследователи установили поразительный факт. Выяснилось, что поисковые запросы по различным темам, связанным с политикой, экономикой и даже, например, заболеваниями, не следуют за событиями, а подчас опережают их. Оказалось, что поисковые запросы, сообщения в Twitter, посты в социальных медиа позволяют уловить тенденции гораздо раньше, чем они четко проявляются в реальной жизни, и тем более отражаются в статистической отчетности. Хотя до сих пор не вполне понятно, с чем связано это удивительное явление, то ли с «мудростью толпы», то ли с работой «коллективного бессознательного», но факт налицо.

Как бы там ни было, по всей вероятности коллективный разум пользователей интернета обладает уникальной способностью к прогнозированию, которой не наделено подавляющее большинство пользователей поодиночке. Налицо интегральный эффект, когда целое не равно сумме частей. Сегодня эту способность к прогнозированию, а точ-

Как давно и хорошо известно, их устами в основном и глаголет истина. Правда, для того, чтобы использовать на практике данный подход, его необходимо уточнить. Надо понять, чем же конкретно является подчинение.

Важнейшее свойство любой жизни – это активность, а отличительная черта разума – способность к целесообразному поведению. Или, как написал наш великий соотечественник П. Анохин «к опережающему реагированию на возможные, но еще не случившиеся события, подчиненному цели». Любое действие человека, будь он руководителем страны или обездоленным ее гражданином, всегда и обязательно имеет цель. Именно цель определяет человеческое поведение, а, следовательно, и любые действия человека.

Целей люди достигают, используя те или иные ресурсы. Причем, ресурсы можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком смысле ресурсы – это все, что используется для достижения цели. В узком же смысле, ресурс – это то, что используется для достижения цели, за исключением личных навыков, воли, способности распорядиться ресурсами и других имманентных человеку свойств. Для упрощения изложения далее ресурсы будут пониматься в их широком смысле. Наконец, люди всегда достигают своих целей в сотрудничестве или, наоборот, в конфликте с другими людьми.

Человек – это существо общественное, и вне и без общества существовать не может. Более того, вне общества он не станет даже человеком. Имеется более чем 100 надежно документированных случаев, когда физически здоровые дети в силу различных обстоятельств оказывались лишенными

нее к предчувствию начинающихся тенденций, тех или иных предстоящих событий, уже используют разведывательные сообщества, финансовые институты и даже медицинские учреждения. Например, статистика запросов Google уже несколько лет позволяет американскому Минздраву резко повысить точность прогнозов эпидемий гриппа и других заболеваний, а также темпов из развития и геолокации.

В этой связи рост запросов «раскол элит», «война элит», «правящий класс» и т.п. – не просто свидетельствует о нарастающем интересе к теме, но и является индикатором грозных тенденций, ранним сигналом грядущих потрясений. Любопытно, что динамика запросов, связанных элитной темой, примерно одинакова на самых различных языках мира – русском и английском, китайском и французском и т.п. Это свидетельствует о том, что тенденция носит глобальный характер, и грядущие перемены не обойдут стороной ни один регион, ни одну страну мира.

Сердцевиной вопросов, связанных с конфликтами элит, нарастающими противоречиями между высшим 1% и остальными 99% населения, расколом в правящем классе является тема власти. Она стара как мир. Исследователи, профессионально занимающиеся так называемым кратоведением (кратос – в переводе с латинского – «власть») насчитывают более 200 определений власти и примерно с полсотни толкований термина «правящие элиты».

Интуитивно понятно, что власть наиболее тесно связана с таким отношением, как господство/подчинение. Как свидетельствуют психологи, именно таким образом понимают слово «власть» дети.

человеческого общества и воспитывались животными. В подавляющем большинстве случаев, когда их удавалось вернуть в социум, они не смогли стать его полноценными членами. Во многих же случаях они не смогли даже овладеть разговорным языком и письменностью. В то же время, сначала в СССР, а в XXI веке – в США, Израиле, Китае слепоглухонемые от рождения или с малых лет дети, благодаря специальному обучению, смогли развить способности, получить навыки и стать полноценными членами обществ.

Два этих факта, взятых вместе, позволяют сделать важнейший вывод. Мышление и психика человека, хотя и являются своего рода продуктом мозга, не представляют собой его результат и не порождены исключительно нейрофизиологией. Чем дальше человек проникает в тайны мозга и природы вообще, тем яснее становится, что идеальное не сводится только к идеальному. Физическими, химическими и биологическими закономерностями нельзя объяснить деятельность психики и понять сознание. Если бы это было так, то ребенок, обладающий здоровым мозгом, в любом случае стал бы полноценным разумным человеком, вне зависимости от того, воспитывался ли он людьми, или звериной стаей. Психика – это не только отражение материи, но и нечто другое, пока еще до конца непознанное. Существует множество эмпирических фактов, полученных в ведущих лабораториях мира, которые убедительно свидетельствуют о несводимости психики к материи, и не могут быть объяснены в рамках имеющихся знаний.

Данное обстоятельство чрезвычайно важно для понимания природы власти. Человек является и остается таковым только в обществе. Общность

может иметь различную размерность. Но во всех случаях обязательным для человека является наличие других, взаимодействие с ними, а значит и организация.

Теперь можно дать наиболее общее определение власти, которое одинаково пригодно для любого типа обществ. **Власть – это способность, возможность и практика использования властвующими подвластных как ресурса для достижения собственных целей.** Там, где есть власть, там подвластный субъект обязательно превращается в объект или в ресурс господствующего. Собственно власть в том и состоит, что кто-то тем или иным способом может навязать свою волю и заставить других людей делать то, что ему нужно. Высшей формой власти является принятие подвластными целей властвующего, как своих собственных. В этом случае подвластные могут демонстрировать чудеса находчивости, воли, мобилизации всех своих ресурсов на достижение целей, которые они искренне считают собственными, а по факту являющихся чужими, а именно целями властителя.

Таким образом, власть коренится в организации, связана с целями и определяется наличием или отсутствием ресурсов. Существует три основных подхода к определению источников власти, а соответственно и тех, кто ей обладает.

Первый – это классовый подход, связанный с такими фигурами, как К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин и т.п. Согласно этому подходу, все определяется собственностью на средства производства. Экономика полностью и безраздельно определяет все иные сферы человеческой жизни и господствует над ней. Данный подход до сих пор имеет много

сторонников. Он широко используется и в политической практике. Однако более чем через 150 лет после формирования подхода стала ясна его определенная ограниченность. Общество – это сложное явление и процесс. А любой сложный процесс представляет собой гиперцикл, т.е. процесс, где причины и следствия постоянно меняются местами, где соотношения между различными элементами, контурами и уровнями непостоянны и динамичны и т.п.

Второй подход был сформулирован отцами теории элит Г. Моска и В. Парето. Кстати В. Парето известен не только как крупнейший политолог, но и как успешный предприниматель и один из основателей прикладной эконометрии. В ходе исследований он установил, что во многих сферах жизни, прежде всего, в экономике и политике действует закон, который получил его имя – Закон Парето – или принцип 80/20. Согласно принципу 80% работы делают 20% персонала. Или 80% богатств принадлежит 20% населения и т.п. За минувший век закон Парето был многократно подтвержден. Более того, выяснилось, что так называемое негауссово распределение (или распределение Парето) характерно в первую очередь для процессов, в которых принимает участие человек. В мире природы же более распространено гауссово распределение или принцип 50/50. Парето также как и Моска предполагал, что в мире правят те, кто наиболее эффективен, прежде всего, в политике и отчасти в экономике. Основоположники теории элит не придерживались той точки зрения, что все в мире определяет только экономика и первенство отдавали политике. В политике же, по их мнению, выигрывали те, кто мог создавать наиболее эффек-

тивные организации и жестко, хитро, умно, и если надо безжалостно, использовать организационный ресурс для господства над населением.

Во второй половине XX века появился и стал набирать силу третий подход. За рубежом он представлен такими различными мыслителями, как А. Грамши, П. Сорокин, М. Манн. В России с определенными оговорками в рамках этого подхода работал выдающийся советский мыслитель В. Крылов, а в настоящее время А. Фурсов. Данный подход предполагает, что власть действительно принадлежит наиболее эффективным, умелым, волевым и т.п. В этом плане они согласны с основоположниками элитного подхода. Также сторонники третьей точки зрения разделяют позиции марксизма о том, что при капитализме решающей сферой или источником власти является господство в экономике. Соответственно они не отвергают классовый подход.

Однако особенность третьего подхода в том, что он конкретен и гибок. Его сторонники убеждены, что нет единых для всех обществ законов развития и принципов организации. Каждая цивилизация имеет свои отличительные черты и особенности, а соответственно и главный ресурс власти. Например, А. Фурсов справедливо указывает, что аналогом Капитала для России является Русская власть. Это связано с тем, что в российской цивилизации власть и собственность были неразделимы на протяжении последних 300 лет, тогда как на Западе дело обстояло по-иному.

Представляется, что подход, базирующийся на разнообразных источниках власти, является наиболее соответствующим реалиям жизни, ее разнообразию и сложности. Например, М. Манн – автор наиболее крупного исследования власти за послед-

ний 25 лет, считает, что существует четыре источника власти: экономический, политический, идеологический и военный.

В последние десятилетия достижения самых различных наук позволяют все увереннее говорить, что наш огромный, сложный, динамичный и разнообразный мир, в котором казалось бы ничто не повторяется, построен из ограниченного числа исходных элементов. Это одинаково верно и для физики, и для социальных процессов. Нельзя сказать, что эти мысли являются прерогативой исключительно нашего времени. Еще в древности неизвестные китайские мудрецы создали знаменитый И-Цзын. В «Книге перемен» все многообразие процессов и ситуаций сводится к 64 гексаграммам. Вполне вероятно, что подобный принцип лежит в основании феномена власти и элит, которые олицетворяют и реализуют власть.

Существует огромный массив данных, подтверждающих, что знаменитая пирамида А. Маслоу, определяющая человеческие потребности, достаточно хорошо отражает реалии человеческого общества. Действительно, основные потребности, мотивы, интересы людей могут быть сведены в пять ключевых блоков: витальные потребности, связанные с пищей, кровом, одеждой и т.п.; потребность в безопасности; потребность в коммуникации, связанная с необходимостью нахождения в обществе и принадлежностью к той или иной группе; потребность в самоуважении или в определенном статусе; и, наконец, потребность в самореализации или познании.

Для каждого человека, группы и даже общества эти потребности комбинируются в различные композиции и по-разному проявляют себя в неодина-

ковых ситуациях и в различные периоды времени. Внимательно сопоставив структуру пирамиды потребностей Маслоу с источниками власти, можно обнаружить, что они достаточно близки между собой. Это неудивительно, поскольку деятельность любого человека связана с реализацией способностей для удовлетворения потребностей. Последние выступают как цель деятельности. Соответственно потребности формируют виды деятельности, а они в свою очередь определяют структуры и организации – от племени и рода до государств и надгосударственных организованностей.

Соответственно можно выделить пять основных источников, а точнее ресурсов, обладание которыми обеспечивает власть и принадлежность к элите. Это – экономический, политический, военный, культурный и знаниевый. Приведенный выше перечень позволяет быстро ухватить суть дела, но одновременно содержит в себе определенные подводные камни. В неизменном виде он справедлив для капиталистического общества и менее применим для других. В этой связи необходимо иметь в виду, что каждый властный ресурс включает в себя факторы и отношения, свойственные всем человеческим обществам без исключения.

Так, экономический ресурс связан с собственностью на средства производства в широком смысле этого слова, включая владение, пользование, распоряжение не только станками, машинами, оборудованием, зданиям, землей, но и программами, телекоммуникационными линиями и т.п. Этому властному ресурсу соответствуют витальные потребности.

Политический ресурс в строгом смысле – это организационный ресурс. Любое человеческое

общество требует определенной организации. Организация выражается не только в установлении определенных правил, норм, обязательных для исполнения, называемых институтами, но тех людей, которые обеспечивают соблюдение этих норм, их совершенствование и умелое использование. Любое организованное сообщество – это, прежде всего, сфера взаимодействия, разделения функций, полномочий и ответственности. Этому ресурсу власти соответствует потребность в статусе.

Человеческий род относится к достаточно ограниченной группе биологических популяций, члены которых осуществляют насилие по отношению друг к другу. С первых дней существования человечества до сегодняшней поры рука об руку с кооперацией и альтруизмом идут конкуренция и насилие. Существуют различные точки зрения на динамику насилия в человеческой истории. Однако даже сторонники позиции возрастания альтруистичности человеческих сообществ не спорят, что насилие остается мощным средством разрешения как внутренних, так и внешних конфликтов организованностей различного масштаба – от племени и группы до государств и надгосударственных образований. Понятно, что насильственный ресурс власти является таковым, благодаря свойственной человеку, как любому живому существу вообще, стремлению к безопасности и продолжению дальнейшего существования.

Как отмечалось выше, один из крупнейших социологов нашего времени М.Манн относил к одному из четырех ключевых ресурсов власти идеологию. Однако есть смысл посмотреть на дело шире. Идеология является всего лишь одной из форм проявления общественного сознания, идеального

в человеческом обществе, коллективной психики и т.п. Рядом с идеологией стоят такие хорошо понятные практически каждому, но, тем не менее, трудно формулируемые феномены, как вера, культурно-языковая общность и т.п. Все они являются своеобразным цементом, скрепляющим человеческие общества в единое целое. Именно они придают целостность социальным организованностям самых различных масштабов. В одних случаях, как указывалось это – вера, в других – идеология, в третьих – язык, обычаи и традиции. В широком смысле все это можно объединить термином «культура». Этому ресурсу власти соответствует потребность в идентичности, принадлежности к определенной группе, этносу, народу, стране, конфессии.

Наконец, отличительной способностью человека является способность мыслить, осознавать поступки, создавать вторую природу, и в перспективе совершенствовать первую. С первых минут после рождения, как установили психологи, у человека, даже вне зависимости от социального окружения появляются способности ориентироваться. Это первая познавательная способность и первые знания, которые получает ребенок. Затем на протяжении жизни приобретенные, добытые и созданные знания становятся ценнейшим багажом, который позволяет выжить человеку в самых сложных условиях. Поэтому многие проницательные мыслители справедливо видели в знаниях важнейший ресурс власти. Этому ресурсу соответствует человеческая потребность в самореализации.

Для того чтобы подытожить описание пяти базисных ресурсов власти, которые в различных комбинациях и конкретных формах присутствуют во всех человеческих обществах, на всех стадиях

их развития, приведем несколько афористичных высказываний. В совокупности они характеризуют каждый из ресурсов: «Власть вырастает из ствола винтовки» (Мао Цзэдун), Money talks (любимая поговорка Дж.Ф. Рокфеллера), «Знание – сила» (Фрэнсис Бэкон), «Миф есть мгновенное целостное видение сложного процесса и он дает власть» (Маршалл Маклюэн). «Власть – это не только то, что у вас есть, но и то, что враг думает, что у вас есть. Власть исходит из двух основных источников – деньги и люди. "Неимущие" должны выстроить власть из плоти и крови, создать организацию» (Сол Алинский – крупнейший американский политтехнолог, учитель Б. Обамы и Х. Клинтон).

В различных цивилизациях в разные эпохи значимость и конфигурация властных ресурсов различна. Однако всегда имеется главный определяющий ресурс, который задает всю структуру элиты. Этот ресурс должен соответствовать трем критериям:

Во-первых, иметь решающее значение для воспроизводства конкретного общества в ту или иную историческую эпоху. Например, для капитализма таковым ресурсом является собственность на средства производства. Именно от динамики технологических платформ в решающей степени и зависит воспроизводство капитализма как общественной системы и капиталистического строя западной цивилизации;

Во-вторых, господствующим является тот ресурс, вокруг которого наращивается вся ткань социальной жизни и человеческого взаимодействия. Этот ресурс определяет своего рода топологию общества и структуру его правящей элиты;

Наконец, в-третьих, ресурс должен в рамках конкретного общества в определенное время быть мак-

симально просто конвертируемым в иные ресурсы господства. Например, при капитализме таковым ресурсом сегодня является капитал в его финансовой, денежно-долговой форме. Для российской же цивилизации аналогичные функции, как справедливо указывал, например, А. Фурсов, выполняет власть или организационный ресурс.

Господствующие группы, обладающие соответствующими властными ресурсами, составляют правящий класс того или иного общества. Однако, как справедливо отмечал В. Парето, не весь правящий класс – это элита. И в правящем классе есть властители и подвластные. Грубо говоря, элита – это властвующая страта правящего класса, верхушка иерархической пирамиды, которая представляет собой в той или иной степени все известные развитые общества более-менее крупного масштаба.

Исторический материал дал большую эмпирическую базу для определения критериев принадлежности к элите в рамках правящего класса. Таких критериев пять. Причем, все пять относятся к так называемы периферийным (подчиненным) элитам, а четыре из них – ко всем элитам, включая ядерную, господствующую. Критерии эти таковы:

- Наибольшая эффективность, успешность, конкурентоспособность в рамках определенного вида профессиональной деятельности, связанной с собственностью на тот или иной вид властных ресурсов. Именно на этот аспект обращали внимание основатели элитного подхода В.Парето и Г. Моска;
- Наличие наибольшей собственности на наиболее качественные властные ресурсы определенного вида. Поскольку собственность – это всегда распоряжение, владение и пользо-

вание чем-либо, то крайне важны не только аспект отношений, но и характеристики того, чем пользуются. Данный аспект впервые был подробно рассмотрен выдающимися американскими политологами Р. Милсом в его «Правящем классе» и Г. Домхоффом в бестселлере «Кто правит Америкой»;

- Господствующие позиции в пределах своей ресурсной группы. Как уже отмечалось выше, правящий господствующий класс существенно шире властвующей элиты. Властвующая элита господствует не только над обществом, но и над членами самого правящего класса, которые находятся у нее в зависимости;
- К элите относятся члены конкретной ресурсной группы, которые обладают наиболее обширными и устойчивыми связями с представителями правящего класса и в особенности элит из других ресурсных групп. Речь идет о горизонтальных связях, которые формируют элитные группировки, как своеобразные акторы действия, участвующие как единое целое в самых разных сторонах жизни общества в его экономических, политических и культурных процессах;
- Наконец, еще один критерий, который относится только к периферийным или подчиненным ресурсным группам, а также периферийным элитам по отношению к элите глобального домината. Речь идет о признании господствующей ядерной элитой отдельных членов или группы представителей других ресурсных групп, как своих. Как уже указывалось, для капитализма ядерным, топологически образующим ресурсом, являются вещные

факторы производства, а ключевым отношением – собственность на них. Соответственно, ядерной элитной группой является экономическая элита, которая и принимает, в конечном счете, в свои ряды членов других ресурсных групп. В этом смысле можно согласиться вслед за Г. Домхоффом с тем, что классовый и элитный подход не противоречат, а дополняют друг друга.

Таким образом, в любом, сколько-нибудь масштабном обществе образуются пирамиды властвующих и подвластных. Причем в составе властвующих, которых обычно называют правящим классом, в свою очередь выделяется правящая элита.

Традиционно в состав правящей элиты включаются лишь отдельные индивидуумы или группы различной размерности. Если посмотреть подавляющую часть работ по элитологии или теории власти, то обнаружится, что речь в них идет исключительно о великих личностях, известных исторических деятелях, крупнейших финансистах, промышленниках, военачальниках и т.п. Также объектом рассмотрения, особенно в XX веке, стали различного рода элитные группировки, тесно взаимодействующих между собой лиц, родов, сообществ и т.п.

Историческая фактура, относящаяся абсолютно ко всем цивилизациям и типам обществ, убедительно свидетельствует, что, хотя роль личности в истории велика, а историческую динамику, в конечном счете, определяют массы, в ключевых точках историю делают именно относительно небольшие сплоченные группы и иные типы организованностей. Сегодня это – уже более-менее господствующая среди аналитиков точка зрения.

Наиболее ярко и талантливо она выражена в книге «Лестница в небо» М. Хазина и С. Щеглова.

Однако буквально в последние десятилетия появилось еще одно дополнительное измерение природы и динамики власти. В свое время Томас Гоббс написал о государстве, как о Левиафане. Позднее, в конце XX века была впервые обнародована мысль, что институты являются своего рода квазиразумными существами, действующими в собственных интересах. В последние десятилетия наука накопила большой эмпирический материал, свидетельствующий о том, что различного рода организации способны к целенаправленному поведению, опережающему реагированию на события и обладают собственными интересами, не сводимыми к интересам работающих в них и даже владеющих ими людьми. Некоторые организации или институты, носящие формальный характер – от Римской Католической Церкви до, например, МИ-6, или недокументированный – от русских бригад до розенкрейцерских лож – имеют как минимум три интереса или потребности: потребность в существовании, поддержание собственной идентичности и экспансии.

Могут меняться люди, входящие в состав структур, их лидеры, а в некоторых структурах, носящих юридический характер, даже собственники, но интересы этих организованностей будут оставаться неизменными, вне зависимости от персоналий. Они являются полноценными акторами исторического процесса и чем дальше, тем больше занимают господствующие позиции в глобальной элите.

Данный взгляд достаточно непривычен. Традиционно историки и аналитики полагают, что действуют только люди и их группы. Только они обладают потребностями, волей и целями. Однако,

вероятно, это не так. Определенные, хотя и не все организации также обладают интересами, способны к активности, демонстрируют целенаправленное поведение и потому являются полноценными участниками глобальной динамики. Метафорически можно сказать, что наряду с вычислительным интеллектом, уже давно и успешно действует своего рода организационный интеллект. У этого интеллекта, также как у искусственного, есть собственные алгоритмы, программы, матрицы репликации и т.п. Это огромная отдельная тема, которая заслуживает внимательного изучения. Характерно, что в последние три-пять лет в Соединенных Штатах IARPA и корпорация MITRE, работающие на американское разведывательное сообщество, щедро выделяют ассигнования на так называемый social software. Social software – это методы, инструменты и среда создания максимально эффективных квазиразумных структур, своего рода новых големов.

Все акторы, входящие в состав правящей элиты подчиняются законам власти. Наибольшее признание не только среди аналитиков, а главное, среди практиков получили три закона власти. Каждый из них имеет под собой огромные массивы исторической фактуры, подтверждающее их справедливость.

Один из основоположников дискретной математики и кибернетики У.Эшби выдвинул так называемый общий принцип управления, можно добавить – и власти. Он гласит: «Разнообразие управляющей системы должно быть больше разнообразия управляемого объекта». Эта интерпретация близка к ранее полученным выводам К.Шеннона о том, что пропускная способность канала связи должна быть не меньше разнообразия сигнала». Применитель-

но к теории элит и проблематике власти можно назвать этот принцип – принципом власти Эшби или принципом элитного превосходства: власть должна обладать ресурсами, обеспечивающими господство над обществом.

Еще до Эшби свой принцип управления и господства сформулировал британский мыслитель, предтеча одновременно фабианства и традиции аристократического тайного управления Д. Рёскин. В изложении крупнейшего историка и конспиролога, любимого профессора Б.Клинтона К. Куигли этот принцип выглядит следующим образом. «Рёскин обращался к оксфордским студентам как к членам привилегированного, правящего класса. Он говорил им, что они владеют величественной традицией образования, красоты, власти закона, свободы, добропорядочности и самодисциплины; но эту традицию невозможно сохранить, и она не заслуживает сохранения, если ее не удастся распространить на низшие классы в самой Великобритании и на неанглийское население всего мира. Если эта благородная традиция не охватит эти два громадных большинства, меньшинство высшего класса англичан, в конечном счете, будет затоплено невежественными массами, и традиция погибнет». Этот закон господства можно назвать принципом Рёскина – однонаправленности социодинамики властвующих и подвластных, или принципом элитной адекватности.

В 80-90 годы прошлого века интересный, и, к сожалению, недооцененный математик, системщик, социолог В. Седов выдвинул принцип, который он назвал принципом контура управления. В работе А. Назаретяна дана такая формулировка этого принципа: «В сложной иерархически орга-

низованной системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации (то есть, система как таковая гибнет)».

Иными словами, господствующая элита должна постоянно держать включенными «социальные лифты» и рекрутировать в свой состав наиболее талантливых, волевых, пассионарных и профессиональных членов не только периферийных элит, но и подвластного общества. В этом и только в этом случае господствующая элита будет не только располагать большими ресурсами, но и иметь волю, пассионарность и достаточную квалификацию, чтобы максимально эффективно этими ресурсами воспользоваться с одной стороны для развития общества в целом, а с другой, конечно же, для сохранения своего элитного положения. В ситуации, когда социальные лифты отключаются, вход в правящий класс закрывается, а элита становится слишком узкой и недоступной не только для других лучших членов правящего класса, но и представителей общества, страну ждет неизбежный кризис всегда с негативными, а зачастую с крайне печальными последствиями. Существуют и иные законы власти. Однако они требуют дополнительной эмпирической проверки.

Три закона власти, несмотря на кажущуюся простоту, позволяют не только проводить достаточно глубокий анализ положения дел в обществе, но и прогнозировать перспективы его динамики, устанавливать вектор на развитие или деструкцию.

Элиты, также как любые организованности высокого порядка не вечны. Они приходят и уходят.

В.Парето даже назвал историю «кладбищем элит». Циклы жизни элит связаны с двумя, достаточно различными группами факторов. Одна группа носит внутриэлитный характер и впервые была обнаружена мусульманским мыслителем Средневековья Ибн Халдуном. В работе «Мукаддима: введение в историю» он ввел ключевое для понимания власти и элит понятие – асабия. Асабия означает способность элиты к коллективным действиям в общих интересах с принесением в жертву индивидуальных преимуществ ради общего блага. С теми или иными вариациями этот важнейший признак принадлежности к элите, обеспечивающей собственное господство и существование подвластной страны, был переоткрыт П. Кропоткиным, как «самопожертвование» и позднее Л.Гумилевым как «пассионарность». Ибн Халдун первый установил, что элиты не могут сохранять постоянным уровень асабии, и по мере того, как он ослабевает, они сходят с исторической арены. Анализируя динамику асабии, важно учитывать открытый Р. Михельсом железный закон олигархии. Он гласит: «Любая форма социальной организации, вне зависимости от ее первоначальной демократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных» – олигархию, номенклатуру или монархию. Самое тяжелое положение и печальные перспективы для элиты и общества складываются тогда, когда с одной стороны снижается уровень асабии, а с другой – в полной мере проявляется железный закон олигархии.

Анализируя по критерию асабии исторический процесс, несложно заметить, что уровень асабии является важнейшим фактором смены господствующих групп в рамках общего элитного цикла.

Возникает вопрос, а чем же порожден элитный цикл, т.е. смена ядерных элит, а также группировок внутри ядерной элиты? Вполне очевидно, что дело здесь не в пассионарности, самопожертвовании, либо каких-то иных личностных качествах или организационных параметрах, а в чем-то ином.

Наиболее точный ответ содержится в той традиции, которую принято называть марксистской. Это не только и не столько «Капитал» К.Маркса, а его ранние рукописи, а также работы марксистски-ориентированных исследователей в XX веке и прежде всего, А. Грамши и В. Крылова. Ключевым фактором, определяющим элитный цикл, являются производительные силы или, как их называют на Западе – технологические платформы. Строго говоря, производительные силы не сводятся только к предметно-вещественным факторам: машинам, оборудованию и т.п. Они включают в себя и природный компонент, и человеческий фактор в разных его ипостасях. Например, А. Грамши различал вещные, социальные и ментальные элементы производительных сил. А В. Крылов выделял натуральные (естественные) и исторически созданные (искусственные) производительные силы[113]. Как бы там ни было, изменения производительных сил и является тем самым ветром перемен, который порождает борьбу элит и приводит к смене одних элит другими.

В рамках европейской цивилизации изменения в производительных силах получили название производственных революций. Первая революция конца XVIII – начала XIX веков характеризовалась

113. А.И. Фурсов. Еще один «очарованный странник» (О Владимире Васильевиче Крылове на фоне позднекоммунистического общества и в интерьере социопрофессиональной организации советской науки) // Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 4.

переходом от сельского хозяйства к промышленности, как ведущей отрасли экономики. Она была эпохой паровых двигателей, фабрик, первых паровозов и пароходов, массовых изданий газет, сукна и чугуна. В ходе Первой производственной революции окончательно сформировался современный тип государства. На смену аристократии пришла буржуазия, как господствующий класс. Собственники вещных средств производства стали ядерной группой формирующейся капиталистической элиты.

В конце XIX – начале XX века произошла Вторая производственная революция. На место угля пришла нефть. Паровые двигатели сменились двигателями внутреннего сгорания. Простые, достаточно примитивные станки были заменены механизированным оборудованием. Появились конвейерные линии. Мелкосерийная фабрика уступила место массовому производству на заводах. В конкуренцию с газетами вступили телеграф, телефон и радио. Наступила эпоха всеобщего избирательного права и так называемой буржуазной демократии. Внутри элиты торгово-ростовщическо-мануфактурную буржуазию решительно сместил с пьедестала промышленный капитал. Тогда же начали набирать силу банки современного типа и иные финансовые институты, чьи собственники позднее, в конце XX века окончательно подчинили себе промышленников.

На наших глазах происходит Третья (Четвертая) производственная революция. Правда, недавно, на ежегодном Давосском форуме его организаторы провозгласили пришествие Четвертой революции. Третью они отнесли к 90-м годам прошлого века и к интернет-экономике. Однако представляется, что в данном случае сознательно или бессознательно ин-

теллектуальная обслуга сильных мира сего навела тень на плетень. Интернет действительно изменил жизнь людей и средства коммуникации. Однако за последние 25 лет никаких кардинальных сдвигов в энергетике, новых материалах, технологиях производства, типах организации не произошло.

Например, один из наиболее известных инвесторов и венчурных предпринимателей Питер Тиль в 2015 году написал статью, побившую все рекорды цитирования. Ее название «25 потерянных лет». Суть статьи в том, что, начиная с 90-х годов промышленностью и другими сферами экономики и человеческой жизни вообще отторгались любые нововведения, кроме информационно-коммуникационных технологий. В ходе состоявшегося обсуждения статьи многие специалисты в различных странах мира не при помощи оценочных суждений, а исходя из обобщения огромного фактического материала, убедительно доказали, что П. Тиль прав и по многим технологическим направлениям последние 25 лет были годами регресса, а не прогресса.

Это не удивительно. Уже в последней четверти XX века стало ясно, что капитализм, как строй, тяжело и неизлечимо болен. Это дало возможность многим проницательным мыслителям поставить диагноз о близости терминального кризиса капитализма. В силу определенных исторических обстоятельств данный кризис выразился в специфической форме, а именно в крахе СССР. Казалось бы, поражение СССР в «Холодной войне» и последующее крушение державы является скорее аргументом в пользу всепобеждающего капитализма. Однако это не так. Если избавиться от идеологических клише, пропагандистских лозунгов и оце-

ночных суждений, и опираться исключительно на факты, то нельзя не признать, что СССР с первого до последнего дня своего существования входил в глобальную мирохозяйственную систему. Причем, по своему характеру эта система была капиталистической. Соответственно, крушение СССР стало не только и не столько итогом Холодной войны, сколько ранней начальной стадией терминального кризиса капитализма. В этом плане СССР являлся наиболее неорганичной, а потому и хрупкой частью глобальной мирохозяйственной системы. Ее разрушением не закончился, а только начался системный кризис глобальной капиталистической системы.

В силу определенных политических целей сегодня навязывается мнение, что СССР рухнул из-за внешних причин, в результаты победы Соединенных Штатов, Великобритании и их союзников в Холодной войне. Однако хорошо известно, что любая большая сложная система, а СССР, несомненно, являлся таковой, погибает и разрушается, прежде всего, из-за внутренних причин. Внешние могут выступать катализаторами, дополнительными факторами, способными ускорить процесс или перевести его из управляемой трансформации в хаотическую деструкцию. Бесспорно, воздействие внешних факторов на СССР было, но главными были внутренние причины. Именно поэтому большой ошибкой является утверждение, что США выиграли Холодную войну.

В реальности, как сегодня становится очевидно всем, выигравших в Холодной войне вообще не было, за исключением паразитической финансовой элиты, пресловутого одного процента, который буквально на наших глазах превратился в ядерную

группу элиты и подмял под себя традиционную капиталистическую элиту, связанную, прежде всего, с производительным капиталом.

Последние 25 лет произошла конвергенция, о которой говорили еще в середине XX века. Однако вместо чаемой положительной конвергенции случилась деструктивная. В итоге в мире возобладали худшие черты позднего капитализма и деформированного историческими обстоятельствами советского социализма.

Однако динамика производительных сил лишь отчасти связана с динамикой социума. Соответственно она имеет собственную логику и динамику. Поэтому, несмотря на деструктивные процессы и отрицательную конвергенцию, в начале десятых годов нынешнего столетия стала разворачиваться Третья (Четвертая) производственная революция.

Ее отличительными чертами стали робототехника и 3D печать, переход к распределенному масштабируемому производству, аддитивной организации, принципиально новым видам материалов и т.п. Эти и другие черты принципиально новой технологической платформы, базирующихся на информационных технологиях, уже в полной мере проявились в странах-лидерах Третьей (Четвертой) производственной революции. Например, ежегодные темпы роста производственных роботов составляют от 15 до 20%. Если среди общего числа роботов выделить роботов и робототехнические линии, оснащенные вычислительным, или как его называет, искусственным интеллектом, то более 90% их производства и около 60% применения приходится на Америку.

Уже сегодня в странах-лидерах Третьей (Четвертой) производственной революции, а это, пре-

жде всего, США, Япония, Южная Корея, Германия и Великобритания – на 10 тыс. рабочих, занятых в промышленности, приходится от 150 до 500 роботов. Что касается России, то, по данным Центра робототехники IT кластера Сколково, за 2015 г. в стране установлено менее 1 тыс. производственных роботов, из которых более 600 – зарубежного производства. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что по состоянию на сегодняшний день картина просто удручающая. Подобную статистику можно привести и по другим направлениям и кластерам Третьей (Четвертой) производственной революции.

Производственные революции всегда ведут к тектоническим сдвигам в составе правящего класса и топологии элит. Периоды производственных революций сопровождаются не только сменой элит, но и их ожесточенной борьбой. Зачастую в эту борьбу втягивают и населения стран-лидеров производственных революций.

Также исторические наблюдения показывают, что противоречия в стране-лидере производственной революции неизбежно экспортируются, можно сказать выплескиваются, в мир. В результате резко возрастает уровень глобального насилия, количество и интенсивность конфликтов, выражающихся в основном в локальных, а иногда и глобальных войнах, а также гражданских вооруженных конфликтах. Нет оснований полагать, что в этот раз будет иначе.

В последние годы и в мире, и в России нет недостатка в аналитике внутриэлитных конфликтов. Внимательные исследователи и аналитики буквально ежедневно сталкиваются с проявлением в публичной политике «борьбы бульдогов под ков-

ром». Группы элит диагностируют по-разному. Одни видят глобальный конфликт элит в противоборстве «менял» и «процентщиков», другие – «имперцев» и «транснационалов», третьи – «патриотов» и «либералов». Однако, если следовать принципам элитного анализа и опираться не на мнения и цитаты, а на факты и данные, то несложно обнаружить, что Третья (Четвертая) производственная революция – это даже не конфликт между промышленным и финансовым капиталом, они уже давно слились в единое целое при господстве финансовых олигархов, а конфликт между двумя ресурсными группами. Финансистам противостоят обладатели знаниевого ресурса, как особая элитная группа.

Поскольку совокупность данных и сведений убедительно свидетельствует, что на сегодняшний день лидером Третьей (Четвертой) производственной революции являются США, то соответственно конфликт между элитами наиболее четко проявляет себе именно в этой стране. Не будет преувеличением назвать его «холодной гражданской войной». Холодная гражданская война идет между тремя Америками.

Прежде всего, это хорошо известная, многократно описанная и привычная миру финансиализированная Америка Уолл-Стрит, Вашингтона, Чикаго и Лос-Анджелеса. Это страна, где не просто господствуют финансисты, или как их еще называют «банкстеры», но и экономика, где наиболее высокодоходен финансовый сектор, где монетарно-кредитная сфера диктует и определяет все производственные, экономические и даже социальные процессы. Об этой Америке написаны тома и тома.

Это Америка, даже не чистого капитализма, а финансиализма. Это США одного процента.

На сегодняшний день это, безусловно, господствующий внутри Америки и всего мира контур. Однако в ходе кризиса 2008-2009 гг. ему был нанесен сильнейший удар, от которого он так и не смогла оправиться. Чтобы проиллюстрировать, что такое финансиализированная Америка, достаточно привести несколько цифр. За последние 34 года ВВП в США рос в среднем на 5,2 % и увеличился примерно с 2,5 до 17 трлн. долларов, а рыночная оценка корпоративных акций росла на 10,4 процента в год и увеличилась соответственно с 1 до 35 трлн. долларов. Иными словами, если в 1981 г. рыночная капитализация составляла 44 % от ВВП, то в 2014 – 215 %. Еще более ошеломительны данные по соотношению все того же ВВП с общим объемом рыночной капитализации и глобальной задолженности, включая все виды долгов – государственных, корпоративных и домохозяйств. В период с 1981 по 2015 гг. этот показатель рос более чем на 8,4 % ежегодно. В итоге, если в 1981 г. капитализация и объем долгов превышали объем ВВП всего в 2 раза, то сейчас – более чем в 5 раз. Причем разрыв увеличивается по экспоненте. Статистические данные можно приводить и далее. Но и уже приведенных вполне достаточно, чтобы понять, что кредитно-долговая финансиализированная экономика, а точнее ее американский контур, находится в прямом смысле слова в безвыходном положении.

Если раньше вопрос о перспективах экономики относился сначала к области гаданий, потом полемики, и наконец, суждений, то с недавних пор он перешел в плоскость расчетов и математических

доказательств. На рубеже XX-XXI веков начали появляться и множиться математические модели, позволяющие описывать и прогнозировать реальную, неравновесную экономику, а не псевдоматематические абстракции, выдаваемые за формальные описания идеального несуществующего рынка А. Смита – М. Фридмана и неолибералов. Наилучшее описание этих моделей дано в недавно переведенной на русский язык книге ведущего британского научного и экономического, физика и экономиста по образованию М. Бьюкенена «Прогноз».

Согласно самым различным моделям нелинейной динамики, финансовых и реальных рынков, американская и глобальная финансиализированная экономики обречены в ближайшее время на сильнейший кризис, превосходящий по своим масштабам потрясения 2008-2009 годов. Это отлично знают и понимают финансисты, а также другие подчиненные и союзные им силы и круги в американском и глобальном доминате.

Второй – позднеиндустриальный, – контур Америки живет трудно, чередуя незначительные успехи с длительными периода стагнации и тяжелыми кризисами. Уже долгие годы рост производительности труда в традиционных индустриальных отраслях, в сельском хозяйстве, в сфере услуг не превышает 1-2 процента в год. Американская позднеиндустриальная экономика по уровню своего технического оснащения и квалификации кадров заметно уступает германской, скандинавской, японской, южнокорейской, а в некоторых секторах и китайской. Символом если не сегодняшнего, то завтрашнего дня позднеиндустриальной Америки стал признанный банкротом Детройт, в луч-

шие свои времена – центр мирового автомобилестроения, а ныне в значительной степени город-призрак.

Отмеченные выше обстоятельства побуждают некоторых пропагандистов и публицистов ставить на Америке крест. Более того, многие даже весьма квалифицированные аналитики искренне убеждены, что «американский век» закончился и впереди у Америки упадок, деструкция, разрушение и даже распад. Однако, они не знают или не хотят знать и третьем контуре США – Америке Третьей (Четвертой) технологической революции.

Чтобы коротко охарактеризовать этот контур, приведу короткую выдержку из большого исследования Брукингского института, славящегося скрупулезным отношением к фактам и статистике. «В настоящее время корпорации, компании, университеты и правительство США являются собственниками почти 2/3 патентов на ключевые технологии и разработки в отраслях, связанных в Третьей (Четвертой) промышленной революцией, включая продвинутую IT индустрию, Большие Данные, искусственный интеллект, робототехнику, 3-D печать, синтетическую биологию, новые виды материалов и т.п. Еще более 20% подобных патентов приходится на компании стран, которые являются ближайшими союзниками США и прежде всего Канаду, Японию, Великобританию и Южную Корею. К концу 2013 г. на предприятиях и в компаниях, работающих в продвинутых отраслях и производствах, относимых к Третьей (Четвертой) промышленной революции, занято 12,3 млн. работников, или примерно 9 процентов всей американской рабочей силы. Они производят продукции на 2,7 трлн. долларов или 17 % американского ВВП.

Это больше, чем такие сектора, как здравоохранение, финансы и недвижимость... При этом ежегодный рост объема продвинутых отраслей составляет в среднем 7% ежегодно в течение 2011-2015 гг., и в будущем будет, видимо, ускоряться. Уже сегодня продвинутые отрасли Третьей (Четвертой) промышленной революции стали крупнейшим и наиболее динамичным сектором американской экономики».

Три технико-экономических контура, без сомнения, усилили центростремительные процессы в американском социуме. Они отражаются на растущем неравенстве, размывании среднего класса и формировании, как это не удивительно в XXI веке, резервных армий труда.

Свою лепту вносят и обостряющиеся этнокультурные проблемы. Начиная с 1960-х годов прошлого века в Соединенных Штатах, несомненно, было приложено много усилий по формированию мультикультурализма и сглаживанию признаков расовой, культурной и иных видов дискриминации. Однако кризис позднеиндустриальной Америки конца XX – начала XXI веков привел к скачкообразному увеличению спроса на малоквалифицированную, сезонную и низкооплачиваемую рабочую силу. Соответственно имел место взрывной рост легальной, и особенно нелегальной миграции в основном испаноговорящего населения из Мексики и других стран западного полушария, а также выходцев из мусульманских стран Южной Азии и в гораздо меньшей степени из Западной и Центральной Африки. Так или иначе, и без того хрупкое равновесие было нарушено и центростремительные тенденции в этой сфере сменились центробежными. Причем все это происходит на фоне уменьшения доли бе-

лого населения, которое по оценкам многих демографов, уже в середине нынешнего столетия может оказаться меньшинством в Америке.

В условиях тектонических технологическо-производственных сдвигов, изменений в расовом, культурном и языковом составе населения страны, ситуации ценностного кризиса и исчерпанности модели финансиализированной экономики, доминат не смог осуществить радикальной политической реформы. В итоге, федеральная власть вот уже не первый год находится в состоянии, характеризуемом параличом, несогласованностью и ситуативными, а не стратегическими действиями. Не случайно едва ли не самой популярной за последние годы книгой о политической системе Америки стала работа Н. Лофгрена, проработавшего почти 30 лет в Палате Представителей и Сенате США, «Игра окончена: как республиканцы сошли с ума, демократы стали бесполезными, а средний класс был обманут». Возможно, наиболее ярким свидетельством Холодной американской гражданской войны являются текущие президентские выборы.

Если внимательно наблюдать за ходом избирательной кампании 2016 г. и анализировать не только результаты выборов, но и структуру спонсоров каждого из кандидатов, а также поддерживающие их средства массовой информации, можно сделать однозначный вывод. Высокотехнологичная Америка – Америка Третьей (Четвертой) производственной революции – сознательно устранилась из предвыборной гонки. На этих президентских выборах среди кандидатов нет ее представителя. Борьбу ведут прямо-таки олицетворение глобальной финансовой элиты Хиллари Клинтон и Дональд Трамп, олицетворяющий подчиненную

финансистам позднеиндустриальную Америку. За ним стоит в основном капитал, задействованный в промышленности, в сфере услуг и строительства, и вступившее с ними в союз подавляющее большинство американцев преимущественно с европейскими предками (так называемая «Америка реднеков»).

Позволю себе высказать прогноз, а заодно объяснить, почему Америка (Четвертой) ей производственной революции сознательно пропускает эти выборы. Если предположить невероятное и представить себе президентские выборы, где Х. Клинтон с ее вице-президентом противостояла бы пара Трамп и Сандерс, вполне вероятна была бы победа последних. Однако сила властвующей элиты и глобальные резервы господствующего одного процента финансистов в Америке столь велики, что у Х. Клинтон есть огромное преимущество перед Д. Трампом. Впрочем, Америка – удивительная страна, в которой случается всякое – от импичмента до убийства президента, поэтому в последний момент в избирательную кампанию 2016 г. может прилететь неожиданный черный лебедь, или выскочить какой-нибудь «черт из табакерки».

Гораздо важнее причина, по которой высокотехнологичная знаниевая элита и ее союзники в других ресурсных группах не выдвинула собственного кандидата на выборах 2016. Внимательный анализ высказываний лидеров, владельцев и советников компаний, связанных с Третьей (Четвертой) производственной революцией показывает, что в ближайшие годы они не просто ожидают, а уверены в начале крупнейшего экономического кризиса, по своим последствиям большего, чем кризис 2009 г. Соответственно, по их мнению,

в кризис лучше не нести бремя нахождения у власти с неизбежной ответственностью и неприятием населением. Лучше использовать кризис, который, несомненно, сильнее всего ослабит глобальную и американскую финансовые элиты для перехвата управления и смены домината в правящем американском глобальном классе. Высокотехнологичная Америка – это, прежде всего, Америка цифр и алгоритмов. Она прекрасно знает, что в течение последних 50 лет каждые восемь-девять лет страну сотрясал тяжелый циклический кризис. Если вспомнить, что последний кризис разразился в 2009 г. и был в значительной степени искусственно «залит» деньгами Америка третьего высокотехнологичного контура отдает себе отчет, что следующий президент США будет вынужден принять на себя удар очередного кризиса, который будет гораздо сильнее, чем кризис нулевых.

Война идет не на жизнь, а на смерть. И не только в Америке, а по всему миру. Ее внешним проявлением, например, является дело Э. Сноудена, которого втемную финансовые элиты и связанная с ними часть разведывательного сообщества США использовали против высокотехнологичных элит и другой части разведывательного сообщества. В том же ряду стоят не только не прекращающиеся, но все более нарастающие скандалы с оффшорами по всему миру – от Кипра, Виргинских островов и до Панамы. Причем, можно быть уверенным, что Центральноамериканской страной дело не закончится. Оффшоры – это не просто безналоговая юрисдикция, а несущая конструкция глобальной, в основном теневой, финансовой системы. Эта система очень далека от классического капитализма

и представляет собой его болезненную мутацию, которыми как правило сопровождаются терминальные периоды существования того или иного строя.

У нас в стране к месту и не к месту любят цитировать известный афоризм Александра Третьего о том, что у России нет других друзей, кроме ее армии и флота. В каком-то смысле этот тезис справедлив. Однако в хищном, жестоком и турбулентном мире важно иметь если не друзей, то партнеров. А еще важнее использовать противоречия и расколы, обращая чью-то слабость в собственную силу. Главное же, надо использовать имеющиеся у России шансы и задел для скорейшего развертывания Третьей (Четвертой) производственной революции в нашей стране. Если ты сильный, то у тебя будет всегда много друзей и союзников. К тому же технологическая сила, как никакая другая, подпитывает военную, экономическую, политическую и медийную.

ВОЕННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ФИНАНСОВЫЙ КОМПЛЕКС США

Финансово-экономические войны – это конфликты нового типа, характеризующиеся, подобно кибервойнам, неопознанностью, неизвестностью сроков начала и завершения операций, тщательным сокрытием боевого инструментария, отсутствием международных правовых норм регулирования подобных конфликтов и т.п. При этом финансово-экономические войны по природе являются именно войнами. Как писал К. Клаузевиц: «Война... является актом насилия, чтобы заставить нашего противника выполнить нашу волю». В нынешних условиях вопрос стоит еще более жестко. Финансово-экономические войны представляют собой способ превращения страны, ее народа и политического руководства из субъекта в объект, инструмент и даже ресурс для удовлетворения национальных интересов Америки.

На сегодняшний день не существует ни одной публикации на русском и английском языках, в которых бы феномен ВРФК рассматривался системно. В этой связи рассмотрение стоит предварить формулированием неск4ольких ключевых принципов, определяющих раскрытие природы финансово-экономических войн.

Первый – опираться исключительно на проверяемые факты, а не на оценочные суждения и гипотетические соображения. Каждый вывод расследования подкреплен большим массивом официальных американских материалов, книг, написанных инсайдерами ВРФК, многочисленными документами и докладами, содержащимися в «невидимом интернете», а также дискуссиями с людьми, в прошлом имевшим отношение в ВРФК и т.п.

Второй – смотреть вперед, а не назад. При всей важности и продолжающемся применении испытанных методов, как «управление хаосом», «оранжевые революции», «мягкая сила» и т.п. нельзя не отметить, что их эффективность стремительно снижается. Им на смену идут новые, гораздо более высокотехнологичные, эффективные и скрытные методы и инструменты обеспечения глобального американского доминирования. Ключевую роль в их числе играют финансово-экономические и поведенческие инструменты и технологии.

Третий – к противнику надо относиться с уважением и рационально, а не шапкозакидательски и эмоционально. В этой связи важно максимально дистанцироваться от каких-либо оценок, эмоциональных аргументов и приуменьшения возможностей ВРФК. Эмоционально-оценочный подход к ключевым проблемам вреден в нашем переменчивом мире и еще по одной причине. Как говорил Александр III: «У России есть только два союзника – ее армия и флот». У любой страны в реальном мире, а не в мире геополитики с вечной враждой суши и моря, нет вечных врагов и вечных друзей. Постоянны лишь национальные интересы России. Поэтому в турбулентном мире вчерашние враги могут оказаться завтрашними партнерами и даже

союзниками, и наоборот. Поэтому проводя безжалостный анализ противника, не стоит опускаться до оскорблений. Более дальновидно всегда оставлять дверь приоткрытой для возможных будущих контактов и взаимодействий.

В Стратегии национальной безопасности США 2015, выдвинутой Б. Обамой, и в Стратегической оборонной инициативе, реализуемой Пентагоном, четко указано, что суть национальной безопасности страны состоит в обеспечении американской исключительности, глобального доминирования и всемирного лидерства. При этом в Америке нет больше разделения на гражданский и военный сектора. В официальных документах указано, что любая высокая технология, независимо от того, относится ли она к технике, финансам, организации и т.п., является технологией двойного назначения, которую можно использовать и в гражданских, и в военных целях. Соответственно, сегодня в США больше нет разделения на оборонные и гражданские отрасли. Все отрасли и сферы американской экономики при координации федеральных органов власти, Президента и Конгресса, отныне работают на нужды национальной безопасности, понимаемой как обеспечение глобального лидерства.

Поэтому анализ федеральной структуры ВРФК целесообразно начать с ее видимой части. Наиболее полная информация на этот счет содержится в недавно изданном ограниченным тиражом справочнике «US Intelligence Community Law Sourcebook». Головная структура видимой части айсберга ВРФК – Министерство финансов США в лице заместителя министра по вопросам терроризма и финансовой разведки, и подчиненных ему подразделений и структур. До недавнего времени

заместителем министра был наиболее известный теоретик и практик финансовой разведки и наступательных финансово-экономических акций Д.Коэн, который в настоящее время стал вторым человеком в ЦРУ.

Под началом заместителя министра работает Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). Это бюро занимается сбором информации и первичным анализом миллионов финансовых транзакций, осуществляемых по всему миру. Согласно законодательству, FinCEN отслеживает транзакции в целях борьбы с внутренним и международным отмыванием денег, финансированием терроризма, криминальными финансовыми операциями, а также финансовыми и инвестиционными операциями, которые могут поставить под угрозу национальную безопасность США, понимаемую в широком смысле, и целостность ее финансовой системы. Решения о том, чьи счета и транзакции могут отслеживаться принимаются в подавляющем большинстве случаев не в судебном, а в административном порядке. В тех же случаях, когда требуется решение суда, его выносит закрытый не только для рядовых американцев, но и большинства конгрессменов, специальный суд – United States Foreign Intelligence Surveillance Court. В настоящее время в системе контроля транзакций задействовано около 50 тыс. финансовых институтов, банков и инвестиционных компаний не только в Америке, но и по всему миру.

Если FinCEN является разведывательной структурой, то Office of Foreign Assets Control (OFAC) – это структура активных операций. Она на практике обеспечивает выполнение программ санкций, введенных против юридических и физических лиц, ко-

торые реально или вероятно угрожают национальной безопасности США в ее понимании правящей элитой. Деятельность OFAC направлена на строгое соблюдение санкционных ограничений, недопущение каких-либо деловых, торговых, финансовых отношений со странами, юридическими и физическими лицами, подвергнутых санкциям. Также эта структура во внесудебном порядке, в соответствии с административными решениями вправе блокировать любые активы, денежные средства, интеллектуальную собственность любых юридических и физических лиц, которые угрожают, либо могут угрожать национальной безопасности. Именно OFAC ответственен за борьбу с хакерами, компьютерными террористами и другими айтишниками, угрожающими интересам Америки при помощи финансовых инструментов. OFAC блокирует их счета, замораживает активы, приостанавливает транзакции. Все эти акции в соответствии с американским законодательством OFAC может осуществлять без решения суда, с санкции заместителя министра финансов по разведке.

Кроме того, в видимую структуру, находящуюся внутри министерства финансов входит Office of Intelligence and Analysis (Treasury Department). Эта структура отвечает за углубленный анализ и занимается координацией видимой части ВРФК. Согласно имеющимся оценкам, в настоящее время в Министерстве финансов и подведомственных ему структурах, заняты финансовой разведкой и активными наступательными операциями в этой сфере около тысячи человек. Система использует как собственную компьютерную сеть, так и инфраструктуру других агентств, входящих в американское разведывательное сообщество, в том числе

АНБ. Кроме того, заместитель министра финансов по финансовой разведке и терроризму координирует деятельность ряда агентств, подчиненных министерству внутренней безопасности и связанных с контролем периметра торговых, физических и иных границ США.

Скрытые структуры и агентства с намеренно неопределенными функциями анализировать всегда сложнее, чем органы и учреждения с детально прописанными полномочиями, правами и ответственностями. Если о деятельности разведывательных подразделений министерства финансов известно достаточно много, то этого не скажешь о других компонентах разведывательного сообщества США. Поэтому значительная часть литературы, относящейся к подобным структурам, носит вульгарно конспирологический характер, наполненный различного рода домыслами и вымыслами. В то же время в последние годы в США вышло несколько серьезных, документированных исследований по невидимой части айсберга военно-разведывательно-финансового комплекса США (ВРФК): «National Security and Double Government» Michael J. Glennon (2014 г.); «Lords of Secrecy: The National Security Elite and America's Stealth Warfare» Scott Horton (2015 г.) и «Shadow Government: Surveillance, Secret Wars, and a Global Security State in a Single-Superpower World» Tom Engelhardt (2014 г.).

Даже специалисты, как правило, не относят Секретную службу США (USSS) к структурам, входящим в ВРФК. В настоящее время агентство подчинено министерству внутренней безопасности, а до 2003 г. было подведомственно министерству финансов США. Полагают, что главная задача USSS – охранять президентов, вице-президентов,

их семьи, высокопоставленных чиновников и т.п. Многие полагают, что USSS выполняет примерно те же функции, что российская ФСО и другие аналогичные службы европейских государств. Однако если открыть документацию USSS, то обнаружатся неожиданные обстоятельства. В соответствии с уставом одной из главных задач USSS является предотвращение подделки американских денег, долговых обязательств, прочих ценных документов. Кроме того, Секретная служба имеет полномочия заниматься расследованием особо крупных финансовых махинаций и внутренних преступлений, требующих доступа к особо секретным и конфиденциальным документам. Достаточно подробный, свободный от спекуляций, анализ USSS можно обнаружить в книгах «In the President's Secret Service: Behind the Scenes with Agents in the Line of Fire and the Presidents They Protect» Ronald Kessler и «The Secret Service: The Hidden History of an Enigmatic Agency» Philip H. Melanson.

История зафиксировала много случаев прямого задействования USSS в тайных, активных финансово-экономических операциях, направленных против определенных элитных групп, в том числе в зарубежных странах, и даже против целых государств. Не пренебрегали возможностями проведения тайных финансово-экономических операций и сами американские президенты. В книге «The King of Oil: The Secret Lives of Marc Rich» Daniel Ammann подробно рассказал как, базируясь на информации, собранной USSS, Билл Клинтон в последний день своего президентства, пользуясь американской традицией, помиловал, избавив от законодательного преследования, крупнейшего нефтяного магната и неплатильщика налогов Марка Рича.

Марк Рич за уклонение от уплаты налогов, а также многократные нарушения режима санкций в отношении целого ряда государств был приговорен к 325 годам тюремного заключения и многомиллионному штрафу. Помилование не прошло бесследно. В дальнейшем бывшая жена Рича – Денис сделала три добровольных пожертвования Демократической партии в общей сложности на сумму около 1 млн.долларов, в том числе она спонсировала предвыборную кампанию Хиллари Клинтон и внесла солидный взнос на создание президентской библиотеки Б.Клинтона.

Этот случай не является единичным. Во время президентства Буша-младшего, вице-президент Дик Чейни, по мнению компетентных исследователей, активно использовал фактически подчиненную ему USSS для оказания давления на американских и зарубежных конкурентов корпорации Halliburton, с которой он был тесно связан. По данным известного немецкого журнала Focus, корпорация заработала на подрядах, связанных с войной в Ираке более 40 млрд. долларов. Об этом в частности приводятся документальные свидетельства в книге «Vice: Dick Cheney and the Hijacking of the American Presidency» Lou Dubose, Jake Bernstein (2006 г.).

Известно, что Секретная служба, совместно с ЦРУ в преддверии войны в Ираке, по указанию Д. Чейни, осуществила подкуп нескольких высокопоставленных генералов из окружения С.Хусейна. Их предательство в значительной степени предопределило бескровное взятие Багдада американцами. Таким образом, деятельность USSS является ярким свидетельством того, что видимые и особенно скрываемые, сегменты ВРФК проводят активные

наступательные операции не только в ходе межгосударственных финансово-экономических войн, но и обслуживают частные интересы различных представителей американской правящей элиты.

Одной из наиболее оберегаемых тайн американского разведывательного сообщества США было участие в ВРФК Агентства национальной безопасности, или как его еще называют – Агентство, Которого Нет (NCA). До разоблачения Э. Сноудена главным источником информации об АНБ были книги Д. Бэмфорда. Ни в одной из его трех разоблачительных книг об Агентстве нельзя не найти ни строчки об участии структуры в ВРФК. Первые документальные сведения об этом обнаружились среди материалов Э. Сноудена. При этом характерно, что ни The Guardian, ни The Washington Post, получившие за публикации разоблачений Э. Сноудена Пулитцеровскую премию 2014 г., ни словом не обмолвились об участии АНБ в ВРФК. Подробные материалы на этот счет были опубликованы немецким журналом Der Spiegel в серии материалов «Цифровые вооружения Америки: АНБ готовится к будущим войнам», подготовленной Лаурой Пойтрас.

Материалы постарались замолчать не только в Америке, но и не допустить в медийное пространство в других странах мира. Из опубликованных материалов Сноудена выяснилось, что в структуре АНБ действует отдельное мощное подразделение мониторинга и анализа финансовых потоков (MAFF). Опубликованные секретные документы показывают, что по состоянию на 2011 г. финансовая база данных АНБ Tracfin содержала в себе данные о банковских переводах, операциях с кредитными картами и иными финансовыми транзак-

циями, осуществленными 180 млн. объектами, т.е. физическими и юридическими лицами. В 2014 г. база включала уже 600 млн.объектов. А по оценкам экспертов, к 2017 г. она охватит все доступные для идентификации объекты. После разоблачений Сноудена в американском конгрессе были проведены специальные слушания. Была сформирована комиссия, призванная уточнить разрешенные законодательством полномочия АНБ. По итогам работы комиссии было принято решение, что деятельность MAFF в полном объеме является законной и обеспечивает жизненно важные интересы Америки, а соответственно будет без ограничения продолжаться.

Наиболее политически взрывоопасными являются сведения о тайном доступе АНБ к системе SWIFT. С начала XXI века АНБ занималось перехватом трафика путем подключения к оптоволоконным линиям SWIFT, а также прямым перехватом трафика на основе имеющихся доступов к протоколам передами и криптографическим ключам шифрования.

АНБ много лет пыталось получить прямой санкционированный доступ к системе SWIFT. Удалось это лишь в 2010 г. После разоблачений Э. Сноудена санкционированный доступ АНБ к системе SWIFT был существенно ограничен. Однако сделать из яичницы яйцо уже не получится. Разместив однажды в сети SWIFT свои шпионские программы АНБ, по мнению компетентных специалистов, продолжает получать все необходимые данные относительно транзакций, передаваемых по системе международных банковских платежей SWIFT, как от системы, так и непосредственно из банков, в нее входящих. На прошедших в 2016 г. конференциях

специалистов по финансовым транзакциям были приведены убедительные свидетельства, что АНБ продолжает контролировать SWIFT в полном объеме.

У АНБ имеется специальная программа Dishfire , которая позволяет собирать информацию о транзакциях по кредитным картам из 70 крупнейших банков-эмитентов и держателей основных корреспондентских счетов по кредитным картам. Агентство имеет глубокие знания о процессинге кредитных карт, в первую очередь American Express, Visa и MasterCard.

Секретные документы показывают, что АНБ несколькими способами осуществляет доступ к внутреннему трафику SWIFT, который охватывает более чем 8 тысяч крупнейших банков по всему миру несколькими способами. Полученная на основе финансовых транзакций информация дает практически полную картину деятельности физических и юридических лиц, их партнеров, клиентов, контрагентов по всему миру, включая врагов и конкурентов США. Она позволяет отслеживать их деятельность практически в режиме реального времени, быть в курсе передвижений, получать полную информацию об имеющихся у них проблемах, конфликтах, трудностях.

Сегодня ни у кого не возникает сомнений, что за сетью TOR, которую используют криминал, хакеры, хактивисты и т.п. стоит военно-морская разведка США. Вот уже несколько лет многие специалисты в области криптографии упорно связывают появление блокчейна с деятельностью АНБ. Опираясь на несколько публикаций еще 90-х годов прошлого века. Наконец, не является секретом, что многие компании – производители программ-

ного обеспечения для мобильных платежей, в том числе заменяющий привычные кредитные карты, финансируются из венчурных фондов, прямо и косвенно связанных с разведывательным сообществом США.

Принимая во внимание, что согласно опубликованным 30.08.2013 г. материалам газеты The Washington Post, миллионы компьютеров и серверов банковских и других финансовых институтов по всей планете заражены так называемыми «секретными имплантатами», вредоносным кодом, способным выполнять как разведывательные, так и боевые разрушительные задачи. Не будет преувеличением сказать, что АНБ ведет необъявленную финансово-экономическую войну против мировой финансовой системы.

Пока речь шла о федеральных агентствах, прямо подотчетных Президенту США и входящих в разведывательное сообщество.

В отличие от АНБ, которое до разоблачений Э. Сноудена из-за закрытости и отсутствия утечек называли Агентством Которого Нет, ЦРУ на протяжении почти 70 лет своего существования находилось в центре скандалов, разоблачений и т.п. В определенной мере утечки сведений из ЦРУ позволили узнать многое о деятельности агентства, его методах и целях. Однако, не зря существует пословица: хочешь что-то спрятать, положи на видное место.

Материалы, посвященные грязным делам ЦРУ, нарушениям агентством не только международного, но и американского законодательства, при всей своей разоблачительной силе одновременно выполняли функцию прикрытия еще более серьезных, тщательно скрываемых и долговременных

операций. Речь идет о ключевой роли ЦРУ в разработке и ведении финансово-экономических и технологических войн США не только против врагов и потенциальных противников, но и союзников и партнеров.

До настоящего времени нет ни одной фундаментальной работы, посвященной анализу роли, методов, технологий и конкретных операций ЦРУ в ходе жестких финансово-экономических и технологических противоборств, имеющих все признаки войн, в которых агентство участвовало последние 70 лет. Тем не менее, определенная разрозненная информация на этот счет существует в различного рода аналитических и мемуарных источниках, а также публикациях материалов расследований Конгресса США.

ЦРУ – одна из самых молодых служб политической разведки в мире. Она была создана лишь после завершения Второй мировой войны. Изначально на руководящие и ключевые должности в агентстве рекрутировались не кадровые военные разведчики, не университетские аналитики, а прежде всего добившиеся высоких профессиональных достижений представители ведущих адвокатских фирм Восточного побережья США и уоллстритских банков. Как показывают результаты анализа различных аналитических методов, одним из наиболее эффективных является так называемый «генетический метод». Он увязывает успехи и неуспехи организации, методы ее работы, писаные и неписаные правила, сохраняющиеся в организации не просто на годы, а на целые десятилетия с личностями и традициями первооснователей.

Соответственно, следуя генетическому методу, в ЦРУ без труда можно выделить особую значимость

для организации сбора разведывательной информации и проведение активных наступательных, или попросту говоря, боевых операций именно в финансово-экономической сфере. Эта сфера была ближе всего для тех людей, кто основал ЦРУ и долгие десятилетия определял его облик.

Финансово-экономическая сфера проведения подрывных операций на валютных, финансовых рынках и т.п. стала своего рода визитной карточкой Агентства. Эта ситуация не только сохраняется, но и еще более усиливается в наши дни в связи с переносом акцентов с открытых, распознаваемых методов жесткого противоборства и войн с противниками Америки на скрытые, нечеткие, малоидентифицируемые способы нанесения реальным и потенциальным противникам Америки ущерба превращения их из субъектов в объекты и ресурсы американского развития.

Характерно, что первой официально признанной в Соединенных Штатах наступательной операцией стала отнюдь не акция против СССР, как можно было подумать, а атака на британский фунт и британские валютные ресурсы в 1956 г. Тогда Великобритания и США разошлись в отношении к Суэцкому кризису 1956 г. Об этом со всей ясностью написано в недавно опубликованной книге Х. Запате, одного из бывших руководителей финансовой разведки США, а ныне лидера ведущего думающего танка, специализирующегося на финансово-экономических конфликтах и противоборствах.

В 60-е годы Соединенные Штаты сделали ставку на телекоммуникационные технологии и вычислительную технику, имея в виду завоевать господство в грядущем киберпространстве. Из истории хорошо известно, что тот, кто контролирует ресурсы

и торговые пути, тот господствует над миром. Идея американцев была проста: базируясь на достижениях американской науки и технологий, взять под контроль системы обработки информации и сеть циркуляции глобальных информационных потоков. Научный совет при президенте США поручил Пентагону, ARPA, корпорации MITRE и крупнейшим университетам заняться тем, что сегодня получило название интернет. Гораздо менее известно, что параллельно разрабатывалось два альтернативных проекта. В корне неправильным было бы называть их российским и британо-чилийским интернетом. В эти проекты были заложены принципиально иные подходы к организации информационных потоков и вычислений. В значительной степени они похожи не на интернет прошлого, а на всемирную сеть будущего с разнообразными сетями, большими данными и когнитивными вычислениями.

В конце 60-х гг. ЦРУ преступило к реализации программы SRC. В вольном переводе на русский, программа называлась «Остановить или сломать красный код». Согласно воспоминаниям выдающегося советского кибернетика В Глушкова – отца проекта ОГАС, ЦРУ разместило в знакомых по Э. Сноудену газетах Washington Post и Guardian статьи под названиями «Перфокарта управляет Кремлем» и «Цифра сменяет Ленина». Статьи в газетах написал В. Зорза, который длительное время сотрудничал с МИ-6, а затем десятилетие – с ЦРУ. Используя агентов влияния, в 1972 г. в «Известиях» за подписью руководства Института США была опубликована статья «Уроки электронного бума», где доказывалось, что Соединенные Штаты отказались от развития ЭВМ и электронных телекомму-

никаций. Примерно в тот же период ЦРУ, согласно воспоминаниям В.Глушкова организовало на него ряд покушений.

Таким же образом ЦРУ действовал и в Чили против автора проекта «Киберскин», знаменитого британского исследователя Д.С. Бира. После свержения С. Альенде, ЦРУ захватило всю документацию, технику проекта, а самому Биру не дало возможность нигде в мире заниматься развитием своего варианта информационной среды.

В 80-е годы Директор ЦРУ У.Кейси стал автором плана финансово-экономической войны против СССР. Этот план включал манипуляции ценами на нефть, навязывание разорительной гонки вооружений, отвлечение ресурсов страны на войну в Афганистане, и наконец, поставку заведомо бракованных и негодных оборудования, технологических линий, программных решений и т.п. Разработка и реализация планов досконально описана в книге Д. Швейцера «Победа», написанной на основе интервью с У. Кейси и другими ключевыми деятелями кабинеты Р. Рейгана.

Роль ЦРУ как ключевой структуры ВРФК не только не уменьшилась, но и более того, возросла в десятые годы XXI века. В определенной степени это связано с разоблачениями Э. Сноудена и последовавшими за ним преобразованиями в структуре американского разведывательного сообщества. Свою роль сыграло и пристальное внимание американской общественности, различных политических, социальных и бизнес групп к вопросам проведения разведывательной деятельности и осуществления тайных операций, активированные скандалом вокруг АНБ.

В нынешних условиях именно ЦРУ в наибольшей степени подходит для проведения активных наступательных финансово-экономических операций. Это в решающей степени связано не только с писанными и неписанными традициями агентства, но и с особенностями американского законодательства. Центральное Разведывательное Управление, хотя и формально подчиняется Президенту США, является независимым от федерального правительства США агентством. Оно создано Конгрессом США для обеспечения задач, находящихся за рамками законодательства страны. Независимость агентства выражается в частности в том, что президент не может самостоятельно назначить или уволить главу агентства, а лишь представляет его кандидатуру Конгрессу.

В самом же Конгрессе значительная часть вопросов, связанная с ЦРУ, может рассматриваться исключительно комитетами по разведке, Сената и Палаты Представителей, в том числе на секретных заседаниях. В общем, если детально проанализировать комплекс юридических документов, регламентирующих деятельность агентства, приведенных в недавно вышедших в свет фундаментальных работах The Central Intelligence Agency [2 volumes]: An Encyclopedia of Covert Ops, Intelligence Gathering, and Spies Hardcover, Jan Goldman (2015г.) и US Intelligence Community Law Sourcebook Paperback, Andrew M. Borene (2014 г.), возникает устойчивое мнение, что полностью всей информации о деятельности агентства по одиночке не обладают ни президент, ни Конгресс, ни даже координирующий деятельность американского разведывательного сообщества Директор национальной разведки. Каждый из них имеет всю информацию в части,

установленных для него законодательством компетенций.

Казалось бы, в соответствии с действующим законодательством Президент США имеет полную информацию о так называемых «тайных операциях». Действительно, именно президент по согласованию с Конгрессом обладает исключительным правом принимать решение по тайным операциям. Однако само по себе определение тайных операций в американском законодательстве весьма расплывчатым и определено решением Совета Национальной Безопасности еще от 1948 г.

Активные или наступательные финансовые операции, связанные с дестабилизацией валютных, сырьевых, инвестиционных рынков, вообще не подпадают под определение тайных операций. Они относятся на сленге американских разведчиков к так называемым «нечетким (fuzzy) операциям». Что касается подобных операций, то они вообще не регламентируются законодательством. На практике в их отношении используется принцип plausible denial, т.е. правдоподобного отрицания – «я не я, и лошадь не моя».

Поэтому не случайно, что ключевым разработчиком реформы ЦРУ стал бывший руководитель финансовой разведки США Д. Коэн. Именно он сегодня осуществляет реорганизацию ЦРУ, являясь по существу вторым человеком в организации. При этом в ЦРУ также как и в других структурах, первый руководитель – это, как правило, политический назначенец, а второй – человек, который реально держит в руках все нити стратегического и оперативного руководства организацией. В этой связи не может не настораживать тот факт, что согласно сведениям многих осведомленных инсайде-

ров в Вашингтоне и журналистов-расследователей, в рамках создания внутри ЦРУ новых структурных подразделений – координационных центров, которые будут отвечать за весь спектр – от сбора информации до проведения активных операций, предусматривается создать структуру, связанную с финансово-экономическими противоборствами. В сегодняшнем турбулентном мире ЦРУ с его нечеткими, скрытыми операциями становится ключевой, но не единственной структурой невидимой части айсберга ВРФК.

Ни в одной из профессиональных публикаций, включая книги и статьи, по вопросам финансово-экономических и валютных войн ФРС ни разу не упоминалась в качестве ключевой составляющей, своего рода несущей конструкции ВРФК. Пожалуй, единственными серьезными книгами, в которых ФРС прямо увязывается с финансово-экономическими войнами и противоборствами, стали уже упоминавшиеся в расследовании книги крупного американского инвестора, бывшего советника директоров ЦРУ и Национальной разведки по финансовым угрозам и асимметричным конфликтам Джима Рикардса Currency Wars: The Making of the Next Global Crisis и The Death of Money: The Coming Collapse of the International Monetary System, недавно изданные на русском языке.

При этом обе книги – это не обобщающие аналитические работы, а нон-фикшн, или как говорят в России – документальная литература о карьере инвестора и его участии в военных играх, посвященных валютным и финансовым войнам. В обеих книгах с указанием конкретных мест, участников, среди которых заметное место занимали ответственные лица ФРС, авто описывает военные игры,

имитировавшие наступательные и оборонительные операции на глобальных валютных и финансовых рынках.

Несмотря на безусловную успешность Джима Рикардса как инвестора, его высокий авторитет как аналитика и присутствие обеих книг в списках глобальных бестселлеров, тема не только в англоязычной, но и в мировой аналитической литературе не нашла должного развития.

Следует подчеркнуть, что факт вовлеченности ФРС в финансово-экономические войны и целенаправленные противоборства, а также осуществление экономических агрессий, категорически отрицается как официальными лицами американской администрации, так и руководством Федеральной Резервной Системы. Ни в одном из профессиональных изданий, посвященных американской разведке, либо национальной безопасности, ФРС не фигурирует в качестве агентства, имеющего какое-либо отношение к разведывательным, либо военным функциям. Более того, сама по себе постановка такого вопроса тут же влечет в Соединенных Штатах, Великобритании и даже Европе автоматическое обвинение в конспирологии.

Однако к настоящему времени имеется более чем достаточно фактуры, позволяющей сделать не публицистический, а вполне аналитический вывод о том, что Федеральная Резервная Система является ключевой структурой ВРФК. В нашей стране издано немало книг о ФРС. Однако все они носят разоблачительный публицистический характер. Бесспорно в лучших работах, таких как книги Ю. Муллинса «Секреты Федеральной резервной системы», У. Энгдаля «Боги денег. Уолл-стрит и смерть Американского века», Р.Пола «Покончить

с ФРС», В. Катасонова «Хозяева денег. 100-летняя история ФРС», содержится много глубокой, достоверной фактической информации. Однако любая публицистическая книга изначально посвящена доказательству того или иного тезиса, а потому на материал в ней излагается пристрастно. В Америке ФРС также посвящены в основном публицистические работы противоположной направленности: одни занимаются апологетикой Федерального Резерва, другие же разоблачают его козни. Аналитических беспристрастных работ, базирующихся, прежде всего, на массивах документов, сведений и зачастую противоречивых фактов – единицы. Едва ли не лучшей из них является трехтомная книга Allan H. Meltzer A History of the Federal Reserve, 1913-1986. Для понимания реальности полезны также не столько парадные автобиографические книги, сколько изданные малым тиражом лекции последних председателей ФРС П. Уолкера, Д. Гринспена и Б. Бернанке.

Совокупность сведений, содержащихся в этих работах, позволяет говорить о том, что ФРС, созданная в свое время вполне определенной группой банкиров, преследовавших интересы Уолл-Стрит и Сити, превратилась в мощнейшую самодовлеющую самостоятельную организацию. Не будет преувеличением назвать ее отдельной ветвью власти не только в США, но и в глобальном масштабе. Часто можно услышать о первой, второй, третьей и даже четвертой и пятой ветвях власти. Не будет преувеличением сказать, что в метафорическом смысле ФРС является нулевой ветвью власти. Как известно, когда к какому-то числу прибавляется ноль, оно увеличивается на порядки. И наоборот, если какое-то число умножить на ноль, то получит-

ся этот самый ноль. Также и с ФРС. Сегодня расклад в американских и глобальных элитах в значительной мере зависит от расклада внутри ФРС и в связанных с ним других центральных банков, эмитирующих резервные валюты. Соответственно, они же определяющим образом не просто влияют, но и формируют ситуацию на финансовых, валютных, инвестиционных, и, в конечном счете, любых экономических рынках вообще. Возможности ФРС и других центральных банков, естественно, не безграничны. Они не могут отменить законы истории и цикличность экономического развития. Однако их мощи вполне достаточно для того, чтобы повергать экономики одних стран в депрессию, а другим – обеспечивать процветание и т.п.

Хотя формально ФРС имеет мандат на проведение денежной политики в интересах поддержания высокой занятости и низких темпов инфляции, она, пользуясь предоставленными рычагами, решает, прежде всего, собственные задачи и задачи, связанные с благополучием и сохранением господства Уолл-Стрит, Сити, Базеля и других финансовых центров, а также, как принято сегодня говорить – одного процента населения планеты вне зависимости от формального гражданства этих людей.

Когда в американской и британской литературе отрицается участие ФРС в осуществлении практической военно-разведывательной деятельности в Соединенных Штатах, то расчет строится на незнании официальных документов, опубликованных Конгрессом США. Еще в 2005 году руководитель специальной исследовательской группы Конгресса США M.A. Weiss опубликовал доклад Terrorist Financing: U.S. Agency Efforts and Inter-Agency Coordination. Хотя в материале ФРС не отнесена

к военно-разведывательным структурам, в нем показана ключевая роль Федерального Резерва в реализации Закона об отчетности по валютным и иностранным операциям, Закона о тайне вклада, Закона о деньгах и финансах, Закона о контроле над отмыванием денег и третьего раздела Патриотического акта.

В материале прямо и четко указывается, что реализация санкционной политики, контроль над транзакциями, осуществление мер против тех или иных юридических и физических лиц, угрожающих или могущих угрожать национальной безопасности США, осуществляется Министерством финансов США, и прежде всего структурами, курируемыми заместителем Министра по финансовой разведке и противодействию финансирования терроризма в тесном взаимодействии и координации с ФРС. При этом ключевым является то, что ни Министерство финансов, ни подведомственные ему структуры Finsen, о которых речь шла ранее, не имеют право вмешиваться в деятельность ФРС и получать оттуда какую-либо информацию. ФРС же, напротив, имеет право доступа к любой нужной для выполнения ее уставных задач и функций информации.

Кстати, в ходе слушаний в Конгрессе, связанных с разоблачениями Э. Сноудена также выяснилось, что именно ФРС имеет право беспрепятственного, в том числе одностороннего доступа, к любым базам данных о финансовых транзакциях и активах, находящихся в распоряжении АНБ.

Приведенные данные, полученные либо от ответственных должностных лиц под присягой, либо содержащиеся в официальных документах, позволяют сделать однозначный и доказательный вывод, что именно Совет Директоров ФРС распола-

гает всей полнотой данных, в том числе в режиме реального времени – о валютных, финансовых, инвестиционных рынках, и более того, о финансовых потоках и даже, в случае необходимости, конкретных транзакциях и активах.

Возникает вопрос – а зачем ФРС все это информационное богатство и как оно его может использовать? В формальном плане единственными функциями ФРС является определение кредитной ставки, эмиссия доллара, т.е. регулирование денежной массы и покупка государственных ценных бумаг. Ответ на поставленный вопрос носил бы исключительно гадательный и спекулятивный характер, если бы не случайная публикация все тем же Конгрессом США выступления нынешнего члена Совета Директоров ФРС Susan Schmidt Bies перед одним из комитетов Сената по вопросам реализации законодательных актов, связанных с борьбой с отмыванием денег, финансированием терроризма и организаций, угрожающих национальной безопасности США.

В числе прочих ей был задан вопрос, как ФРС взаимодействует в этой работе с соответствующим заместителем министра финансов США – заместителем министра по финансовой разведке и противодействию финансированию терроризма. Susan S. Bies ответила, что ФРС работает рука об руку с Министерством финансов, действует согласованно. Все отличие состоит в методах работы. Министерство финансов действует строго в соответствии с предусмотренными законодательными актами компетенциями, выполняя жестко прописанные процедуры. ФРС же, исходя из своего законодательного статуса, решает возникающие вопросы на неформальной основе. Приведенное выше

предложение, это сильно ужатая, но практически раскавыченная цитата. В переводе в английского языка, на котором говорят в Конгрессе, на общечеловеческий, это означает, что ФРС решает те или иные задачи за пределами законов Соединенных Штатом Америки, т.е. недокументированным образом. Данное обстоятельство впрочем, неудивительно, поскольку строго говоря, в ст. 1 части 4 Конституции США записано: «... выпускать деньги, регулировать их стоимость, а также стоимость иностранной валюты и устанавливать стандарты меры весов, должен Конгресс США». Фактически же этим занимается ФРС.

Соответственно, финансово-экономические войны и противоборства, регулируемые международными соглашениями и требующие принятия решений Конгрессом США, например, установление и наложение санкций, блокировку счетов, активов и т.п. осуществляют Президент, его администрация, Министерство финансов США и т.п. А финансово-экономические войны и инвестиционные агрессии, проводимые помимо и вне законодательной базы, а подчас и с ее нарушением, осуществляет ФРС и связанные с ней организации.

Помимо государственных структур с различным статусом в состав ВРФК входят частные подрядчики и другие удивительные организации. В 2010 г. Washington Post опубликовала серию сенсационных репортажей «Top Secret America». Из них мир впервые узнали о сверхсекретной Америке: огромной запутанной, скрытой от посторонних глаз сети государственных учреждений, частных компаний, исследовательских институтов и т.п., занятых разведкой и спецоперациями. Выяснилось, что в разве-

дывательный комплекс США входят более 1300 государственных организаций и частных компаний, занимающихся национальной безопасностью.

Данные расследования были значительно дополнены разоблачениями Э. Сноудена. Выяснилось, что на частных подрядчиков в 2013 г. приходилось не менее половины средств, расходуемых на национальную безопасность. Всего же, по данным одного из наиболее авторитетных электронных ресурсов Defenseone.com, на национальную безопасность тратится ежегодно более 1 трлн. долларов.

В Америке стираются границы между государственными и частными структурами, занятыми разведкой и национальной безопасностью. Все большая часть функций, традиционно выполняемых государственными структурами: министерствами, агентствами, службами, переходят к различного рода частным организациям – от корпораций до «думающих танков», от ЧВК до НКО. Этот курс закреплен в Стратегии Национальной Безопасности – 2015. Более того, в Соединенных Штатах происходит стирание границ между военно-промышленным комплексом и гражданской экономикой. Согласно Третьей стратегической оборонной инициативе, любая американская компания может рассматриваться как потенциальная или действующая составная часть системы национальной безопасности. Можно сказать больше: в современном мире нет больше отдельно гражданских и военных технологий. Любая высокая технология имеет даже не двойное, а тройное назначение: гражданское, военное и криминальное.

Тенденции сращивания государственных и частных структур, объединения мирных и военных технологий, снижения уровня общественного

контроля за структурами разведки и национальной безопасности в ВРФК проявляются сильнее, интенсивнее и отчетливее, чем в любом другом контуре, призванном обеспечить американское глобальное доминирование в мире.

Книги Дж. Рикардса, бывшего советника руководителей ЦРУ и Директора национальной разведки по финансовым угрозам и асимметричным конфликтам «Currency Wars: The Making of the Next Global Crisis», «The Death of Money: The Coming Collapse of the International Monetary System» и «The big drop» описывают военные игры, проводившиеся Пентагоном, ЦРУ и Министерством энергетики США с участием топ-менеджеров крупнейших банков и инвестиционных компаний Уолл-Стрит. На ежегодных играх отрабатывались оборонительные и наступательные действия на различных финансовых рынках – валютных, фондовых, товарных, включая рынки нефти, золота, металлов и т.п. Крупномасштабные военные игры обеспечивали информационные подразделения АНБ, в них была задействована суперкомпьютерная сеть Министерства энергетики, информационные агентства типа Bloomberg т.п. Эти игры имитировали финансово-экономические войны между США, Великобританией, ЕС, Россией, Китаем, а также между коалициями различного состава. Имитировались и острые конфликты, в рамках которых государства противоборствовали с надгосударственными структурами и неопознанными финансово-террористическими сетями.

Материалы книг, подтверждаемые немногочисленными, но подробно документированными, научными публикациями свидетельствуют, что крупнейшие банки и компании по управления ак-

тивами Уолл-Стрит являются неотъемлемым контуром ВРФК. Ключевую роль в ВРФК играют банки-маркетмейкеры. Это – известные всем Goldman Sachs, Bank of America, JPMorgan Chase, Morgan Stanley, Wells Fargo, City Group и Bank of New York Mellon. «Большая семерка», по сути, контролирует значительную часть международных финансовых и товарных рынков, определяет их динамику. В книге «13 банков, которые правят миром» С. Джонсона и Д. Квака с блистательным предисловием В. Геращенко, убедительно показано, что, по сути, эти банки вместе с ФРС уничтожили свободные рынки как таковые и превратили их в инструмент управления, господства и изъятия денег у различного рода у институциональных и частных инвесторов. Много инсайдерской информации на этот счет содержится в книге Д. Стокмана, в прошлом одного из высокопоставленных американских чиновников, основателя крупнейшей инвестиционной компании BlackStone и известного экономического аналитика «The Great Deformation: The Corruption of Capitalism in America».

Большая семерка является основным получателем практически бессрочных и бесплатных финансовых ресурсов от ФРС. В период наиболее острой фазы кризиса в 2008-2009 гг. эти, и подобные им, банки получили от ФРС на беспроцентной и, по сути, бессрочной основе по данным агентства Bloomberg от 2 до 3 трлн.долларов. Не просто господствуя, а формируя валютные и товарные рынки, пользуясь неограниченными финансовыми ресурсами ФРС, семерка банков представляет собой главную публичную силу Соединенных Штатов в финансово-экономических войнах.

Однако за спиной всем известных уоллстритских банков стоят еще более мощные и бесконтрольные структуры. Это – компании по управлению активами. Крупнейшая и наиболее загадочная из них – корпорация BlackRock во главе с Ларри Финком. В настоящее время под ее управлением находятся активы – в подавляющей части акции компаний – на сумму чуть менее 5 трлн. долларов США. Чтобы оценить масштабы господства, можно привести лишь одну цифру – капитализация компаний, включаемых в индекс S&P 500 составляет более 40 трлн. долларов, т.е. BlackRock контролирует более чем десятую часть корпоративной Америки.

В состав ВРФК входят и другие подобные монстры. К ним относятся, прежде всего, State Street Global, Vanguard Group, Fidelity Investments, Capital Group и Prudential Financial и т.п. Однако конкуренты BlackRock занимаются в основном пассивным инвестированием. Они продают и покупают акции и, как правило, не оказывают решающего влияния на советы директоров и топ-менеджмент компаний, чьими акциями владеют. Кроме того, конкуренты управляют значительно меньшими активами, чем BlackRock. Наконец, BlackRock – это единственная компания, которая не только является крупнейшим владельцем и управляющим активами, но и одновременно располагает мощнейшей платформой алгоритмического трейдинга, самостоятельно присваивает рейтинги компаниям и странам и, что совершенно невероятно, рекомендует правительству США, по каким ценам и какие конкретно активы ему покупать и продавать.

По сути, BlackRock, являясь по законодательству публичной торгуемой корпорацией, в каком-то смысле стоит над государством. Более того,

многие виды ее деятельности регламентируются совершенно секретными документами. Один из наиболее осведомленных в Америке людей, бывший председатель ФРС П. Волкер однажды назвал BlackRock самой могущественной финансовой корпорацией в мире.

Как и полагается главной сердцевинной структуре ВРФК, BlackRock существует в режиме абсолютной секретности. Хотя структура владельцев корпорации формально известна, однако детальные исследования позволяют сделать вывод, что в отличие от подавляющего большинства других крупнейших американских финансовых институтов, корпорация принадлежит весьма ограниченной группе лиц. О BlackRock, ее истории, владельцах и деятельности, в отличие от других американских корпораций, не написано ни одной книги, нет ни одного детального расследования.

Кратко очертив основные компоненты и контуры ВРФК можно переходить к анализу природы финансово-экономических войн. Эти войны, как отдельный вид противоборства, включенный в военную доктрину США и некоторых других стран мира, коренным образом отличается не только от традиционных военных конфликтов, но и от столь популярных сегодня кибер и информационных войн.

Недавно на семинаре в Лондоне экономический советник Президента Дж.Буша – младшего, руководитель лоббистской и консалтинговой компании, автор бестселлера «Signals: The Breakdown of the Social Contract and the Rise of Geopolitics» P. Malmgren сообщила, что по поручению военно-разведывательного сообщества США она подготовила 90-страничное исследование о финансово-

экономических войнах. На семинаре П. Мальмгрен сказала, что «руководство США всерьез рассматривает перспективу затяжного конфликта с Китаем и Россией с использованием кибер и финансово-экономических вооружений». Она отметила, что «будущие войны – это не привычные морпехи и танки, не только дроны и боевые вирусы, но и иные виды вооружений». По ее мнению, финансово-экономические войны «отличаются от обычных войн гораздо сильнее, чем столь популярные и обсуждаемые сегодня кибервойны». Просьбу объяснить, в чем заключаются эти отличия, Ф. Мальмгрен проигнорировала, сославшись на конфиденциальность. Поэтому постараемся разобраться с вопросом самостоятельно.

Чтобы понять специфику финансово-экономических противоборств воспользуемся чуть измененным определением войны, данным ведущими российскими стратегистами В. Ковалевым, С.Малковым и Г. Малинецким в только что опубликованном докладе «Если завтра война»: «Война (жесткое противоборство) – это такой способ ведения конфликта, при котором отсутствуют ограничения на масштабы, инструментарий и методы целенаправленного воздействия на участников конфликта».

Финансово-экономические войны ведутся в трех измерениях. Первое измерение – это торгово-экономическая сфера. Она включает в себя международные и внутристрановые потоки товаров, услуг и трудовых ресурсов. В рамках финансово-экономических конфликтов происходит ограничение возможностей тех или иных стран участвовать в международной торговле и/или приобретать

те или иные конкретные товары и услуги. Как правило, подобные ограничения реализуются через режимы санкций и эмбарго.

Второе измерение – это денежно-кредитная сфера. Подавляющая часть экономических операций носит не натуральный (или клиринговый) характер, а опосредуется деньгами (валютами). С денежным измерением теснейшим образом связано кредитование, а соответственно и долговая сфера. Как показал в книге «Долг: первые 5000 лет истории» Д. Гребер, долг появился намного раньше не только кредита, но и денег.

В СМИ финансово-экономические войны чаще всего сводятся к так называемым валютным войнам, т.е. целенаправленному использованию курса валюты для создания преференций в международной торговле и инвестициях. Еще одной формой финансово-экономических войн являются ограничения на предоставление кредитных ресурсов, реализуемые через режим санкций. Кроме того, при санкциях часто запрещается иметь финансовые отношения с теми или иными финансовыми институтами и физическими лицами. Наконец, в арсенал финансовых вооружений входит и реквизиция денежных средств и иных активов. В одних случаях, например, при борьбе с терроризмом и преступностью, такие меры носят международно признанный и обоснованный характер, а в других, могут выступать как элемент финансово-экономической войны. Гораздо реже к данной сфере относят использование возможностей эмиссионной системы одной страны для ослабления валют и деструкции систем денежного обращения стран-противников. Наиболее ярким примером такого вида денежных

войн является эмиссионная агрессия США против финансовых систем так называемых «новых индустриальных стран».

Третье измерение – это сфера финансовых или инвестиционных рынков. В настоящее время практически все – от товаров до интеллектуальной собственности, от прав собственности в форме акций до долгов – является финансовыми активами и обращается на инвестиционных рынках. Вдобавок к рынкам биржевых товаров, акциям, облигациям, государственным и корпоративным долгам, существует еще неуправляемый и постоянно растущий рынок производных финансовых инструментов или деривативов. Имеется множество неопровержимых свидетельств, что именно на инвестиционных рынках разыгрываются наиболее ожесточенные финансово-экономические сражения.

Например, в книге П. Швейцера «Победа» подробно описано, как администрация Р. Рейгана использовала манипуляции на рынке нефти для ослабления советской экономики и усиления деструктивных процессов в СССР. Финансово-экономические войны в этом измерении являются наиболее скрытыми и засекреченными. Как правило, информация о них подается либо в гипотетическом ключе, либо как рассказ о военных играх. Последний прием используется в книгах Д. Рикардса. Причина состоит в том, что по американскому и европейскому законодательствам любые манипуляции финансовыми рынками со стороны правительств, либо крупных банков и финансовых институтов, так называемых маркетмейкеров, не просто строжайше запрещены, но и караются многомиллиардными штрафами и длительными сроками тюремного заключения. Поэтому финансово-

экономические войны в инвестиционном измерении – это тайные войны, засекреченные еще более, чем акции ЦРУ, типа знаменитой операции «Гладио», описанной в книге Д. Гансера «Секретные армии НАТО».

Теперь о том, в чем же отличие финансово-экономических жестких противоборств от традиционных и даже кибервойн. Традиционные войны, если исключить крупномасштабную атомную войну, не меняют среду обитания. Даже подвергнувшийся страшным бомбардировкам и разрушениям город может быть восстановлен. Кибервойны, по крайней мере, пока, носят локальный характер и направлены на разрушение, либо взятие под контроль отдельных электронных ресурсов, баз данных, информационных сетей, либо электронных систем управления физическими объектами и инфраструктурами. Что касается результатов использования финансово-экономических вооружений, то они более похожи на гипотетические последствия применения климатического и геофизического оружия, чем на воздействие огневой мощи или программных вирусов.

Если санкционные воздействия, относящиеся, как правило, к первому, и частично ко второму измерениям финансово-экономических войн, близки по своему характеру к традиционным и кибер войнам, и зачастую являются их неотъемлемыми элементами, то совершенно иначе обстоит дело с эмиссионными агрессиями и тайными операциями на финансовых и инвестиционных рынках.

Никто в мире не может управлять мировой финансово-экономической системой, взятой во всей ее сложности и многообразии. По сути, она представляет собой такую же среду обитания че-

ловечества, как природа и искусственная среда. Мировая финансово-экономическая система – это, по сути, третья глобальная среда обитания, которая также как и первая, естественная среда далеко еще не познана. Соответственно никто не способен предвидеть всех последствий применения финансово-инвестиционных вооружений, нацеленных на дестабилизацию и деструкцию, или изменения тех или иных сегментов и секторов мирового финансово-экономического рынка.

Сегодняшняя мировая финансово-экономическая система не только безмерно сложна и динамична. Она к тому же турбулентна и неустойчива. Вдобавок, с повсеместным проникновением информационных технологий, все в глобальной финансово-экономической системе стало связано со всем. Соответственно любое воздействие в системе, помимо непосредственного эффекта может иметь совершенно непредставимые, разрушительные, в том числе для инициатора эффекта, последствия. По сути, тайные финансово-инвестиционные операции в нынешнем мире являются игрой в футбол на минном поле. Однако, к сожалению, это пока не останавливает определенные круги американской, британской и частично европейской элиты.

НЕФТЯНЫЕ ВОЙНЫ

Чтобы разобраться с будущим нефти и динамикой цен на этот ключевой ресурс, надо вернуться в прошлое. Примерно до 1985 г. существовал единственный рынок нефти. Это – рынок сырой нефти. Цены на нефть целиком определялись балансом мирового спроса и предложения. Именно это позволило, например, главе ЦРУ У.Кейси по соглашению с правящей династией Саудовской Аравии обвалить цены на нефть в 1982-1987 гг. Сделано это было до смешного просто. Саудовская Аравия, вслед за ней ОАЭ и Кувейт, и вынужденно СССР резко увеличили добычу нефти. Соответственно предложение стало заметно превышать спрос. Цены на нефть резко упали. Дорогая советская нефть стала замещаться на мировых рынках дешевой – аравийской. Некоторое увеличение экспорта советской нефти в 80-е гг., которое можно увидеть в статистических данных, объяснялось тем, что тогда СССР по бросовым ценам увеличил поставки в страны СЭВ, а также в так называемые «неприсоединившиеся» страны.

С конца 80-х гг. появился второй сегмент международного рынка нефти, который стал влиять на ценообразование. На рынке дебютировали фьючерсы. Это – контракты на поставку нефти в будущем по некоторой фиксированной цене. В основном эти контракты покупали опять же производители и по-

требители реальной нефти. Поэтому фьючерсные контракты были привязаны к цене реальной нефти и связаны с уровнем волатильности цен на нефть в краткосрочной перспективе.

В 1998 г. сначала в США по решению Администрации Б.Клинтона, а затем в Великобритании и Европе, а потом во всем мире была ликвидирована юридическая разница между коммерческими и инвестиционными банками. Был аннулирован закон Стигола-Гласса. До этого банки в соответствии со своим наименованием могли выполнять строго определенные функции. Например, коммерческие банки не могли за счет собственных средств и средств клиентов проводить операции на рынках акций и товаров.

Т.о. в начале XXI века широкое распространение деривативов наложилось на скачкообразное увеличение свободы финансовых институтов использовать на рынках капитала не только собственные, но и заемные средства. В самих деривативах нет ничего криминального. Это, производные ценные бумаги, чьи цены исходно зависят от цен на те бумаги, товары и т.п., которые они призваны страховать, защищать и т.п. Однако в силу того, что с одной стороны была ликвидирована разница между банками и финансовыми институтами, а с другой – на рынке появился новый вид активов – деривативы, сформировался огромный рынок так называемых «бумажных» активов. Нефтяные деривативы – это фьючерсы на фьючерсы, ценные бумаги производные от изменения индекса цен на сырую нефть, нефтепродукты, акции нефтяных компаний и т.д.

Примерно с 2001 г. рынок деривативов рос как на дрожжах. В настоящее время при мировом Ва-

ловом Внутреннем Продукте в год порядка 90 трлн. долларов, рынок деривативов составляет чуть менее 900 трлн. долларов. **К настоящему времени цены на деривативы, в т.ч. «бумажную» нефть не только практически оторвались от цены на реальную нефть, но и зависят только от спроса/предложения на бумажную нефть, определяя цены на реальную.** Контракты на бумажную нефть не предусматривают поставки реальной нефти, а являются исключительно средством финансовых спекуляций и получения на их основе доходов.

В результате развития финансовых рынков и изменения принципов ценообразования на любые активы, в т.ч. нефть, к 2014 г. сложилась следующая картина. В общем объеме сделок по нефти на международных рынках, сделки с реальной нефтью составляли на тот момент 5-7%. Еще примерно столько же приходилось на фьючерсные сделки, которые имеют прямое отношение к реальной нефти. Таким образом, рынок реальной нефти составлял в общей сложности 10-15% от общего объема сделок с нефтью на мировом рынке. Остальные 85-90% – приходились на «бумажную» нефть.

В этих условиях цена на нефть стала формироваться не столько соотношением спроса и предложения на реальную нефть, связанную с издержками ее добычи и транспортировки, сколько с операциями на спекулятивном рынке бумажной нефти. По оценкам экспертов, в начале 2014 г. в цене на нефть от 60 до 80% составляла надбавка, связанная со спекулятивной составляющей на нефть, сформированная рынком бумажной нефти.

Очень важно понимать ключевое обстоятельство, связанное с рынком бумажной нефти. Рын-

ком эта сфера является только по названию. Купля/продажа на рынке обязательно предполагает, что огромное число независимых продавцов заключает сделки с таким же огромным числом независимых покупателей. Соответственно цена на таком идеальном рынке формируется спросом и предложением, а также себестоимостью производства или добычи чего-либо. Когда говорят о рыночной экономике и рынке, имеют в виду именно такой рынок, где множество независимых конкурентных производителей и потребителей соревнуются между собой и заключают сделки.

Не считая тапочек, детских игрушек и некоторых видов продуктов питания, никаких рынков в современной экономике нет. Например, рынок бумажной нефти контролируют всего девять банковских структур, из которых шесть находятся в США, одна – в Великобритании, одна – в Германии и одна в Швейцарии. Их называют маркетмейкеры (делающие рынок). Они являются основными продавцами или покупателями контрактов на бумажную нефть. Кем они являются в конкретной сделке, зависит от интересов этой банковской структуры. Поскольку эти финансовые институты тесно связаны с соответствующими правительствами, ФРС, Банком Англии, ЕЦБ, и обладают по сути безлимитными средствами, они, по согласованию с правительствами, фактически устанавливают цены на бумажную нефть, а через нее и на реальную. Тому есть множество статистических подтверждений и доказательств.

Соответственно в современном мире цена на нефть складывается под воздействием двух рынков: в основном рынка бумажной нефти и как корректирующего – рынка реальной нефти. Рынок бу-

мажной нефти таковым является только по названию. Более правильно назвать его пространством целенаправленного формирования цены на нефть со стороны крупнейших западных финансовых институтов, элитных структур и правительств. Второй рынок – это рынок реальной нефти, на нем сохраняются принципы классического рынка. На нем цена действительно формируется спросом и предложением, а также издержками производства той нефти, которая обеспечивает сбалансированность спроса и предложения. Таким образом цена на реальную нефть определяется, в конечном счете, не себестоимостью наиболее дешевой нефти, а наоборот себестоимостью наиболее дорогой нефти, без наличия которой на рынке невозможно сбалансировать спрос и предложение.

Грубо говоря, сегодня и в ближайшем будущем цены на нефть формируются следующим образом. Определяется уровень добычи нефти, который необходим для удовлетворения мировых потребностей в реальной нефти, т.е. обеспечивающий сбалансированность спроса и предложения. Исходя из этого уровня, формируются так называемые, признанные мировым рынком, издержки добычи нефти или ее себестоимость. Как уже указывалось выше, эта себестоимость не наиболее дешевой, а наиболее дорогой по издержкам нефти, без которой невозможно сбалансировать спрос и предложение. Вот эта себестоимость и является нижней границей цены на нефть, которая, по сути, является нижней границей цены контрактов на нефть. Рынок бумажной нефти формирует конечную цену на нефть, которая в большинстве случаев превышает себестоимость наиболее дорогой нефти, необ-

ходимой для сбалансирования реального спроса и предложения. Т.е. рынок бумажной нефти формирует прибыль нефтяников, или в отдельных случаях, их убытки по отношению к себестоимости. Такой порядок действует в настоящем и сохранится в будущем.

Коротко опишу, что произошло в период 2014-2016 гг. с ценами на нефть. Как известно, они упали в три раза и продолжают колебаться в интервале между 25 и 50 долларами за баррель. Почему это произошло? Точек зрения на этот счет высказывается достаточно много. Подавляющая часть специалистов, причем не только эксперты, но и руководители крупнейших российских нефтяных компаний, вопреки очевидным фактам, продолжают считать, что цены на нефть формируются только ценами на сырую нефть. Поэтому в течение всего периода времени 2014-2016 гг. они ожидали скорого подъема цен на нефть, постоянно высказывая раз за разом несбывающиеся прогнозы.

На практике динамика цен на нефть стала результатом взаимодействия, а более точно – резонанса трех ключевых факторов. Первый связан с ценами на бумажную нефть. Второй – с изменениями в производстве сырой нефти, включая районы производства, а также ее себестоимость. Третий – обусловлен факторами и тенденциями, лежащими на стороне спроса на нефть. Рассмотрим схематично эти факторы.

Что касается цен на бумажную нефть, то, как уже отмечалось, они зависят от девяти банков-маркетмейкеров и стоящих за ними элит. Эти финансовые структуры при любой динамике цен на бумажную нефть, и это важно понимать, оказываются в выигрыше. Если они наперед знают,

что цены будут падать, то они продают контракты на бумажную нефть всем остальным инвесторам. В итоге, поскольку цена падает и падает, то инвесторы оказываются в проигрыше, а финансовые институты-маркетмейкеры – в выигрыше. Когда нефть падает до дна, то они начинают покупать контракты и соответственно цены на нефть несколько повышаются. Затем, когда цена нефти опять снижается, они снова начинают продажи. Это называется «игра на волатильности». Строго говоря, по международному законодательству и законодательствам западных стран такого рода манипуляции с ценой строго настрого запрещены и предполагают уголовную ответственность. Однако, как отметил еще Оруэлл, «все животные равны, но некоторые из них равнее».

Поскольку эти крупнейшие финансовые институты связаны с элитами и правительствами и сами формируют цены на нефть, они наперед знают, куда пойдет цена. Т.е. нынешний финансовый рынок – это казино с игровыми автоматами, определенным образом настраиваемыми хозяевами казино. В казино всегда в выигрыше владелец и в проигрыше масса посетителей, хотя отдельные счастливцы выигрывают. Поэтому не должен удивлять тот факт, что в условиях сверхнизких темпов роста мировой экономики и ее ведущих стран корпоративные прибыли финансовых институтов-маркетмейкеров нефтяного рынка устойчиво увеличиваются из года в год.

С первых дней украинского кризиса было понятно, что цена на нефть неизбежно обвалится. Не составляло большого труда предположить, что, получив соответствующие указания от элит и правительств, маркетмейкеры на рынке целенаправ-

ленно начнут формировать резко понижающийся тренд на нефть, благо в тот момент спекулятивная «подушка» составляла порядка 60-70 долларов за баррель. Только безответственность аналитических подразделений российских аналитических нефтяных компаний привела к колоссальным потерям бюджета РФ из-за того, что ни сами компания, ни бюджет оказались не готовы к резкому падению цен на нефть. В принципе в тот момент, если бы всерьез отнеслись к неизбежности резкого падения цен много того, что случилось потом можно было избежать.

Собственно американцы повторили в новых условиях то же, что сделал У.Кейси применительно к СССР. Однако там главным рычагом были саудовцы, а теперь банки-маркетмейкеры. Снижение цен на нефть стало ответом России, причем, сейчас это не скрывается Белым Домом. Это был прямой акт финансово-экономической войны, осуществленный ВРФК.

Параллельно на этот процесс наложились факторы, связанные с сырой нефтью. В настоящее время Соединенные Штаты сравнялись по уровню добычи с Саудовской Аравией и Россией. Определяющую роль в росте нефтедобычи США сыграл не столько шельф Мексиканского залива, сколько экспоненциальный рост добычи сланцевой нефти. Необходимо отметить следующее. Наряду с экспоненциальным ростом добычи сланцевой нефти ее себестоимость в результате внедрения принципиально новых технологий Третьей (Четвертой) производственной революции, снизилась со 110 долларов в 2011 г. до 25-35 долларов в настоящее время, и это – не предел. Уже сегодня США полностью

удовлетворяют потребности в нефти за счет собственных источников, а также поступлений нефти из Мексики, и в меньшей степени из Канады, а также совсем немного из Венесуэлы. Более того, с 2016 г., после отмены действующего многие десятилетия запрета на экспорт нефти и газа из США, американские углеводороды начали поставляться в Европу и Азию.

Параллельно с США в течение 2014-2016 гг. стремительно наращивали добычу нефти Саудовская Аравия и Россия, еще более усиливая несбалансированность между спросом и предложением на мировом рынке нефти. Каждая из стран делала это по своим причинам. После отмены эмбарго. Связанного с реализацией атомной программы. впервые после долгих лет изоляции на мировой нефтяной рынок вышел Иран, который с каждым месяцем наращивает добычу. Поставлена задача уже в 2017 г. вернуться на уровень экспорта иранской нефти, существовавшей до эмбарго.

В общем и целом, резкое увеличение добычи нефти в США, Мексике, Саудовской Аравии, России и Иране привело к тому, что никогда в мире не добывалось столько нефти, сколько сегодня, никогда запасы нефти в хранилищах не были столь велики как сегодня, и никогда баланс между спросом и предложением не был столь нарушен в пользу предложения, как сегодня.

Наконец, относительно спроса 2014-2016 гг. действовало три главных тенденции. Первая, резко замедлился экономический рост стран, на которые приходится основной прирост потребления нефти. Это – Китай, страны Юго-Восточной Азии, Индия, Бразилия, Турция и т.п. Во всех этих странах экономических рост резко замедлился, и соответственно

снизился прирост потребляемой нефти. В результате целенаправленных мер по переходу на альтернативные источники энергии, в США, Европе и Японии также удалось резко снизить удельную энергоемкость ВВП. Т.е. теперь на тот же объем товаров и услуг в этих странах нефти нужно меньше, чем вчера. Это только начало, поскольку по экспоненте растет количество электромобилей и гибридных автомобилей, альтернативных систем отопления и т.п. Наконец, третья тенденция связана с заменой нефти частично природным газом, а еще более активно нетрадиционными источниками энергии. К ним в России относятся скептически. Однако уже сегодня солнечная энергия обеспечивает в разных странах от 7 до 15% энергобаланса. Естественно, при дешевой нефти процессы замещения углеводородов другой энергией резко замедлятся.

В итоге, все три группы факторов: бумажная нефть, динамика себестоимости добычи сырой нефти и глобальный спрос на нефть и нефтепродукты – действовали, резонансно усиливая друг друга, в одном направлении – снижения цен на нефть. Процесс запустило целенаправленное снижение цен на бумажную нефть, а потом подключились и другие факторы.

На период 2016-2018 гг. можно сделать следующие прогнозы. Прежде всего, не подлежит сомнению, хотя бы с силу высокой инерциальности рынка, что в течение этого периода цены на нефть будут по-прежнему формироваться тремя группами факторов, связанных с бумажной нефтью, себестоимостью добычи реальной нефти и спросом на реальную нефть.

Что касается бумажной нефти, то здесь ситуацией останется неизменной. Девять банков, по-прежнему, были, есть и в периоде до 2018 г. останутся маркетмейкерами, которые смогут целенаправленно манипулировать рынком бумажной нефти, а соответственно формировать цены на реальную нефть. Поскольку банки нуждаются в прибыли, то можно с уверенностью сказать, что цены на нефть будут волатильны, т.е. будут колебаться. Границы колебаний останутся примерно между 25 и 50 долларами.

Конкретные границы волатильности зададут элиты, в зависимости от политических целей в прогнозируемом периоде. В принципе, если того потребуют политические обстоятельства, они могут быть опущены где-то до 15 долларов, но вряд ли смогут там пробыть сколько-нибудь длительное время. С другой стороны в силу политических причин и кризисных геополитических явлений цена на нефть на непродолжительный период времени может подниматься примерно до 60 долларов за баррель. Однако в целом, цена будет прибывать в долговременном плане в рамках отмеченного коридора.

Наибольшие споры вызывает формирование цен на нефть со стороны предложения или, что то же самое, – определение себестоимости добычи нефти, необходимой для сбалансированности спроса и предложения. Тема эта огромная, поэтому остановлюсь на ключевых факторах.

Существует устойчивая точка зрения, что не сегодня-завтра, сланцевая революция в США выдохнется, и страна будет вынуждена вновь вернуться к экспорту нефти. Также высказывается точка зрения, что наращивание добычи нефти Саудовской

Аравией, направленно не столько против России, сколько против США, и имеет целью вытеснение сланцевой нефти с мирового рынка.

Относительно сланцевой нефти надо понимать несколько основополагающих моментов. Прежде всего, запасы сланцевой нефти на территории США, а также некоторых других стран, включая и Россию, колоссальны и заметно превышают запасы обычной нефти в освоенных регионах. Далее, технология добычи сланцевой нефти принципиально отличается от традиционной технологии добычи нефти. При обычной добыче заглушение разбуренной скважины приводит к необратимым последствиям. В будущем при возобновлении добычи все надо начинать заново. Сланцевая добыча позволяет заглушить разбуренную скважину, и при изменении конъюнктуры расконсервировать ее буквально в течение нескольких часов. Т.е. если, например, себестоимость добычи нефти на скважине составляет 30 долларов, а цена упала до 25, то скважина консервируется. Как только цена повышается, например, до 32 дол., скважина тут же расконсервируется и начинает давать добычу. С учетом того, что в США сейчас стоят тысячи уже пробуренных скважин, любое повышение цен на нефть до порядка 40 долларов тут же приведет к их расконсервации, и, соответственно, к увеличению предложения. Это не даст возможности цене расти выше.

Несколько слов об экологии. Любая добыча нефти не проходит бесследно для окружающей среды. Во всех районах добычи нефти имеет место загрязнение независимо от способов добычи. Несмотря на то, что за последние пять лет коэффициент экологичности добычи сланцевой нефти повы-

сился, он по-прежнему меньше коэффициента для обычных месторождений. В этой связи в Западной Европе, например, в Польше, при всем дефиците энергоресурсов и наличии сланцевой нефти, ее добыча не ведется. Однако Соединенным Штатам в этом плане повезло. Крупнейшие поля сланцевой нефти, которые обеспечивают значительный рост ее добычи до 2025 года, расположены в малонаселенных местах. Однако при всей малонаселенности это – хорошо освоенные, имеющие развитую энергетическую, транспортную и иную инфраструктуру регионы, где малая плотность населения. Крупнейшие сланцевые районы, где сегодня добывается нефть и будет добываться до 2025 г. – это Дакота, Монтана, Техас и Нью-Мексика. Объем и перспективы добычи таковы, что американцы спокойно отказались от активизации добычи нефти на Аляске, а также в приполярных районах Канады с последующей транспортировкой по гигантскому нефтепроводу.

Некоторые российские нефтяные эксперты и руководители не понимают еще одной вещи, связанной со сланцами. Они полагают, что коль скоро, цена на нефть будет ниже себестоимости добычи сланцевой нефти на некоторых скважинах, то скоро сланцевой индустрии США придет конец. Это глупость. США отличается от России, в том числе тем, что ФРС эмитирует доллары, на которые можно купить что угодно в мире. Россия же этого сделать пока не может. Соответственно американские банки имеют возможность под предлогом национальной безопасности кредитовать кого угодно, под какие угодно, в том числе отрицательные, проценты, и на сколь угодно долгий срок.

Если внимательно почитать отчеты крупнейших американских компаний, имеющих сланцевые месторождения, то выяснится, что они получают кредиты под сланцевые поля от все тех же банков-маркетмейкеров на 10-15 лет под 0-3,5% годовых. Т.е. строго говоря, сланцевые компании США могут продавать нефть себе в убыток чрезвычайно долго практически по любой цене. То, что банки-маркетмейкеры отнимают у инвесторов всего мира, они частично перераспределяют в пользу американских нефтяников.

При этом решается еще одна задача. В США действительно банкротятся сланцевые компании, инвестиционные фирмы и т.п., вложившие средства в эти компании. Об этом в мире много пишут. Не пишут о другом, более важном. Активы обанкротившихся компаний за бесценок приобретают все те же крупнейшие нефтяные компании и банки-маркетмейкеры. Т.е. те, кто проложил дорогу сланцевой нефти, убираются из бизнеса и уже готовые разбуренные скважины переходят в собственность «жирных котов». В результате, происходит процесс, который не могут понять многие аналитики. Они уже долгое время пишут, что добыча нефти в США должна прекратить расти, а объемы сланцевой нефти должны уменьшаться. Между тем, по отчетам не только официальной статистики, но и по биржевым данным, все в США растет, и будет расти как минимум в течение ближайших 10 лет. К тому же уже сегодня известно, что крупные компании начинают на сланцевых полях ставить новую технологию, которая позволяет уменьшить себестоимость до 20 долларов.

Имеется еще одно важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при оценке перспектив

цен на нефть. В США прошла успешную апробацию и вскоре начнет применяться технология еще более опасная для России, чем сланцевая нефть. Речь идет о технологии добычи вторичной нефти. Поскольку на обычных скважинах в течение XX века использовались не самые совершенные технологии, то в них в зависимости от стран и регионов осталось от 30 до 50% имеющихся нефтяных запасов. Их просто не сумели извлечь. Еще в 80-е гг. в ССР научились это делать, в Новосибирске и ряде других мест разработали соответствующую технологию. В 90-е гг. автор технологии помыкался по нашим нефтяным компаниям и, несмотря на то, что он был руководителем крупнейшего института, понимания там не нашел. В итоге, как и многие другие российские технологии, эта оказалась на Западе. Сейчас американцы доводят ее до ума, воплощают в железо и уже убедились, что она работает. Привлекательность технологии состоит в том, что скважины в США, где хранится примерно 30-35% их запасов нефти (у нас в скважинах осталось 45-50% нефти), расположены в идеальных для нефтедобычи районах. Соответственно себестоимость нефти будет крайне низкой. Ее оценивают в 8-12 долларов за баррель.

Второй фактор – Саудовская Аравия. Саудиты понимают, что превышение предложения над спросом будет нарастать и далее в силу научно-технического прогресса. Поскольку королевство полностью зависит от нефти, то единственный выход для них – убрать ряд нефтепроизводителей с рынка, чтобы затем заместить их на мировом рынке. Для этого они готовы терпеть низкие цены на нефть в течение периода 2016-2020 гг. У них есть свои большие сложности. До 2018 г. они точно про-

держатся даже при ценах 20-25 долларов. За счет сверхнизких цен на нефть, они собираются убрать не США (они понимают, что США не уберется), а страны, которые были поименованы в закрытом саудовском документе, принятом в июле 2014 г. Список стран таков: Венесуэла, Канада, Нигерия, Россия, Иран. Венесуэла уже на грани краха, и он произойдет в течение этого года. Весь вопрос в размерах этого краха. В Нигерии с нефтедобычей огромные проблемы, частично связанные с Боко Харам. Добыча начала падать. Канада в 2015 г. заметно уменьшила экспорт нефти. В стране, также как в Венесуэле – тяжелая нефть, а ее добыча очень дорога. Канада и Венесуэла просто не выдерживают нынешних цен. К тому же Канада надеялась на трансамериканский нефтепровод, который американские сланцевики заблокировали. Так что пока саудиты идут по плану. Дополнительно надо иметь в виду, что после снятия эмбарго с Ирана, чему в немалой степени поспособствовала Россия, Иран выходит на европейский и азиатский рынки нефти. При этом аятоллы заявили, что ради возврата рынка они готовы демпинговать. Дополнительно, после грядущего видимо в 2016-2017 гг. окончательного распада Ирака, а возможно и Сирии на отдельные квазигосударств, резко увеличится экспорт иракской нефти, который сдерживается в настоящее время военными действиями. Это также плохо скажется на ценах.

Наконец, с точки зрения спроса на нефть перспективы тоже не радужные. Впереди очередной циклический кризис капитализма. Он обязательно начнется в ближайшие годы. Шансов протянуть до 2018 г. крайне мало. Этот кризис, скорее всего, будет серьезнее кризиса 2008 г. От мировых кризисов

больше всего страдают так называемые «энергичные» рынки, типа Китая, Индии, Мексики, Турции, Вьетнама (основные потребители нефти), а также основные производители сырья, типа России, Канады, Саудовской Аравии. Т.е. неизбежный кризис еще более ограничит спрос на нефть. Соответственно в лучшем случае она не поднимется выше 45-50, а в худшем может упасть до 20-25, а может даже и ниже. Плюс будет продолжаться замещение нефти другими источниками энергии, а также сокращение потребления нефти частными потребителями из-за электромобилей, солнечных домов и т.п.

БИТВА ЗА УМЫ

Как известно, один из руководителей коммунистической партии советского государства любил повторять: «Кадры решают все», а на знаменах одной неформальной организации США написано: «Наша сила не в оружии, а в людях». Американская предпринимательская и политическая элита уже в первые десятилетия своей истории, в начале XIX века, поняла, в отличие от российской, значение образования вообще, и университетов в частности, для упрочения своего господства и процветания подвластной страны. На протяжении всей истории Соединенных Штатов создание университетов, особенно наиболее оснащенных, престижных, было делом частного капитала.

Теснейшее взаимодействие лучших университетов США с американским разведывательным сообществом началось сразу же после формирования всеобъемлющей сети американских разведывательных агентств, служб и учреждений в середине 40-х годов и во все возрастающих масштабах и с все большей интенсивностью продолжается по настоящее время.

Современное американское разведывательное сообщество насчитывает 17 федеральных агентств. Кроме того, наряду с обозначенными в законодательстве США структурами, в разведывательное со-

общество входит ряд других независимых агентств, располагающих собственными разведслужбами федерального подчинения. В частности, это относится к таким организациям, как ФРС, Комиссии по ценным бумагам, Национальному научному фонду и т.п.[114]

Не будет преувеличением сказать, что современная научно-образовательная и высокотехнологичная бизнес-среда в Соединенных Штатах, базирующаяся на университетах, как несущей конструкции, сформировалась под прямым влиянием и участии не только крупных корпораций и банков, но и прежде всего, разведывательного сообщества США и Пентагона. Наиболее подробный, беспристрастный и документированный анализ вопроса можно найти в книге М. Маззукато, высокопоставленного американского чиновника, а ныне известного предпринимателя и профессора – «Государство предпринимателей: Мифы частного сектора против государственного влияния»[115] и в материалах одного из крупнейших американских высокотехнологичных предпринимателей и ученого-физика С.Бланка «Секретная история Силиконовой долины»[116].

В середине десятых годов текущего века американские разведывательное и военное сообщества представляют колоссальную силу в технологическом, финансово-экономическом и кадровом планах. Достаточно сказать, что прямые ассигнования, предусмотренные государственным бюджетом на американское разведывательное сообщество, со-

114. Andrew M. Borene, US Intelligence Community Law Sourcebook. – American Bar Association, 2013.
115. Mariana Mazzucato, The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. – Anthem Press, 2013.
116. http://steveblank.com/secret-history/

ставляют ежегодно 70 млрд. долларов, а совокупные расходы на национальную безопасность и разведку, включая прямые и косвенные статьи, достигают одного триллиона долларов[117].

Прежде чем осмысливать новые аспекты взаимодействия образовательной и военно-разведывательной систем США, вытекающие из новых задач, связанных с глобальным американским доминированием в условиях мировой турбулентности, необходимо четко понять кардинальные сдвиги, которые происходят последние два года в американской военной и разведывательной стратегии и тактике. Эти сдвиги охватывают все аспекты военного и разведывательного дела, все контуры американской политики.

Существует иллюзия, что Америка неизбежно клонится к полному упадку, вот-вот распадется и потерпит полный экономический крах. Между тем, реальностью является то, что Америка является бесспорным лидером разворачивающейся на наших глазах Третьей (Четвертой) производственной революции, которая по своим масштабам и последствиям может превзойти даже Первую и Вторую производственные революции. Одновременно президентство Б. Обамы было использовано коалицией самых различных сил Америки, в конечном счете, связанных с разведывательным и военным сообществами для коренного пересмотра политики и стратегии США в мире, возможно наиболее масштабном после конца Второй мировой войны[118].

Свое отражение этот пересмотр нашел в таких основополагающих документах, как Стратегия на-

117 http://cdn.defenseone.com/defenseone/interstitial.html?v=2.1.1&rf=http%3A%2F%2Fwww.defenseone.com%2Fideas%2F2015%2F02%2Fus-intelligence-community-bigger-ever-it-worth-it%2F104799%2F

118. Е.С.Ларина, В.С. Овчинский. Мировойна, все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М.: Книжный мир, 2015.

циональной безопасности США-2015, Военная стратегия США-2015, и Третья оборонная инициатива инвестиций и инноваций, одобренная в 2014 году и разворачивающаяся в настоящее время. Все эти документы носят надпартийный характер и будут реализовываться после ухода с поста Б. Обамы вне зависимости от того, кто станет его преемником.

Под углом зрения темы взаимодействия университетов с разведывательно-военным сообществом необходимо выделить несколько ключевых элементов новой стратегии и тактики Соединенных Штатов. К ним относятся:

• во-первых, последовательный отказ от четкого разделения войны и мира. Этот процесс начался в США еще с конца прошлого века с разработки и опробования на практике таких концепций, как гибридные, иррегулярные, асимметричные, прокси войны. Наиболее точным названием для такого рода конфликтов было бы мировойна или нечеткие конфликты. Итогом стало признание не только в теоретическом, но и сугубо в практическом плане неразличимости состояния войны и мира в современных условиях, их превращение в мировойну. В соответствии с этим, в официальных американских документах все реже используется четкий, в том числе имеющий правовое определение, термин «война» и все шире «жесткие противоборства», «конфликты переменной интенсивности», «ответы на угрозы», «активные операции» и т.п.;

• во-вторых, отныне американское военное и разведывательное сообщества исходят из понимания войны, как конфликта с применением насилия в пяти средах – суша, море, воздух, космос и киберпространство и в семи сферах жесткого противоборства, в том числе огневого (традиционные вой-

ны), внешнеполитического, внутриполитического (прямое непосредственное участие во внутриполитической борьбе в иных странах), информационного, финансово-экономического, поведенческого (насильственное воздействие на поведение посредством манипулирования привычками, стереотипами, ценностями, поведенческими паттернами и т.п.) и технологического (использование технологий для разрушения суверенного информационного, финансово-экономического, ментального и иных пространств);

- в-третьих, отказ от традиционного деления экономики, производства, образования и других сфер жизни на военную и гражданскую. В рамках Третьей оборонной инициативы инвестиций и инноваций на государственном уровне заявлено, что больше нет гражданских и военных отраслей, а все американские бизнесы, компании, университеты и даже общество должны работать на благо национальной безопасности, решая военные и разведывательные задачи. При этом законодательное закрепление получил тезис о том, что отныне все высокие технологии в технической, социальной, когнитивной, организационной и иных сферах, имеют двойное назначение. Также при планировании бюджета 2015 года впервые было закреплено, что разведка отныне обязана не только заниматься добычей, обработкой, анализом информации и обеспечением принятия решений, но и непосредственно проводить активные операции, направленные на обеспечение глобального американского доминирования.

По сути, на наших глазах происходит не только соединение гражданской и военной сфер, армии и разведки, распространение войны на ранее мир-

ные сферы, но и создание своего рода «**крепости Америка**». При этом, стоит задача в рамках новой стратегии максимально использовать сильные стороны Америки, особенно связанные с ее технологическими преимуществами в отраслях Третьей (Четвертой) производственной революции, таких как информационные технологии, Большие данные, робототехника, 3D печать, синтетическая биология, композитные материалы, управление поведением и т.п.

Ведущие американские университеты системно перестраивают работу в рамках задач и функций, возложенных на них в концепции «Крепость Америка». Соответственно, наряду с хорошо известными в России и отработанными направлениями вмешательства во внутриполитическую жизнь нашей страны, подрыва ее информационного суверенитета и т.п. при помощи таких испытанных технологий, как «оранжевые революции», «управляемый хаос», «прямое финансовое поощрение внесистемной и системной оппозиции», НКО и т.п. американские университеты запустили принципиально новые программы, связанные, прежде всего, с финансово-экономическим и поведенческим жесткими противоборствами.

В отличие от Соединенных Штатов, где эти направления реализуются в рамках структурно оформленных подразделений Пентагона и различных разведывательных агентств, в первую очередь ЦРУ, АНБ, а также Национального научного фонда и т.п., осуществляющих целевые программы, разработанные с участием ведущих «фабрик мысли», в России ни одна правоохранительная федеральная структура, ни один экспертный центр не занимаются в настоящее время данной проблематикой.

В этой связи в записке есть смысл подробно остановиться на программах разведывательного сообщества, реализуемых университетами США в рамках новой концепции. Важно отметить, что эти программы созданы не на пустом месте, а базируются на обобщении и критическом анализе более простых, менее масштабных и не столь изощренных проектов, реализованных университетами с американским разведывательным сообществом в последние 20 лет.

Решающими факторами экономической динамики и социального развития стали научно-технический и кадровый потенциалы. Это прекрасно понимают в США. Поэтому уже долгие годы стремятся путем постоянной или временной эмиграции нарастить собственный высокотехнологичный, в том числе патентный потенциал, привлечь в страну наиболее талантливых и продуктивных исследователей, разработчиков, инженеров и т.п. Наряду с прямой выгодой Америки такая политика наносит большой, а зачастую невосполнимый ущерб ее цивилизационным конкурентам. Сопоставление официальной американской и российской статистики по данной проблематике за последние 15 лет позволило получить ошеломительные цифры.

В XXI веке более половины всех патентов в США получили эмигранты, ставшие гражданами страны менее чем за пять лет до получения патентов. Более того, почти 70% американских патентов, относящихся к ключевым и критическим технологиям Третьей (Четвертой) производственной революции также получены людьми, приехавшими в Америку из различных стран мира. Отдельной статистики по эмигрантам из России нет. При этом известно, что в Силиконовой долине работает более 350 тыс.

русских разработчиков, программистов, инженеров, биологов, представителей других профессий и русскоязычная диаспора в Калифорнии относится к числу наиболее высокооплачиваемых этнических групп, за исключением выходцев из Израиля. Соответственно, можно представить себе масштабы утечки интеллектуальной собственности из России в США, организованной в значительной степени при участии образовательно-разведывательного комплекса.

Американские и российские данные свидетельствуют, что в настоящее время более 60 % победителей школьных и студенческих международных олимпиад, после завершения обучения в ВУЗе уезжают из страны. Из них возвращается менее 10%. В 2014 году более 15% выпускников лучших 25 российских ВУЗов после окончания учебы или продолжили образование перебрались на работу или продолжение за границей, в основном в США, Великобритании, Германии, Голландии и Китае. Это было бы неплохо, если бы, получив зарубежный опыт, они возвращались назад. Однако такие случаи крайне редки.

Огромный ущерб России наносит все возрастающий отъезд молодых профессионалов. Далеко не все из них меняют гражданство. Плоская шкала налогообложения на доходы, существующая в России, делает крайне выгодным постоянную работу за рубежом при сохранении российского гражданства и выплате налогов в России. Однако налоги составляют лишь малую часть вновь созданной стоимости и ценностей российских инженеров, математиков, биологов, программистов, представителей других профессий Третьей (Четвертой) производственной революции. По данным компании

Strastfor, известной как «частное ЦРУ», с 1997 по 2011 г. наблюдалось устойчивое снижение численности молодых специалистов, выезжающих на постоянное место жительства или постоянную работу за рубеж. За последние пять лет картина разительно изменилась. Число высокотехнологических мигрантов увеличилось примерно с 50 тыс. в 2011 г. до почти 350 тыс. – в 2015 г.

Такая ситуация ведет к тройному ущербу.

Во-первых, из страны утекает бесценная интеллектуальная собственность. Не секрет, что многие лауреаты крупнейших международных премий, типа Нобелевской, Филдса, полученных в XXI веке, до недавнего времени учились и работали в России, а в настоящее время преподают и работают за рубежом, в том числе создавая рынки, измеряемые даже не сотнями миллионов, а десятками миллиардов долларов. Их открытия, разработки и т.п. становятся интеллектуальной собственностью компаний, корпораций, прежде всего США, Великобритании, Голландии, Германии, а в последнее время Южной Кореи и Китая.

Во-вторых, наносится прямой экономический ущерб стране. Поскольку в условиях резкого сокращения бюджетных мест в лучших учебных заведениях, в большинстве из них на подобные места принимают лишь победителей российских и международных олимпиад. После завершения обучения в таких первоклассных учебных заведениях, как МФТИ, некоторые факультеты МГУ, ВШЭ и т.п., они уезжают за рубеж. Соответственно, тратя большие деньги, и закрывая возможности для бесплатного обучения для других талантливых выпускников школ, страна в последние десятилетия, и особенно годы, готовит кадры для лучших амери-

канских университетов, крупнейших корпораций, теснейшим образом связанных с американским военно-разведывательным комплексом.

В-третьих, отъезд талантливых выпускников университетов и молодых преподавателей имеет то негативное обстоятельство, что в дальнейшем они становятся своеобразным центром кристаллизации для друзей, знакомых и знакомых знакомых. По факту они выступают своеобразными вербовщиками лучших, наиболее активных и энергичных молодых профессионалов в самых различных сферах деятельности и областях знаний, которые также перебираются за рубеж на постоянное место жительства. Процесс этот не нов. Еще 25 лет назад Россию покинули многие научные лидеры. Далее из года в год они переманивали в свои лаборатории в Америке, в Европе, Южной Корее своих бывших коллег, учеников, а теперь и учеников учеников. Приходится признать, что Россия в течение вот уже почти 25 лет выполняет функцию страны-донора для технологических лидеров мира.

Реализация всех этих задач американским разведывательно-университетским сообществом стала возможной только в условиях развала российского образования, науки, недостаточного внимания государства к отраслям производства и технологиям Третьей (Четвертой) производственной революции, отсутствия возможности реализовать себя в родной стране. Об этом прямо говорят в своих интервью многочисленные представители российской диаспоры в США, которые добились больших успехов в науке, образовании, технологиях, бизнесе. Иными словами, Госдеп конечно виноват, но российское Правительство виновато не меньше, если не больше.

Недавно начато осуществление университетами США двух принципиально новых программ, проводимых на деньги военно-разведывательного комплекса. Первая программа – «Talents for America» реализуется в рамках нового, принятого в 2014 г., эмиграционного законодательства США.

Разведывательно-оборонный комплекс выделил 9 отраслей и 26 дисциплин, по которым уполномочил и профинансировал открытие американскими университетами бесплатных онлайн курсов с выдачей дипломов. Смысл программы состоит в том, что для получения диплома молодые люди из других стран мира должны выполнить определенные зачеты, а иногда сдать письменные экзамены, либо тесты. Лучшие из лучших получают приглашения в американские университеты топ-25 в магистратуру или в отдельных случаях в бакалавриат, с предоставлением не только учебной визы, но и стипендии на обучение. Последнее является для Америки достаточно беспрецедентным, поскольку ранее иностранным студентам стипендии предоставлялись в исключительных случаях и носили незначительный характер. Теперь же они приравнены к наиболее оплачиваемым спортивным стипендиям. Благодаря этой программе американские университеты надеются привлечь в течение 2016-2020 гг. не менее 10 тыс. наиболее талантливых выпускников и студентов из наиболее интересных стран, к числу которых относятся Россия и Белоруссия, наряду с еще 13 странами. Селекция стран ведется по языковому принципу. Для выделенных стран предусмотрены, в том числе, курсы на родном языке.

Американский военно-разведывательно-научный комплекс прямо или косвенно спонсирует соз-

дание многочисленных бесплатных учебных программ, курсов и телевизионных университетских платформ. Они открывают возможность получить бесплатное образование для жителей самых отдаленных уголков планеты. При этом, в основе лежит конечно же не альтруизм. Подавляющее большинство подобных платформ внимательно следит за наиболее талантливыми студентами и слушателями курсов и лучшим из них предлагает льготы и возможности либо для переселения в США, либо для обучения в лучших учебных заведениях других стран, находящихся в орбите американского влияния.

С 2016 г. начинает осуществляться революционная по американским и международным меркам программа Gold sand. Название программы отсылает к временам знаменитой американской «золотой лихорадки», когда старателю, чтобы получить крупицы золота, приходилось промывать тонны песка. Одним из инициаторов программы выступил знаменитый предприниматель, тесно связанный с разведывательным сообществом Питер Тиль. Он обратил внимание, а затем подкрепил свою точку зрения проведением большого исследования, показавшего, что, как правило, наибольших успехов в практических делах, включая не только бизнес, но и разработку принципиально новых программных и технологических решений добиваются не лучшие в учебе, а молодые люди, нацеленные на какую-то узкую сферу деятельности. Соответственно он предположил, что будущих технологических, научных и бизнес лидеров надо искать не среди победителей олимпиад и обладателей первых мест в выпусках, а среди тех, кто с малых лет занимается

какими-то практическими делами, либо самостоятельно обучается и разрабатывает программные продукты, конструкционные решения и т.п.

Осуществление программы Gold sand ведется американскими университетами. Программа включает прохождение отобранными преподавателями и студентами специальных школ, занятия в которых ведут отставные, а подчас и действующие разведчики, формирующие у обучающихся особые навыки и умения. Задачей преподавателей и студентов, участвующих в программе, является установление онлайн и оффлайн контактов со сверстниками за рубежом и поиск среди них тех, кто способен стать инновационными лидерами. В работе используются самые различные каналы коммуникаций, начиная от межуниверситетского обмена, вплоть до дружеского туризма, использующего такие новые сервисы как airbnb.com и т.п. Кроме того, особые надежды программа связывает с прошедшими специальную Подготовку американскими преподавателями, обучающими студентов ведущих университетов за рубежом, в том числе в России.

Это лишь два примера достаточно широкого и неафишируемого перечня программ военно-разведывательно-университетского сообщества в рамках строительства «крепости Америка».

Принципиально новой сферой противоборства является жесткое поведенческое противоборство. Некоторые в России, вследствие незнакомства с первоисточниками, а также незнанием технологий, относят его к одному из видов информационных войн. Однако, это категорически неправильно. Поведенческие противоборства, или войны представляют собой гораздо более технологически

сложную и ресурсно затратную форму конфронтации, базирующуюся на достижениях социальной и личной психологии, Больших Данных, их интеллектуальном анализе и материалах психофизиологии и нейронаук [119]. Упрощенно говоря, поведенческие технологии базируются на том, что, согласно результатам десятков экспериментальных работ, проведенных социальными психологами, принадлежащими разным школам и совершенно различных стран, в том числе России, не менее 70% действий в самых различных сферах, включая производство, политику и т.п., люди осуществляют без рационального выбора, а лишь опираясь на различного рода привычки, стереотипы, эвристики, обычаи и т.п. Наибольшую известность получили такие направления поведенческих технологий, как «Надж», разработанный многолетним советником Б. Обамы, главой комиссии по реформе АНБ К. Санстейном и советником Премьер-министра Великобритании Р. Талером[120], и «социальная физика», авторства А. Петланда, советника и консультанта крупнейших интернет-компаний, включая Google.

Если говорить коротко, то привычки, стереотипы, паттерны, культурные нормы, ценностные предпочтения, эвристики и т.п. объединяются термином «рутины». Надж и социальная физика стараются либо использовать рутины для каких-то целей, либо, напротив, разрушить одни рутины, подменив другими, соответствующими определенным целям. Установлено также, что рутины формиру-

119. Е.Ларина, В. Овчинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден, (глава «О чем умолчал Сноуден»). – М.: Книжный мир 2014.
120. Cass R. Sunstein, Why Nudge? The Politics of Libertarian Paternalism. – Yale University Press, 2014; Richard H. Thaler, Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. – WW Norton & Company, 2015; Richard H. Thaler, Cass R. Sunstein, Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness.- Penguin Books; 2009.

ются на конфессиональном, культурном, образовательном, социальном и личностном уровнях.

Используя привычки или рутины, решается самый широкий класс задач, начиная от обеспечения выборов того или иного кандидата в сенаторы, а на выборах 2012 года, даже в президенты США, до бытовых или деловых задач.

В этой связи в настоящее время американское разведывательно-университетское сообщество более чем в 25 университетских центрах занято разработкой поведенческих технологий, включая конструирование рутин, прежде всего на конфессиональном и образовательном уровнях. Что касается культурных стереотипов, то здесь уже имеется огромный опыт с продвижением американской кино-, видео- и интернет- продукции. Поэтому основные усилия сосредоточены в религиозной и образовательной плоскостях.

В настоящее время активно разрабатывается и продвигается программа Leaders of local communities. Сведения об этой программе засекречены, поэтому носят крайне отрывочный характер. По отдельным фрагментам можно реконструировать программу следующим образом. В человеко-машинном режиме ведется мониторинг социальных сетей, приложений и т.п. в странах, наиболее интересующих Соединенные Штаты, включая Россию. На основании мониторинга выделяются молодые люди, обладающие достаточно высоким интеллектуальным потенциалом, волевыми качествами и коммуникативными навыками. Все эти персоны заносятся в специальную картотеку и по ним, используя, в том числе компании data-брокеры, типа Axiom готовятся досье по максимальному количеству (до 100) параметров, так называемые профили.

В рамках программы открываются под различными легендами, никак формально не связанные ни с правительством США, ни с университетами, ни с компаниями, находящимися под юрисдикцией США, различного рода центры. Как правило, они имитируют центры молодежного досуга, субкультур, типа болельщиков и т.п., а также спортивные секции по восточным единоборствам, хакерские клубы, школы самосовершенствования и личностного развития. Эти центры на территории страны никоим образом не должны быть увязаны между собой в какую-либо сеть, что делает их уязвимыми. Каждый из центров должен быть самодостаточным и входить лишь в глобальную, наднациональную сеть, функционирующую во многих странах мира поверх границ и юрисдикций.

В эти центры имеется в виду приглашать выявленных потенциальных лидеров и проводить с ними различные курсы обучения, в том числе в игровой и иной формах, осуществлять подготовку, а также оказывать помощь в решении различного рода их проблем, включая бытовые, образовательные, деловые. Особое внимание предполагается уделить тому, чтобы участники центров не столько приглашали своих друзей и знакомых, сколько создавали на их основе своего рода локальные общины или сообщества, действующие не в интернете, а в нашем реальном цифровом мире.

Известно, что в настоящее время в Стэндфордском университете, MTI, университете им. Лойолы в Чикаго, в Калифорнийском технологическом университете, Колумбийском университете, Северо-Восточном университете и ряде других, в том числе в Институте сложности в Санта-Фе, в ускоренном темпе разрабатываются программы, пособия и тех-

нологии, которые будут реализованы в этих центрах. В частности известно, что члены этих центров будут не только заниматься в них оффлайн, но и входить в закрытую всемирную сеть, где они смогут не только и не столько общаться, сколько обучаться, сотрудничать и выполнять проекты. В рамках сети предусматривается даже такая уникальная опция, как «помощник». В случае возникновения каких-то непредвиденных обстоятельств, когда участнику сети или его друзьям требуется помощь, она в рамках сети должна быть оказана. Соответственно это будет иметь колоссальный эффект для укрепления авторитета участников сети локальных сообществ и самих этих сообществ в социуме. Естественно в интересах Америки и обеспечения ее исключительности.

В рамках жесткого противоборства с Россией в поведенческой сфере американское разведывательно-образовательное сообщество осуществляет в школах Московской области реализацию программы «Подготовка агентов изменений среди учителей средней школы» – Teach For All. Официальная цель программы – изменение снизу российской школы и общества в целом в соответствии с либеральными ценностями. Административную поддержку проектов осуществляет Министерство образования Московской области. Финансирование за счет различных источников, связанных с американским разведывательным сообществом будет с учетом российского закона «Об иностранных агентах» осуществляться скрыто, через российские юридические лица. Эти юридические лица будут направлять деньги в благотворительный фонд, который зарегистрирован как исключитель-

но российское юридическое лицо. Общий патронат над программой осуществляет Лидия Антонова, сенатор Совета Федерации, член его Комитета по науке, образованию и культуре от партии «Единая Россия». Адаптацию программы для конкретных российских условий осуществляет крупнейшая международная консалтинговая компания, крупных подрядчик Пентагона и американского разведывательного сообщества The Boston Consulting Group. Компания в настоящее время осуществляет ряд крупных проектов, связанных с американским военно-разведывательным сообществом более чем в 30 странах мира в сфере политики, экономики и социальной жизни. За отбор кандидатов для участия в программе отвечает известная международная рекрутинговая компания The Odgers Berdtson.

Odgers Berdtson, являющаяся мировым лидером в подборе руководителей высшего звена, проведет отбор кандидатов среди лучших выпускников лучших российских ВУЗов в соответствии с запросами Teach For All. Затем, после выявления подходящих, их кратко обучат основам педагогики, устроят к детям в школы, приплатив дополнительно по 35000 руб. к зарплате каждый месяц, и в течение последующих двух лет будет обучать и тренировать по методичкам Teach For All, штампуя «лидеров» американского образца для российского общества. Далее их ждет продвижение, следующий этап более серьезной работы, которому поспособствуют уже работающие в системе образования агенты изменений.

Для противодействия принципиально новым, в том числе по используемым технологиям американским программам в образовательной сфере

недостаточно, а в отдельных случаях и вредно использование исключительно механизма законодательных запретов. Большая часть подобных запретов в современной коммуникативной среде просто не работают и легко обходятся. Настоящим ответом может быть только развертывание более эффективной, комплексной, незаформализованной, состоящей из отдельных программ наступательной российской инициативы в сфере высшего и среднего образования, привлечения и мобилизации наиболее талантливой, волевой и энергичной российской молодежи.

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО АКТИВИЗМА: РИСКИ, УГРОЗЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

Не будет большим преувеличением утверждение: цифровой активизм в России – это неопознанный феномен. Соответственно, главная задача текста – это не высказывание суждений, а описание фактов, не вынесение оценочных характеристик, а отражение логики и динамики явления.

Историю цифрового активизма (ЦА) можно разделить на три этапа. Первый – от появления первых массовых персональных компьютеров примерно до 1996 г. Второй – с 1996 г. до возникновения WikiLeaks и первых мощных организованных групп интернет-активистов в 2007-2008 гг. Третий – с 2008 г. по 2015 г. Буквально на наших глазах происходит переход к четвертому этапу, о котором, собственно и пойдет речь дальше.

Значительная часть наиболее продвинутых представителей программистского сообщества и других профессиональных групп, связанных с информационно-коммуникационными технологиями в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века принадлежала к таким идейным движениям, как анархизм, коммунитаризм и либертарианство. В конечном счете, к концу XX века именно либертарианское движение стало господствующим идейным течением в среде хакеров.

На заре компьютерной эры сформировалась не только особая культура, но и своего рода способ жизни – хакерство. «Для понимающих людей, уважающих изначальный смысл термина, под хакингом обычно понимается процесс проникновения в суть той или иной вещи. Конечный результат процесса – понимание того, «как это работает», зачастую сопровождается стремлением переделать исходный процесс. Давно отчеканенная формула «хакеры построили интернет» в значительной степени не преувеличение, а просто констатация факта».[121]

Первые группа хакеров-активистов появились еще в доинтернетных сетях, типа конференций ФИДО и т.п. С появлением интернета численность хакеров увеличилась с сотен до тысяч. По сути, в ту эпоху нерегулируемого интернета, доступ в который был связан с определенными техническими сложностями, киберпространство привлекало всех ценителей свободы – от правых до левых – отсутствием государственного контроля. Благословенное для хакеров время закончилось в 1996 г., когда Президент США Б.Клинтон подписал закон «О благопристойности в коммуникациях». Он стал первым государственным документом, регулирующим контент в интернете и распространяющим на него государственную юрисдикцию США.

Именно с принятием этого документа начинается отсчет второго этапа. Он ознаменовался превращением отдельных групп хакеров различной направленности в мало организованное, но при этом достаточно мощное, движение интернет-активистов. Главной целью движения стала борьба

121. Kiwi Bird. Новая мифология. – https://kiwibyrd.org/2013/12/19/1322/

за свободу интернета и ограничение государственного регулирования в этой сфере. На данном этапе основными противниками интернет-активистов стали органы власти США, Великобритании, в меньшей степени других европейских стран. Именно в эти годы публикуются наиболее чтимые и по сегодняшний день среди цифровых активистов документы: «Декларация независимости киберпространства» Джона Барлоу, «Манифест криптоанархиста» Тимоти Мея и «Свобода гипермедиа» Ричарда Барбока[122].

Чуть позже часть американо-британского истеблишмента, традиционно имеющая особые связи с высокотехнологичной наукой, и специальными полугосударственными-получастными разведывательными службами, озаботилась установлением контакта с интернет-активистами и политхакерами. Одним из документированных свидетельств этой связи стала написание, опубликование и мощнейшая рекламная кампания по раскручиванию книги Сьюлетт Дрейфус и Джулиана Ассанжа «Компьютерное подполье. Истории о хакинге, безумии и одержимости». В рамках этой кампании международное фабианское общество и элитные группы, ориентированные на либертарианцев, впервые превратили Дж. Ассанжа в крупную общественную фигуру. В Великобритании и США книга была издана в 1997 г., а в России переведена и издана в 2005 г. При этом, имя Дж. Ассанжа по загадочным причинам выпало из числа авторов.

В 1998 г. была опубликована первая книга, где на материале международных движений и органи-

122. Тексты на русском языке содержатся в книге «Кибергосударство и пиратские утопии. Криптоанархия», сборник под ред. П. Ладлоу. – Екатеринбург: Ультра Культура, 2005.

заций, а также локальных кампаний за демократию, права человека, защиту окружающей среды известные исследователи, связанные с американским разведывательным сообществом, впервые сделали уверенный прогноз о скорейшем превращении интернет-активистов в мощную трансграничную и локальную политическую силу.[123]

Прогноз начал сбываться уже в начале нулевых годов. В значительной степени подъем интернет-активизма инициировали жесткие, если не сказать полицейские, меры, инициированные событиями 11.09.2001. Они выразились в частности, в резком ужесточении контроля над интернетом и тотальном наблюдении федеральных структур за активностью граждан и бизнеса в сети. Это с неизбежностью привело к ужесточению конфронтацией между интернет-активистами и органами власти ведущих западных стран.

Обострение шло на фоне укрепляющихся контактов цифровых активистов с частью элиты, которая, прежде всего, была связана с IT и другими высокотехнологическими компаниями и различного рода организации отставных разведчиков и военных, в том числе либертарианской направленности (например, ассоциация «Старые вороны»).

Начало третьего этапа датируется 2007-2008 гг. К этому времени была впервые реализована разработанная еще в 90-е гг. прошлого века инициатива борьбы с государством путем рассекречивания. В книге 1997 г. Дж. Ассанж предложил рассматривать государство как огромную, неподконтрольную никому машину насилия и присвоения, которая зашифровывает все свои действия и операции. Со-

123. Margaret E. Keck, Kathryn Sikkink, Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. – Cornell University Press, 1998.

ответственно в качестве эффективного средства борьбы с государством были предложены технологии рассекречивания.[124]

Реализацией этой концепции стал WikiLeaks. С одной стороны он оказал сильнейшее влияние на американский и глобальный политический ландшафты, а с другой, впервые наглядно продемонстрировал миру мощь нового трансграничного движения интернет-активистов. Любопытно, что часть участников проекта WikiLeaks были активно задействованы в президентских избирательных кампаниях Б. Обамы 2008 и 2012 гг. Не будет преувеличением сказать, что на этих выборах впервые высокотехнологическая элиты и связанные с ними интернет-активисты задействовали свой потенциал. Об этом написаны две насыщенные фактурой, любопытными технологиями и практическими знаниями книги, которые, к сожалению, не переведены в России[125].

К концу нулевых годов нынешнего века численность интернет-активистов по миру стала измеряться уже сотнями тысяч человек. Еще более важно, эти сотни тысяч представляют собой не разрозненных, атомизированных индивидуумов и враждующие между собой группы, а более-менее связную, взаимодействующую сеть. Помимо чисто политических и социальных инициатив и программ, интернет-активисты оказались у истоков так называемой «совместной (sharing) экономики». Эта экономика как нельзя лучше соответствует с одной стороны взглядам П. Кропоткина, а с другой,

124. Наиболее полно концепция изложена в книге Джейкоба Аппельбаума, Джулиана Ассанжа, Жереми Циммермана, Энди Мюллер-Магуна. Шифропанки: свобода и будущее Интернета. – М.: ЛитРес, 2014.
125. Sasha Issenberg, The Victory Lab: The Secret Science of Winning Campaigns.- Broadway Books; 2013; Eitan D. Hersh, Hacking the Electorate: How Campaigns Perceive Voters. – Cambridge University Press, 2015.

концептам австрийской экономической школы и в целом либертарианства.

В десятые годы интернет-активисты приступили к активным действиям в реале. Практически повсеместно эти действия были направлены против государственных органов власти, господствующих элит и сложившегося миропорядка. Не будет преувеличением сказать, что интернет-активисты сыграли очень большую, хотя и не решающую, роль в таких сложных феноменах, как движение «Оккупай Уолл-стрит», избирательных кампаниях 2012 г. Б. Обамы и Р. Пола, успешных движениях за приход к власти национальных партий в стране Басков, Каталонии, Шотландии, протестных движениях в Аргентине, Франции и Бельгии. Определенную, хотя и крайне гиперболизированную СМИ, роль сыграли интернет-активисты в зимних протестах в Москве в 2011 г.

Так или иначе, уже в 2012 г., после завершения второй избирательной кампании Б. Обамы, сложному конгломерату сил, стоящих за Администрацией, включающему в первую очередь высокотехнологичный бизнес, технологическое крыло разведывательного сообщества, военного комплекса и финансовых кругов, стала ясна необходимость осторожного подспудного взятия под контроль движения интернет-активистов и превращение его в инструмент реализации собственных целей и интересов.

Не будет преувеличением сказать, что четвертый этап начался в 2013 г. со знакового события. Им стала встреча в то время председателя совета директоров Alphabet (Google) Э. Шмидт, и его советника по общественным движениям и руководителя «фабрики мысли» Google, в прошлом советника Х. Клинтон – Д. Коэна, с Дж. Ассанжем.

Подробности и детали встречи опубликованы в так и не переведенной на русский язык книге Дж. Ассанжа «Когда WikiLeaks встречается в Google»[126]. Встреча Э. Шмидта и Д. Коэна с Дж. Ассанжем происходила в рамках подготовки к публикации, как ее в последствие назвали «главной книги десятилетия» для Америки и мира – бестселлера «Новый цифровой мир»[127].

В книге, а главное в прошедших по всему миру конференциях и лекциях, связанных с представлением и обсуждением бестселлера, Э. Шмидт и Д. Коэн впервые четко определили суть нового явления – цифрового активизма и его отличия от хакерства и интернет-активизма. В своих выступлениях они определили ЦА как «движение, в котором участвуют индивидуумы, группы и сети, стремящиеся, борющиеся и осуществляющие политические и социальные перемены в цифровом мире с использованием высоких, и прежде всего, информационных технологий». Буквально в этом году с активизацией Научного совета Министра обороны США, который возглавил Э. Шмидт, а в состав консультантов которого вошел Д. Коэн (продолжающий консультировать Х. Клинтон), эта формулировка стала использоваться в официальных документах федеральных органов власти США.

Коренное отличие цифровых активистов от интернет-активистов состоит в том, что с появлением в текущем десятилетии Больших Данных, массовым распространением сначала интернета вещей, а затем интернета всего, и началом широкого использования не только государственными структурами, но и бизнесом и даже частными

126. Julian Assange, When Google Met Wikileaks. – O, 2014.
127. Э. Шмидт, Д. Коэн, Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013

лицами, программ и приложений искусственного (вычислительного) интеллекта, произошло полное стирание границ между виртуальностью и реальностью. **Сегодня больше нет разделения мира на кибер- и привычное нам повседневное пространство. Вся реальность стала цифровой, а интернет и другие сети существуют не поверх обычного мира, а вплетены в него и более того, с каждым месяцем становятся во все возрастающей степени его несущей конструкцией.**

Соответственно, если хакеры и интернет-активисты осуществляли свою деятельность в киберпространстве, то цифровые активисты проводят акции и кампании в обычном, привычном мире, используя в них всю технологическую мощь информационных технологий. Именно в этом состоит принципиальное отличие, которое, к сожалению, должным образом, по крайней мере в российской аналитике, не отрефлектировано.

В крайней работе крупнейший теоретик и практик высокотехнологического общества Мануэль Кастеллс[128] выделил три важнейших признака ЦА настоящего и ближайшего будущего:

1. Приверженность к либертарианству. Современное либертарианство впитало в себя различные мировоззренческие и идейные установки – от анархизма до коммунитаризма, от приверженности классическому рынку независимых производителей до широкого использования бартертных и т.п. схем. Либертарианцев объединяет убеждение, что люди имеют безусловное право на свободу от посягательств на личность или собственность, а законы должны лишь обеспечивать эту свободу,

128. Manuel Castells, Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. – Polity, 2015.

а также исполнение свободно заключённых договоров. Для защиты от этих посягательств люди и общины имеют право на насилие, в том числе вооруженное, обеспеченное правом на оружие, и на сопротивление государству Либертарианство пропагандирует как экономическую, так и личную свободу, ограничивая вмешательство государства в жизнь общества[129].

2. Высокий уровень профессиональных знаний, программистских и технических компетенций. Умение быстро учиться и переучиваться. Цифровые активисты, как правило, не только обладают высоким уровнем компетенций в области самых передовых технологий, причем не только компьютерных, но и политических, организационных и т.п., но и способны быстро учиться и переучиваться, чтобы успеть за прогрессом науки и технологий.

3. Убежденность цифровых активистов в эффективности групповых и коллективных действий. Они крайне негативно относятся к государствам, особенно большим, но при этом строят свою деятельность, опираясь на малые группы, небольшие общины и массовые движения, состоящие из локальных подразделений. Самыми популярными авторами у цифровых активистов, согласно недавно проведенному Корнельским университетом опросу, стали П.Кропоткин[130], М. Ридли[131] и К. Ширки[132].

Цифровые активисты в своей массе по идеологии, мировоззрению и образу жизни враждебны к правящим элитам и достаточно негативно на-

---

129. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. – Челябинск: Социум, 2004.
130. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: Ленланд, 2011.
131. Мэтт Ридли, Происхождение альтруизма и добродетели. От инстинктов к сотрудничеству. – М.: Эксмо, 2013.
132. Clay Shirky, Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. – Penguin Press, 2008.

строены к любым государствам, в первую очередь, большим по размерам, а самое главное – по функционалу, масштабам участия и влиянию на жизнь общества.

ЦА – это, прежде всего, политическая деятельность. Любая политическая деятельность связана с борьбой за власть. Применительно к ЦА не менее, а может быть и более важными, чем борьба, являются обеспечение максимальной подконтрольности власти и ограничение государственных функций. Ключевой лозунг ЦА: хорошее государство – это маленькое государство.

Нынешний ЦА не признает приоритета национального права над международным. Более того, и в самом международном праве ЦА разделяет различные акты, принятые в интересах тех или иных стран или правящих элит, и акты, гарантирующие права отдельного человека или малых групп. ЦА исходит из примата Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН, над любыми другими документами, включая национальные и международное законодательства.

Цифровые активисты осуществляют свою деятельность исходя из трех принципов:

• действуй локально, взаимодействуй глобально. В основе акций ЦА лежит принцип линзы или лазера. В каждой конкретной точке цифровых активистов может быть немного, но за ними стоит движение по всему миру со всеми его возможностями и ресурсами;

• стая сильнее иерархии. Пока силовые структуры, исследователи, бизнес занимаются и говорят о сетях, цифровые активисты действуют по стайному принципу. Любая сеть – это что-то обнаруживаемое, пластичное, но более-менее постоянное.

Стая – мгновенно собирается из, казалось бы, никак не связанных между собой индивидуумов, которые решают общую задачу. Лучшей метафорой стаи является флеш-моб. В сети главное – коммуникация, в иерархии – подчинение, а в стае – коллективные действия на основе общего мировоззрения (веры), ментальных и биофизических эффектов (на последнем базируются стаи птиц, косяки рыб и т.п.);

• качество бьет количество. Цифровые активисты обнаружили, что силовые структуры и правоохранители всех стран больше всего опасаются массовых акций. На практике же, решающие перемены осуществляются относительно небольшими, сплоченными и знающими что делать группами. Справедливость этого доказана фактами из практически всех сфер человеческой деятельности и истории подавляющего большинства стран. В науке этот феномен описан, как принцип Парето или 20/80. В наиболее простом виде эта эмпирическая закономерность гласит: 20% членов группы делают 80% решающих усилий для успеха любого дела.

Внимательный мониторинг различного рода конференций и открытых дебатов ведущих «думающих танков», таких как Центр Новой Американской Безопасности, Фонд Новая Америка, Брукингский Институт, фабрика мысли Google и т.п. показывает следующее. В течение 2015 – первой половины 2016 гг. определенные паттерны транснациональных элитных групп, приступили к проведению целенаправленной политики, направленной на создание системы неявного рефлексивного управления ЦА, превращения движения из глобального и локального субъекта в инструмент достижения определенных элитных целей.

В широком смысле речь идет о том, чтобы использовать возможности и потенциал ЦА в ин-

тересах конкретных элитных групп, как в международном, так и страновом аспектах (например, цифровые активисты были использованы силами, связанными с Х. Клинтон, для скандализации предвыборной кампании Д. Трампа и провоцирования различного рода волнений в местах его выступлений). Это – очень ювелирная долговременная операция. Как отмечалось выше, по своему мировоззрению цифровые активисты крайне негативно относятся к любым государственным структурам и изначально позиционируют себя, как контрэлитная сила. Поэтому, чтобы осуществить столь тонкую операцию, элитные группы и паттерны, связанные, прежде всего, с высокотехнологичным бизнесом, разведкой и новыми финансами, тщательнейшим образом изучили историю.

Мировая и особенно российская история свидетельствуют, что протестные движения различного уровня радикальности, вплоть до революционных групп, ориентированных на вооруженную борьбу с режимами, находились в очень непростых, можно сказать симбиотических взаимоотношениях со спецслужбами и элитами. С одной стороны они, безусловно, враждовали, соперничали и воевали. В том числе с человеческими жертвами. Но с другой – они же взаимодействовали, обменивались информацией, а часто и ресурсами. В одних случаях в этих симбиотических отношениях верх брала власть и ее службы. В других же радикалам-революционерам удавалось, в конечном счете, использовать возможности, ресурсы и потенциал власти и силовых структур для достижения собственных задач.

Например, с событий, связанных с убийством Александра Второго и революцией в России

1917 года минуло более столетия. Однако известно, что аналитические экспертные группы, работающие по превращению ЦА из субъекта в инструмент, внимательно изучали российский опыт. На упомянутых конференциях неоднократно обсуждались в частности такие книги, как «Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 года» Владимира Брюханова, «Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия. 1866-1916» Анджея Иконникова-Галицкого, «Кто стоял за спиной Сталина?» Александра Островского.

В рамках реализации нигде не озвученной, но реально проводимой последние полтора года политики удалось, используя различные методы, инфильтрировать в среду ЦА новый концепт. По многим признакам этот концепт стал сегодня общепризнанным и господствующим среди цифровых активистов по всему миру. Кратко суть его сводится к следующему: «Все современные государства бюрократичны, ограничивают права и свободы, и враждебны молодежи, особенно продвинутой его части. Однако на Западе это положение нельзя изменить, пока в мире существуют агрессивные авторитарные режимы, типа России, Китая и Ирана, и террористические движения вроде ИГИЛ, Аль-Каиды и т.п. Поэтому главная задача цифровых активистов не только в упомянутых странах, но и во всем мире – борьба с агрессивными авторитарными режимами и их элитами». Данные слова с теми или иными вариациями звучали на всех ключевых конференциях, посвященных ЦА, проведенных в конце 2015 – первом полугодии 2016 г.

Для аналитики нет хуже врага, чем пропаганда. Суть зачастую кроется в тонких моментах. Никто не пытается навязать ЦА идею о том, что его

врагом являются страны Китай, Россия, Иран, народы и тем более молодежь этих стран. Цифровых активистов, как во вне, так и внутри нацеливают не на страны, как географическое понятие, и их население, а на государственный аппарат, силовые структуры и властные персоналии. Это чрезвычайно важно учитывать при разработке практических мер противодействия.

К настоящему времени созданы специальные интерфейсные структуры, перенацеливающие глобальные усилия цифровых активистов с внутриполитических проблем западных стран на борьбу с государственными органами власти России, отчасти Китая и Ирана. Начиная со второй половины 2015 г. осуществляется крупномасштабная программа, связанная с практической реализацией данного поворота.

Настало время ответить на вопросы: каким образом осуществляется поворот, и кто его осуществляет? Не будет преувеличением сказать, и об этом уже написаны первые книги, изданные в последнее время, что в США сложился военно-разведывательно- высокотехнологический комплекс[133]. В книгах его называют «интернет-разведывательный комплекс». В структуру этого комплекса входят крупнейшие высокотехнологичные компании, типа Google, Facebook, IBM, значительное число благотворительных фондов нового поколения, созданных опять же на деньги высоко-

133. Шейн Харрис, Кибервойн@. Пятый театр военных действий. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016; Е.Ларина, Овчинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014; Андрей Фурсов. Конспирология // Криптополитэкономия капитализма как основа изучения западных элит. Журнал «Изборский клуб», № 4 (40) 2016, http://www.izborsk-club.ru/arh/04_2016Blok.pdf; Елена Ларина. Война элит во времена перемен // Журнал «Изборский клуб», № 4 (40) 2016, http://www.izborsk-club.ru/arh/04_2016Blok.pdf; Benjamin Wittes, Gabriella Blum, The Future of Violence: Robots and Germs, Hackers and Drones – Confronting A New Age of Threat, Basic Books, 2015.

технологичных компаний и их учредителей, инвестиционные фонды, университеты и иные периферийные структуры разведывательного сообщества США и др. западных стран. Ключевой термин здесь «периферийные». Цифровые активисты никогда не будут напрямую сотрудничать с государственными структурами, а с компаниями, благотворительными фондами, университетами и т.п. , пожалуйста, пускай даже знают, что они финансируются, в том числе разведывательным сообществом и Пентагоном.

Важно иметь в виду еще одно обстоятельство. Цифровые активисты – это не агенты ЦРУ, Моссада, МИ-5 или пятая колонна в ее пропагандистском понимании. Как уже отмечалось выше, революционеры и сторонники перемен во все времена и во всех странах охотно шли на сотрудничество с правоохранителями, спецслужбами, финансовыми и т.п. кругами. Революционеры всегда полагали, что они используют чужие ресурсы в собственных благих целях. Правоохранители и спецслужбы наоборот полагали, что предоставляя ресурсы, они втемную используют сторонников перемен и революционеров в собственных интересах.

В истории есть примеры и того, и другого. Но в настоящее время цифровые активисты несомненно являются не ведущими, а ведомыми в этом взаимодействии. Пожалуй, впервые за всю историю, интеллектуальная и технологическая мощь в такого рода симбиозе принадлежит элитам и корпорациям.

На наших глазах из независимой, набирающей могущество, молодой силы, чем дальше, тем больше ЦА превращается в неявно управляемый и используемый инструмент. Происходит превращение движения из субъекта, в объект, а точнее

инструмент, используемый определенными группами мировой элиты.

В ходе этих перемен целенаправленно формируется три взаимодействующих и взаимоувязанных отряда цифровых активистов. Это:

• хактивисты – хакеры, которые осуществляют деятельность в рамках решения политических задач. Поэтому они и называются хактивисты – хакеры + активисты. Направления хактивистской деятельности могут быть различными – от взлома баз данных и извлечения различных массивов информации, до изготовления софта для обхода различных государственных запретов и размещения текстовых, видео материалов на недоступных для государственного контроля ресурсах и т.п. Главным является то, что политические цели хактивисты достигают, используя программный код.

• гражданские активисты. Это – политические активисты, организаторы, политтехнологи, так называемые журналисты-расследователи. Они решают разные политические задачи, связанные с организацией массовых действий, мероприятий и т.п., в том числе противоречащих законам конкретной страны. Обязательным условием является то, что в своей деятельности они широко, профессионально и целенаправленно используют достижения высоких и прежде всего информационно-коммуникационных технологий. Вредным штампом является сведение деятельности гражданских активистов к различного рода «цветным революциям». «Цветные революции», чем дальше, тем больше становятся социльно-организационной технологией вчерашнего дня. Сегодня гражданские активисты берут на вооружение так называе-

мый «Пуш». Пуш вдохновлен идеями С. Алинского, К. Ширки и К. Санстейна[134].

• цифровое сопротивление. Данная группа активистов в своей деятельности может прямо нарушать национальные законодательства, опираясь на Всеобщую декларацию прав человека. Она трактуется как документ, дающий право человеку или группе реализовывать право на самооборону против государства, если оно, по их мнению, носит тоталитарный, авторитарный или репрессивный характер.

Если первые две группы не используют насилие, как инструмент борьбы, то цифровое сопротивление специализируется на насильственных методах, как правило, нелетального характера. Цифровое сопротивление с одной стороны обеспечивает высокотехнологическую поддержку конкретным акциям против правоохранительных структур в ходе различного рода волнений и выступлений. С другой стороны цифровое сопротивление осуществляет собственные акции. Например, ими могут быть атаки на цифровую инфраструктуру, телекоммуникации, перехват управления различного рода объектами инфраструктурного, гражданского и правоохранительного характера. В отличие от хактивистов цифровое сопротивление использует программный код не для действий в киберпространстве, а для прямого, в том числе разрушительного, воздействия на физические объекты[135].

В рамках политической деятельности цифровые активисты сформировали три основных направле-

134. Saul D. Alinsky, Rules for Radicals: A Practical Primer for Realistic Radicals. – Vintage, 1989; Clay Shirky, Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. – Penguin Press, 2008; Касс Санстейн, Иллюзия выбора. Кто принимает решения за нас и почему это не всегда плохо. – М.: Альпина Паблишер, 2016.

135. Marc Goodman, Future Crimes: Everything Is Connected, Everyone Is Vulnerable and What We Can Do About It. – Doubleday; 2015.

ния борьбы против главного противника – государства. Акции ЦА должны вынуждать правящие элиты, контролирующие государственную машину, выполнять последовательно предъявляемые требования ЦА. Кроме того, акции ЦА направлены на дешифровку и рассекречивание государственных решений, переход к подконтрольной и прозрачной государственной власти. При этом имеется в виду, что контроль будут осуществлять как раз цифровые активисты, а не население. В качестве своей главной задачи цифровые активисты рассматривают максимальное ограничение участия государства в общественной и частной жизни граждан во всех сферах человеческой деятельности – от экономики до культуры.

Современные информационные инструменты, в отличие от обычных, построены по клиент-серверному принципу. Все главные операции, делающие инструмент инструментом, осуществляются на сервере. Он может быть расположен сколь угодно удаленно. А сам инструмент – это клиент. Он расположен непосредственно у пользователя и воспринимается им как интерфейс компьютера, сматрфона, планшета и т.п. Клиент-серверная структура позволяет хозяевам серверов полностью контролировать и держать в подчинении всех, кто пользуется инструментами. Если они откажутся проводить политику хозяев, у них просто отключат сервер и их планшеты и смартфоны превратятся в куски металла и пластмассы. В этом смысле клиент-серверные инструменты, в отличие от обычной винтовки или ракетного комплекса, не могут перейти в собственность групп, использующих их. Контроль над сложным информационным оружием на порядки эффективнее, чем над любым другим.

ЦА предоставляются инструменты трех типов:

• различные коммуникаторы. Это шифрованные, не- и труднодоступные для правоохранительных и силовых структур, приложения, программы, сервисы. Они позволяют цифровым активистам в режиме реального времени взаимодействовать между собой, не боясь перехвата и мониторинга силовых структур.

• платформы взаимодействия. Чтобы действовать локально, а взаимодействовать глобально, как раз и нужны платформы. Платформы – это следующий шаг привычных нам сегодня «ВКонтаке», Facebook и т.п. В социальных сетях люди просто общаются, а на платформах – ведут реальную совместную деятельность. Сегодня весь мир знает такие бизнес-платформы как Airbnb, Uber и т.п.[136] На 2017 г. намечен запуск таких же глобальных платформ для ЦА.

• инструменты обеспечения интеллектуального превосходства. Сегодня крупнейшие корпорации вкладывают огромные средства в нейронные сети, машинное обучение, интеллектуальных агентов и т.п. В конечном счете, это – своеобразные экспертные (вопрос-ответные) системы, которые могут взаимодействовать с человеком на естественном (обычном) языке. Наиболее наглядный пример – Watson корпорации IBM. Однако и эта уникальная интеллектуальная система уже почти вчерашний день. На подходе более эффективные. В настоящее время они используются в полном объеме исключительно органами государственной власти, разведывательным и военным сообществами, крупным

136. На русском языке нет ни одной книги по платформам. Лучшая новая книга из зарубежных – Sangeet Paul Choudary, Marshall W. Van Alstyne, Geoffrey G. Parker, Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – And How to Make Them Work for You. – WW Norton & Company, 2016.

бизнесом. Уже с прошлого года IBM начала предоставлять всем желающим API Watson для создания клиент-серверных приложений. Известно, что в ближайшие месяцы планируется предоставить в распоряжение ЦА подобные системы, специально ориентированные на политические и социальные акции.

В 2016 г. начался подлинный бум программных интеллектуальных агентов, так называемых И-ботов. Интеллектуальные боты, способные, чем дальше, тем больше управляться голосом, выполняют роль полноценных интеллектуальных помощников, выискивая нужную информацию, оставляя сообщения, сортируя поступающую корреспонденцию, извлекая те или иные сведения из баз данных. В настоящее время в США и Западной Европе уже сотни компаний либо выпустили, либо вот-вот выпустят в свет интеллектуальных ботов. Есть в их числе и специализированные боты в помощь цифровым активистам.

В результате, правоохранители небольшого города, противодействующие массовым волнениям, в которых будут участвовать цифровые активисты, будут бороться не с протестантами и нарушителями общественного порядка, а с глобальной сетью цифровых активистов, вооруженных мощнейшими интеллектуальными инструментами, находящимися в собственности крупнейших корпораций.

Сейчас в основном в США, а также в Великобритании, Швеции, Голландии действует большое количество структур, занимающихся поддержкой ЦА. Непосредственно она оказывается, прежде всего, через благотворительные фонды, университеты и т.п. В своем большинстве они тесно связаны с крупнейшими IT корпорациями и разведыватель-

ным сообществом. Чтобы понять масштабы и интенсивность этой работы приведу несколько цифр.

На сегодняшний день выявлено, описано и задокументировано в учебных материалах, видеолекциях и т.п. 27 эффективных технологий ЦА. С каждым месяцем их число пополняется. В зависимости от конкретной задачи, определенной обстановки и ресурсов, из этого конструктора цифровые активисты могут собирать конкретную конфигурацию, наиболее подходящую для достижения конкретной цели. Есть почти 60 коммуникационных и информационных программ и приложений, которыми могут пользоваться цифровые активисты. В сети размещены специальные ресурсы, где они в режиме реального времени классифицируются, документируются и предоставляются для скачивания. До конца этого и в следующем году имеется в виду запустить три глобальные платформы ЦА с поддержкой на многих языках мира, включая русский. Уже в этом году должны быть созданы первые интеллектуальные агенты для ЦА. Это сервисы, которые позволяют использовать имеющиеся информационно-аналитические базы, а также возможности так называемого искусственного интеллекта для нужд политической борьбы ЦА.

Издаются книги, которые могут выступать как своеобразные учебники и руководства для цифровых активистов[137]. В Соединенных Штатах, Канаде, Скандинавии, странах Балтии, Бенилюксе действуют онлайн и оффлайн курсы и школы для цифровых активистов, регулярно проводятся открытые конференции и закрытые встречи по теме ЦА.

137. Например, Jeff Goodwin , James M. Jasper, The Social Movements Reader: Cases and Concepts. – Wiley-Blackwell, 2014; Victoria Carty, Social Movements and New Technology. – Westview Press , 2015; Greg Jobin-Leeds, AgitArte, When We Fight, We Win: Twenty-First-Century Social Movements and the Activists That Are Transforming Our World. – The New Press, 2016.

В России по состоянию на лето 2016 года не проведено ни одной конференции, не издано ни одной книги, не существует ни одного научно-практического центра, специализирующегося на ЦА. Это удивительная и парадоксальная ситуация.

В тексте сделана попытка объективно, избегая каких-либо оценочных суждений и по возможности полно изложить фактуру, связанную с ЦА и цифровыми активистами. В этой связи в заключение позволю себе высказать несколько небесспорных соображений:

Первое. Любая политика, построенная исключительно на запретах, является изначально оборонительной и пассивной. Кроме того еще с советских времен известна народная мудрость, сформулированная в виде анекдота: если сто умных людей думают, как что-либо запретить, как минимум тысяча не менее умных людей размышляют, как обойти запрет, и неизбежно находят решение. Поэтому исключительно запретительный уклон ведет к неизбежному поражению. Запреты нужны, но упование преимущественно на них, это – признак не силы, а слабости.

Второе. Лучшая оборона – это наступление, полное использование тех шансов, которые предоставляются. В 2014 г. перипетии внутриполитической жизни США и динамика геополитической ситуации предоставили удивительный шанс в лице оказавшегося в Москве Э. Сноудена. При умелом, оперативном и творческом использовании феномена Сноудена, движение ЦА могло быть повернуто в совершенно неожиданную сторону. Однако этого не случилось.

Третье. Сиюминутные пропагандистские цели не должны заслонять стратегические интересы.

ЦА – сложный неоднозначный феномен, связанный с логикой научно-технологического прогресса и социодинамикой. Записывать всех цифровых активистов в «пятую колонну» – это ошибка. Как справедливо отмечали классики, ошибка в определенных ситуациях хуже, чем преступление. ЦА – это не только угроза, но и возможность. С ЦА и вовне, и внутри надо уметь последовательно и эффективно взаимодействовать. Необходимо отдавать отчет, что ряды деструктивно ориентированных цифровых активистов плодят на столько Госдеп и Лэнгли, сколько заторможенность социальных лифтов, ограниченные возможности для молодых профессионалов многих профессий и специальностей реализовать свои навыки и знания в собственной стране и т.п.

Есть известная мудрость: если не хочешь кормить свою армию, то вскоре придется кормить чужую. Применительно к нынешним реалиям это означает: если не ведется эффективное взаимодействие с наиболее технологически и профессионально продвинутой частью молодежи, ей не предоставляются возможности и ресурсы, то все это будет неизбежно сделано другими. И последствия будут не самыми лучшими.

Вместо заключения
АСИММЕТРИЯ ПОБЕДЫ

На любую ситуацию надо смотреть открытыми глазами, не выдавать желаемое за действительное и принимать вещи такими, какие они есть на самом деле, а не такими, о каких мечтают. Именно в сфере технологического противоборства Запад после крушения Советского Союза имеет наиболее заметные преимущества. Технологическое превосходство Запада над Россией заметно увеличилось за последние 25 лет. Разрешение советской цивилизации, упадок науки и технологии, регрессивные изменения в воспроизводственной структуре экономики резко ухудшили позиции нашей страны в глобальном соревновании цивилизаций.

В этой связи насущной, возможно ключевой с точки зрения национальной безопасности, экономического и социального развития является задача разработки ассиметричных, по возможности, малоресурсоемких, оперативных и обязательно практически реализуемых мер по перехвату Россией инициативы в технологической гонке.

Перенос противоборства в технологическую сферу, несомненно, относится к классу асимметричных конфликтов. Их теория впервые была разработана в Соединенных Штатах и Великобритании еще в 70-е годы прошлого века[138]. Однако впервые асим-

138. Е.Ларина, В. Овчинский. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: КМК, 2015.

метричные конфликты были целенаправленно поставлены во главу угла в национальной стратегии оборонной Китайской Народной Республики, принятой в начале этого века.

Овладение особенностями стратегии и тактики, разработка инструментария асимметричных конфликтов открывает перед более слабой его стороной возможности для победы. Так, ведущий исследователь асимметричных конфликтов Аррегин-Тофт подсчитал итоги конфликтов за последние 200 лет между крупными и маленькими странами. В результате расчета выяснилось, что в 71% побеждает сильная сторона, и лишь в 29% – более слабая с точки зрения наличия ресурсов. Одновременно Аррегин-Тофт проанализировал конфликты между сильной и слабой стороной, когда слабая сторона использовала различного рода нетрадиционные, как военные, так и не военные методы. Расчеты показали, что в этом случае процент побед слабый стороны возрос с 29 до 64[139].

Что касается китайского варианта асимметричных конфликтов, то в нем, согласно и официальным, и неофициальным источникам упор сделан на кибероружие. Фактически кибероружие стало для НОАК своего рода фактором сдерживания. При этом надо отметить, что в современном сверхинформатизированном и взаимоувязанном мире использование кибероружия одной стороной против другой, даже в прокси варианте, весьма чревато полномасштабным традиционным военным конфликтом. Недавно принятые официальные американские стратегические военные документы прямо указывают на то, что в случае идентифика-

139. Ivan Arreguín-Toft, How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict (Cambridge Studies in International Relations). – Cambridge University Press, 2005.

ции кибера грессора, по нему может быть нанесен удар не только средствами кибервооружений, но и с применением разнообразных традиционных видов оружия, вплоть до ракетного.

Сегодня, как никогда остро стоит задача найти конвенциальные, т.е. разрешенные, не влекущие за собой риска неконтролируемой эскалации, направления и инструменты асимметричных противоборств. Представляется, что по сути единственным на сегодняшний день такого рода полем является технологическое. Именно в технологической сфере противоборство может вестись абсолютно в рамках и национальных, и межгосударственных юридических норм, ни в коей мере не определяться как военные действия какого-либо типа, но при этом, по сути, обеспечивать успешное ведение асимметричных конфликтов.

Еще в начале 90-х годов, опираясь на пионерские книги С. Лема «Сумма технологий» и Э. Янча «Прогнозирование научно-технического прогресса», А. Террилл опубликовал работу, посвященную возможностям использования спилловер-эффекта в асимметричных и гибридных конфликтах[140].

Спилловер-эффект представляет собой распространение турбулентности, неустойчивости, изменения динамики из одной сферы в другую, связанную с ней. Первоначально этот феномен был открыт практически одновременно в гидродинамике и при анализе инвестиционных рынков. А. Террилл установил, что различного рода изменения внутри техносферы оказывают максимальный спилловер-эффект на политику, экономику, социум. Иными словами, процессы, происходящие внутри технологической сферы, гораздо интенсивнее и сильнее

140. A.W. Terrill, Spillover Effect of the New War. – Strategic Studies Institute, 1993. – http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/

влияют на другие сферы человеческой деятельности, чем перемены, происходящие в иных ее сегментах. Открытие спилловер-эффекта технологий фактически сделало возможным целенаправленное использование технологий как инструмента и поля противоборств.

Однако спилловер-эффекты не были взяты на вооружение западной стратегической мыслью. В это время она была увлечена сетецентрическими платформами, операциями на основе эффектов, управляемым хаосом и другим инструментарием. Согласно анализу публикаций в американских военных и научных журналах спилловер-эффекты техносферы продолжают недооцениваться и сегодня. Главные надежды в настоящее время связываются с кибероружием и поведенческими войнами, а также совершенствованием форм конфликтов в направлении расширения практики гибридных войн.

Между тем именно для России технологическое направление противоборства открывает наиболее интересные перспективы. На сегодняшний день именно в Соединенных Штатах и союзных им странах, в первую очередь Западной Европы и Японии имеется наиболее развитая и динамичная техносфера. В России же в силу целого ряда обстоятельств истории, техносфера в последние 25 лет испытала на себе действие разнородных деструктивных процессов. В результате мы имеем дело с классической асимметричной ситуацией, когда слабость может быть превращена в силу, а недостатки при должном подходе превращены в достоинства.

Дело за малым: за разработкой и использованием инструментария, который позволит реализовать на практике спилловер-эффект и обеспечить на этой

основе потенциальные возможности для управляемых дисфункций и направленных деструкций производственно-технологического, финансово-экономического и социально-политического компонентов мощи Запада.

Иными словами, необходимо найти такие технологические артефакты, которые бы повысили турбулентность и неустойчивость технопроизводственной платформы современного Запада и как следствие привели бы к негативной динамике и дисбалансированности в финансово-экономической и социально-политической областях. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос: возможно ли это принципиально?

Теории длинных волн Н. Кондратьева[141] и его последователей, технических и технологических систем как техноценоза профессора Б. Кудрина[142], технологически-инвестиционных циклов К. Перес[143], технологических укладов С. Глазьева[144], геотехноценозов В. Криворотова – Л. Бадалян[145], нелинейной социодинамики профессора Г. Малинецкого[146] и технопакетов С. Переслегина[147] позволяют не просто положительно ответить на поставленный вопрос, но и содержат все методологические предпосылки и эвристики для определения круга необходимых технологий, которые могут быть исполь-

141. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.
142. Кудрин Б.Н. Исследования технологических и технических систем как сообществ изделий – техноценозов. Системные исследования. – М.: 1982.
143. Карлота Перес, Технологические революции и финансовой капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2013.
144. С. Глазьев, Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
145. Лусине Бадалян, Виктор Криворотов, История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Либроком, 2012.
146. Малинецкий Г.Г., Синергетика: Будущее мира и России. – М.: Либроком, 2008.
147. Переслегин С. Дикие карты будущего. – М.: Алгоритм 2015.

зованы в качестве своеобразного «технологического оружия» в жестком противоборстве.

Следует особо подчеркнуть, что использование тех или иных технологий как асимметричного инструмента жесткого противоборства не имеет ничего общего с традиционными военными технологиями, используемыми в сфере обычных, либо кибервооружений. Речь идет о любых, в первую очередь, технологиях гражданского или двойного назначения, которые определяют технодинамику, входят в техноценозы, влияют на состояние инвестиционных рынков, экономическую активность, социальную динамику и политические решения.

Технология в каноническом понимании, это – последовательность операций, обеспечивающих воспроизводимый, наперед заданный результат при соблюдении установленных требований, условий, регламентов, а также при наличии необходимых инструментов и т.п. В обыденной жизни технологии, как правило, связываются с преобразованием природы, т.е. вещества, либо информации.

Однако, строго говоря, технологии представляют собой способ преобразования чего-то во что-то и потому касаются всех сторон человеческой жизнедеятельности. Как правило, выделяется три основных типа технологий: во-первых, предметные, связанные с преобразованием вещества или самого человека; во-вторых, инвестиционно-управляющие, связанные со способами концентрации различного рода ресурсов; и, в-третьих, институциональные, связанные с организацией и взаимодействием людей в процессе использования предметных и инвестиционных технологий[148].

148. Карлота Перес, Технологические революции и финансовой капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2013.

Каждой группе предметных технологий соответствуют свои инвестиционные и институциональные технологии. Еще одним важным понятием является «технологический пакет». Технологический пакет – это взаимосвязанная и взаимодействующая совокупность технологий, позволяющих получить тот или иной конечный продукт, удовлетворяющий какую-либо потребность[149]. Например, существует технопакет «Персональный компьютер». В рамках этого технопакета имеются различные варианты, обеспечивающие изготовление десктопов, ноутбуков, смартфонов и т.п.

Оружием, используемым в технологической сфере жесткого асимметричного противоборства, может быть не любая технология, а лишь дестабилизирующая, т.е. повышающая неустойчивость, создающая новые проблемы и т.п. для деловой, инвестиционной, социальной и политической сред. Нужно найти те технологии, которые, в конечном счете, могут вызвать ощутимые потрясения. При этом сразу же надо подчеркнуть, что само по себе наличие таких технологий и знание у другой стороны противоборства о том, что они имеются у противоположной стороны, является мощным сдерживающим фактором и может привести к необходимым последствиям даже без фактического задействования в реальности таких технологий.

О каких же группах технологий конкретно идет речь? Начнем от простого к сложному. Первая группа технологического оружия – это так называемые «замыкающие» технологии[150]. Каждый технопакет имеет свою замыкающую технологию, которая пре-

149. Переслегин С. Дикие карты будущего. – М.: Алгоритм 2015.
150. Переслегин С. Дикие карты будущего. – М.: Алгоритм 2015.

вращает совокупность технологий в единое целое и делает продукт, изготовленный с использованием всех этих технологий, удовлетворяющим ту или иную потребность.

Поясним на простом примере. Одной из самых популярных ныне новаций не только в военной, но и во все возрастающей степени в гражданской сфере, являются дроны, или беспилотные летающие аппараты. Сегодня уже крупнейшие интернет-порталы переходят к доставке заказанной на них продукции на места, при помощи небольших дронов. При этом мало кто знает, что первый дрон поднялся в воздух и успешно выполнил задание в 1933 году. Это был британский БПЛА многократного использования Queen Bee. В 60-х – первой половине 80-х годов лидером в разработке и производстве БПЛА, выполняющий в основном функции разведчиков, был СССР. Затем значительная часть конструкторов, инженеров, технологов эмигрировала в Соединенные Штаты и Израиль. Теперь именно эти страны стали мировыми лидерами дроностроения и применения их как в гражданской, так и в военной сферах. Таким образом, технопакет для производства БПЛА существует уже без малого 80 лет. Однако повсеместное их применение стало возможным после создания замыкающей технологии по изготовлению микроэлектроники, позволяющей дрону выполнять сложнейшие функции при минимальных затратах средств и максимальных внешних помехах.

Не сложно понять, что замыкающая технология тем важнее, чем для более значимого для экономики и социума технопакета она предназначена. Казалось бы, получить наперед такого рода знания мало вероятно. Ведь согласно известной житейской мудрости: «знал бы прикуп, жил бы в Сочи».

Однако с нулевых годов нынешнего века и представители разведывательного сообщества, и люди бизнеса задумались, а нельзя ли создать методики определения перспективных технопакетов и поиска будущих замыкающих технологий для них. На Западе первые шаги в этом направлении уже сделаны. Знаменитый Питер Тиль, хозяин самого известного программного комплекса, используемого разведкой США, «Palantir» совместно с партнером, выдающимся математиком Шоном Горли создал компанию Quid. Эта компания специализируется на поиске пустых технологических ниш, которые крайне необходимы для дальнейшего развития тех или иных технологий, и которые в настоящее время не заполнены. Делается это на основе анализа больших патентных данных и нейросетевого программирования. Американские государственные органы и практически все компании из списка Fortune 500 платят миллионы долларов за прогнозы П.Тиля и Ш. Горли.

В России имеется более сильная система поиска замыкающих технологий для наиболее перспективных технопакетов. Американская система построена на чисто счетной модели и выдает большую совокупность результатов, которые отсеивать должны уже эксперты, придерживающиеся, как правило, консервативных убеждений, у которых как показал Д. Канеман, чрезвычайно велико влияние личных субъективных предпочтений и собственных научных взглядов[151]. Российская система, созданная под руководством С. Переслегина, базируется на выверенном методическом основании анализа и прогнозирования технопакетов, новейших методах многокомпонентного анализа патентов, заявок и публикаций, разнообразных

151. Д. Канеман, П. Словик, А. Тверский. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. – М.: Гуманитарный центр, 2005.

математических моделях, а также уникальной методике «Знаниевый реактор». Данный комплекс позволяет определить не только наиболее перспективные технопакеты, но и выделить в них еще не существующие замыкающие технологии. Он был с успехом опробован на самых серьезных проектах, в том числе, корпорации «Росатом».

Может возникнуть сомнение, а какова польза в столь эффективном комплексе, если замыкающие технологии наверняка принадлежат корпорациям из списка Fortune 500, которые в немалой степени интегрированы с политической элиты, конфронтирующей с Россией. Что касается самих технопакетов, то до известной меры это действительно так, а вот с замыкающими технологиями дело обстоит прямо противоположным образом.

Последние три года в качестве наиболее влиятельного бизнес-мыслителя Запада признается Клайтон М. Кристенсен, автор знаменитой концепции «подрывных инноваций». Сами по себе подрывные инновации не базируются на каких-либо прорывных технологиях, а представляют собой результат комбинации уже хорошо известных, отработанных технологий с добавлений к ним какого-либо оригинального элемента, увязывающего их в новую конфигурацию[152]. По сути, технологическое основание подрывных инноваций практически идентично замыкающим технологиям перспективных технопакетов.

После выхода книг К. Кристенсена[153], он стал одним из самых востребованных бизнес-консуль-

152. Клайтон М. Кристенсен. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. – М.: Альпина Паблишер, 2014.
153. Клайтон М. Кристенсен, Скотт Энтони, Эрик Рот. Что дальше? Теория инноваций как инструмент предсказания отраслевых изменений. – М.: Альпина Паблишер, 2008; Клайтон М. Кристенсен, Майкл Е. Рейнор. Решение проблемы инноваций в бизнесе. Как создать растущий бизнес и успешно поддерживать его рост. – М.: Альпина Паблишер, 2014.

тантов крупнейших корпораций. По их заданию он провел обследование. По результатам выяснилось, что из 142 подрывных инноваций, вычлененных за период 2001-2013 годов, 117 разработали и осуществили маленькие компании и стартапы, которые затем либо превращались в гигантов, либо покупались уже существующими лидерами отрасли. Singularity University (Университет сингулярности) в США в этом году опубликовал еще более ошеломительные цифры. За период с начала века из 100 коммерчески наиболее успешных инноваций 87 были созданы маленькими компаниями, либо стартапами. Причем более 60% из них терпели банкротства, стояли на пороге разорения и т.п. и реализовывали свои разработки лишь со второго или третьего раза[154].

Иными словами, при наличии эффективного инструмента анализа и прогнозирования перспективных технопакетов и замыкающих технологий вполне возможно приобретать значительные доли в компаниях, которым предстоит создать завершенные замыкающие технологии и фактически контролировать в значительной степени наиболее перспективные технопакеты. Никаких ограничений на покупку маленьких компаний и стартапов в любой технологической сфере нигде в мире не существует. Таким образом, осуществив своевременные покупки, даже учитывая, что среди них, несомненно, будут и «пустышки», возможно установление в той или иной степени контроля над некоторыми ключевыми технопакетами. А контроль и собственность – это не что иное, как действенный, практичный, и как не удивительно недорогой способ технологического противоборства, реализующий победную стратегию.

154. Материалы конференции Exponential Finance, Singularity University, 2014.

Большая часть технологий развивается, как установил еще С. Лем и подтвердили последующие исследования, по законам, сходным с законами биологической эволюции. Однако это касается подавляющей части технологий «по правилам». Но есть исключения, своего рода «черные лебеди»[155] технологий, появление которых приводит к кардинальным переменам, и предсказать которые либо невозможно, либо крайне маловероятно. Известный российский мыслитель и автор фантастических романов А. Столяров назвал такие технологии «эдем-технологиями»[156]. Названием они обязаны тем, что появляются совершенно непредсказуемо, в каком-то смысле случайно, и кажутся не от мира сего.

Как уже отмечалось, появление таких технологий невозможно предсказать. Однако, еще в 60-е годы знаменитый советский авиаконструктор и физик Роберто де Бартини и не менее знаменитый философ, математик и конструктор Побиск Кузнецов решили изучить историю такого рода технологий. В результате работы, длившейся несколько лет, им удалось вычленить почти под сотню примеров эдем-технологий, которых объединяло одно общее свойство: все они когда-то были открыты, но использовались весьма неэффективно, если не сказать – странно. Это позволило им разработать специальную методику поиска таких технологий среди всего массива уже совершенных открытий, изобретений, разработок. Самое удивительное, что эта методика оказалась никому не нужной и не была опубликована. До сих пор значительные ее фрагменты, которые позволяют восстановить

155. Нассим Николас Талеб. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, 2009.
156. А. Столяров. Освобожденный Эдем. – М.: АСТ, 2008.

весь методический материал, содержатся в фонде № 151 – «Архив Кузнецова Побиска Георгиевича» в Центральном московском архиве – музее личных собраний ГАУ Москвы. Соответственно, реконструируя эту методику, можно, используя тотальную оцифровку патентной документации, книг, архивов и т.п. сформировать исчерпывающий фонд потенциальных эдем-технологий. А имея такой фонд, своеобразную «лебединую ферму», можно запускать «черных лебедей», несущих потрясения и дестабилизацию, в нужное время и в нужном месте.

Чтобы на примере пояснить, о чем идет речь, приведем лишь две выдержки из изысканий Р. Бартини – П. Кузнецова. Все хорошо знают, что первая промышленная революция началась с изобретения Дж. Уаттом паровой машины. Гораздо менее известно, хотя и является непреложным, всесторонне исторически подтвержденным фактом, что паровая турбина была изобретена в середине I века н.э. в Римской империи Героном Александрийским и оказалась никому не нужна. Ее длительное время использовали как своеобразный сувенир. Одни состоятельные римляне дарили другим минитурбину как забавную игрушку. Более того, по сути, в этой турбине был открыт и принцип реактивного движения. Но первые реактивные самолеты появились спустя 2000 лет.

Как мы хорошо знаем еще со времен школы, жители Латинской Америки не знали колеса. Империи ацтеков и инков обходились без повозок. Однако археологи за последнее столетие нашли множество колесных игрушек в поселениях инков. Т.е. дети прекрасно играли в колесные игрушки, а взрослые не приспособили колесо к повозке. Такие

примеры из коллекции Р. Бартини и П. Кузнецова можно приводить страницами.

Наиболее мощный потенциал в качестве технологических вооружений в рамках жестких противоборств имеют так называемые «закрывающие» технологии. Впервые этот термин был введен в оборот в середине 90-х годов безвременно ушедшим оригинальным мыслителем и известным общественным деятелем С. Давитая. Между тем, работа в этом направлении началась еще с середины 80-х годов в рамках темы так называемых «загоризонтных» технологий. Работа осуществлялась в рамках проектов создания российских аналогов DARPA и IARPA коллективом под руководством Н.А. Шама, ныне генерал-майора КГБ СССР в отставке. В рамках этой работы впервые в мире была создана методика определения, поиска, оценки, проверки, верификации, и доведения до стадии эксплуатации закрывающих технологий. Вместе с разработкой методики был выявлен корпус подобных технологий, отдельные из которых были подготовлены к практическому использованию.

В конце 80-х эти работы по решению М.С. Горбачева были приостановлены, а затем окончательно свернуты правительствами Е. Гайдара и В. Черномырдина. Тем не менее, необходимые методические материалы, а также массивы данных, не утративших актуальности по сегодняшний день, сохранились и могут быть использованы для обеспечения решающих преимуществ в России в технологическом противоборстве.

Закрывающие технологии представляют собой технологические пакеты, позволяющие удовлетворить различного рода потребности на качественно более высоком уровне, чем это обеспечивают

имеющиеся технологические пакеты, как правило с гораздо меньшими (иногда на порядок) затратами ресурсов, и блокировкой различного рода негативных последствий, свойственных традиционным технологиям. По своему характеру они, по сути, отрицают технологии господствующего технологического уклада.

Закрывающие технологии никому, кроме их конечных потребителей, будь то население или институциональные структуры, категорически не нужны. В силу своих характеристик они, по сути, обесценивают имеющийся капитал в самой различной его субстратной форме, начиная от машин и оборудования, технологических линий, и заканчивая профессиональными компетенциями, знаниями, навыками. Более того, по результатам своего широкого применения они обладают свойством резко менять конфигурацию политических связей и властных иерархий, силовых балансов и даже элитных взаимодействий. Они вносят дезорганизацию и сумятицу в сложившиеся научные табели о рангах, разрушают, казалось бы, незыблемые репутации обремененных многочисленными регалиями и степенями научных работников, конструкторов, технологов, руководителей производств и капитанов бизнеса. Наконец, эти технологии, будучи реализованными, значительно ускоряют динамику, повышают устойчивое неравновесие и увеличивают турбулентность в технико-производственных, финансово-экономических и социально-политических компонентах общества.

По этим причинам все, что связано с закрывающими технологиями, категорически отторгается на всех уровнях, начиная от научного сообщества, заканчивая государственной бюрократией. В пре-

дельных вариантах, а история зарегистрировала много таких случаев, разработчики закрывающих технологий подвергаются не только травле, но и попадают в изоляцию, либо уничтожаются физически. Причины тому – не какие-то загадочные заговоры, а элементарные нужды самосохранения господствующих элит и логика развития техноценозов, финансовой и иных сфер.

В силу конкретных исторических обстоятельств, Россия до сих пор располагает определенным набором закрывающих технологий, в том числе прошедших тщательную процедуру проверок и верификации. При этом наша страна не является монополистом в сфере закрывающих технологий. Технологические пакеты, которые после проведения верификации на реальную результативность, воспроизводимость и тиражируемость, могут быть отнесены к закрывающим технологиям, имеются и во многих других странах мира. При этом если в России в силу неразвитости высокотехнологичной сферы разработчики закрывающих технологий просто попадают в разряд «новых лишних людей», то в высокотехнологичных странах они подвергаются угрозам и преследованию. Это предоставляет замечательные шансы для аккумуляции такого рода технологий именно в России, под государственной защитой.

Поскольку закрывающие технологии являются двойными технологиями в том смысле, что наряду со своим прямым назначением – удовлетворять какие-либо потребности, они по своей природе являются мощным оружием жесткого технологического противоборства, как сами эти технологии, так и методическая база работы с ними должны подвергаться процедурам засекречивания, а их ав-

торы попадать под государственную физическую защиту. Кстати интересно, что значительная часть разработчиков верифицированных закрывающих технологий, прекрасно понимает эти обстоятельства и сама выражает готовность работать либо полностью в государственных структурах, либо в структурах со значительным государственным влиянием.

В настоящее время имеются все необходимые предпосылки для того, чтобы оперативно развернуть работу по практическому использованию замыкающих, эдем- и закрывающих технологий для обеспечения в короткие (не исторические, а календарные) сроки, при небольших по сравнению с возможными результатами, затратах ресурсов, решительного изменения в пользу России баланса сил и возможностей в технологической и иных сферах жесткого противоборства с Западом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИГРЫ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Елена Сергеевна ЛАРИНА

УМНОЖАЮЩИЕ СКОРБЬ

КАК ВЫЖИТЬ В ЭПОХУ ВОЙНЫ ЭЛИТ

Предисловие А.И. Фурсова

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 10.
Тираж 1000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru